МАРИЯ МУН

Обожженные крылья

Спасение

18+

Мария Мун

Обожженные крылья. Спасение

«Автор»
2026

Мун М.

Обожженные крылья. Спасение / М. Мун — «Автор», 2026

Кайла Коралин - 19-летняя студентка-медик, чья жизнь подчинена заботе о младшем брате и выживанию под строгим надзором жестокого родственника. Её дни наполнены бесконечной борьбой за право на свободу. Но всё меняется, когда судьба сталкивает её с Лукой Кальвейрой - сломленным боксером, который бежит от призраков собственного прошлого. Фиктивная помолвка кажется идеальной сделкой ради иллюзии безопасности. Вот только фальшивые чувства стремительно перерастают в настоящие. Теперь Кайле предстоит сделать выбор: остаться под покровом одиночества или рискнуть и разделить свои страхи и надежды с тем, кто так неожиданно стал её опорой.

© Мун М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Первая часть трилогии <<Обожженные>> 5
ПРОЛОГ 7
ГЛАВА 1 9
ГЛАВА 2 27
ГЛАВА 3 43
ГЛАВА 4 61
ГЛАВА 5 78
ГЛАВА 6 95
ГЛАВА 7 112
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Мария Мун
Обожженные крылья. Спасение

Первая часть трилогии <<Обожженные>>

Самые прекрасные случайности в жизни человека начинаются в тот момент, когда он встречает в чужом сердце отражение своего собственного.

ПРОЛОГ

"...То, что было потеряно, находит новую жизнь в том, что еще не завершено. Тех, кто делит одни и те же боли, объединяют незаметные шрамы..."

Пламя, словно живое существо, танцевало в ночи, и дым окутывал меня, как тёмная вуаль. Я стояла в углу комнаты, не веря своим глазам, и всё происходящее казалось кошмаром, из которого нельзя проснуться. В тот момент, когда я увидела, как огонь пожирает дом, я не могла осознать, что именно теряю. Казалось, время замедлилось, как будто все события разворачивались в замедленной съемке, и каждая секунда тянулась бесконечно.

Родители... Их голоса раздавались сквозь дым, зовя сквозь пелену огня. Мама, которая всегда была рядом, с её мягким и успокаивающим голосом. Папа, способный рассмешить одним взглядом. Теперь они были лишь тенью в клубах дыма, наполнявшего комнату. Холодный страх сжимал сердце, слёзы текли по щекам, но оставалось только стоять и смотреть.

Тот вечер казался таким близким, словно произошёл всего мгновение назад. Мы вместе готовили ужин, смеялись, делились планами на выходные. Планировалась экскурсия с классом, а мама уже придумала, что надеть. *«Только не забудь взять с собой тёплый свитер»,* — сказала она, наблюдая за радостными танцами по кухне. Теперь все эти мелочи, детали прошлого казались далекими и неважными.

Вдруг раздался треск — звук, который запомнится навсегда. Он был таким громким, таким пронзительным, что казалось, мир вокруг разрывался. Попытки закричать не увенчались успехом, слова застряли в горле. Огонь быстро распространялся, и становилось понятно, что нужно выбраться. Но как? Мой взгляд остановился на детской комнате, полной игрушек и рисунков, и встретился с глазами младшего брата Адама, который тихо спал в кроватке. Совсем маленький, он в тот момент казался самым беззащитным существом на свете.

Я бросилась к нему, чувствуя, как горячий воздух обжигает моё лицо. Заботливо наклонившись к его кроватке, я подняла его на руки, и, несмотря на страх, стремление спасти его было сильнее. Адам начал плакать, его крики слились с оглушающим шумом, и я понимала, что время уходит. Знала, что должна выбраться, но как? Вместе с ним шла к двери, чувствуя, как пламя лизало мою ногу. Оно жгло меня, но я не могла остановиться.

Когда я распахнула дверь, передо мной предстала адская картина — всё вокруг горело, и спасение казалось невозможным. Я кричала, зовя родителей, но ответа не было. Громкий треск обрушился на меня, когда потолок начал оседать. В тот момент, когда я сделала шаг на лестницу, в спину меня ударил жар. Пламя вырвалось слишком близко, и я почувствовала, как обжигающая боль пронзила моё открытое плечо. Кожа словно зажглась, и боль заставила меня вскрикнуть, но я сжала зубы. Зажмурившись, несмотря на боль, я держала Адама крепко, как будто он был единственным мостом между прошлым и будущим.

Всё происходило так быстро. Помню, как мне удалось вырваться на улицу, но как только я это сделала, я поняла, что всё, что я знала и любила, сгорело заживо. Стояла на улице и обхватив своего младшего брата, я смотрела на дом, который когда-то был моим домом. Я не могла сдержать рыданий, не могла осознать, что потеряла родителей в ту роковую ночь. Адам

продолжал плакать, и я прижала его к себе, чувствуя, как его маленькое тёплое тело дрожит от испуга.

Ночью, под звуки пожарных сирен и стук сердца, я поняла, что больше никогда не услышу мамин смех или папино "всё будет хорошо". В тот миг я стала опекуном, и теперь моя жизнь уже никогда не будет прежней. Мы остались одни — я и мой младший брат, маленькая жизнь, которую я должна была защищать, несмотря на свои собственные раны. Я поклялась себе, что сделаю всё, чтобы Адам не остался один, как осталась я.

Но в душе я знала, что этот пожар оставил шрамы, которые никогда не заживут.

ГЛАВА 1

Холодный дом

Кайла

На занятии по анатомии я пристально смотрела на изображение на экране, на череду мельчайших артерий и вен, будто проступающих сквозь плоть, — каждый их изгиб и каждую развилку. Казалось, что я смогла бы потеряться в этих линиях, забыть обо всем остальном и просто погрузиться в этот сложный и прекрасный механизм человеческого тела.

Второй курс медицинского факультета — долгожданный этап, к которому я шла столько лет. С детства мне казалось, что ничто в жизни не может быть важнее врачебного дела.

И вот я здесь, сижу за партой, слушаю профессора и мысленно примеряю на себя роль врача. Но на практике всё оказалось гораздо сложнее, чем я представляла. Учёба требует не просто старания, а полной вовлечённости — нужно жить этим делом, быть готовой жертвовать сном, свободным временем, а иногда и силами. Особенно меня вдохновляет профессор Люсия Беннет — строгая, но невероятно талантливая врач, знающая, как превратить студента в настоящего специалиста. Её лекции всегда заставляют думать, анализировать, а не просто запоминать. Именно она порекомендовала мне пройти дополнительную практику, сказав, что знания приходят не только из учебников, но и из реальной работы с пациентами.

После первого курса я решила не терять времени и начала практиковаться — сначала наблюдала за работой врачей, помогала в простых задачах, изучала истории болезней, разбирала клинические случаи. Это дало мне хорошую базу, но я понимала, что нужно больше реального опыта.

Кроме того, у неё был знакомый врач в городской больнице, и она уверила меня, что он поможет мне освоиться и получить по-настоящему ценный опыт. Это стало для меня отличной возможностью не только применить знания на практике, но и научиться у профессионала с большим опытом.

Попасть в дежурную больницу было непросто — конкуренция высокая, да и новичков там не особо ждут. Когда я пришла туда, меня встретили сдержанно: среди сотрудников было немало более опытных студентов, которые скептически отнеслись к моему появлению. Но после того как я показала себя в деле — быстро среагировала в экстренной ситуации, грамотно ассистировала врачу и уверенно выполняла базовые манипуляции — отношение ко мне изменилось. Меня начали воспринимать всерьёз, и со временем я стала частью команды.

Сейчас я два раза в неделю дежурю в больнице. Там я вижу реальные случаи, слышу истории пациентов, а не просто читаю строки в учебнике. Это бесценный опыт, хоть иногда бывает страшно. Усталость накапливается невыносимо, но я знаю: каждый день, проведённый в больнице, приближает меня к мечте.

Только вот всегда мучает беспокойство за брата. Мне приходится оставлять его одного на весь вечер, иногда и поздно ночью. Я помню, как он уговаривал меня не волноваться, клялся, что справится, но не проходит и дня, чтобы я не переживала за него. Он ведь всего лишь ребенок, да и после родителей для него осталась только я.

Адам, мой младший брат, — тот, о ком я беспокоюсь больше всего. Ему всего восемь, и с тех пор, как нас отдали под опеку дальнему родственнику, мне приходится постоянно переживать за него. Наш опекун, дядя Генри, — человек непростой. После смерти родителей нам с

братом пришлось поселиться у него, но с теплотой этот дом никогда не ассоциировался. Генри не слишком рад нашему присутствию, хотя формально отвечает за нас, ну сейчас больше за моего брата. Он может выпить, часто бывает раздражительным, а я боюсь оставлять Адама с ним одного. Вечерами, когда я прихожу домой, меня встречает гнетущая тишина и холодные взгляды дяди.

Но чаще всего его нет дома, и мне проще, когда так. Но иногда он возвращается раньше, и эти вечера с запахом спиртного и напряжённым молчанием тянут время, как липкое покрывало, и кажется, что воздух в доме становится другим. В такие моменты я жду, когда он снова уйдёт, и мы останемся вдвоём.

Эмма, моя лучшая подруга и однокурсница, легко догадывается о том, что у меня на уме. Мы сидим рядом, и она вдруг тихо спрашивает:

— Ты в порядке? Опять задумалась?

Я слегка кивнула и натянула улыбку.

— Да, всё нормально. Просто немного устала.

Эмма не поверила в мой ответ. Она всегда чувствовала, когда я скрываю что-то. С каждым днём она всё лучше меня понимала, и этот взгляд... он всегда раскрывал мои мысли.

— Ты что-то скрываешь, — она качнула головой, продолжая изучать меня взглядом. — Что тебя беспокоит?

— Просто... волнуюсь за Адама, — призналась я, чувствуя, как тяжело мне говорить. — Мне нужно работать, но иногда я думаю, что не справляюсь. Я должна быть рядом с ним, а не на дежурствах.

Эмма молчала некоторое время, внимательно меня слушая. Она всегда умела оставлять пространство для моих мыслей, не давила и не торопила.

— Ты всегда стараешься быть всем сразу. — Эмма наконец заговорила, её голос был мягким, но полным заботы. — Кайла, ты не можешь всё контролировать. Ты не обязана быть идеальной во всём.

Я повернулась к ней, и она взглянула на меня с такой искренней поддержкой, что мне стало немного легче.

— Я знаю, но... — я замолчала, не зная, как продолжить. — Я боюсь, что, если я не буду рядом с ним, что-то случится. Мне сложно доверить его кому-то.

Эмма взяла мою руку, её пальцы нежно сжали мою ладонь.

— Я понимаю, — сказала она, её голос был наполнен сочувствием. — Но ты должна понять, что ты не можешь быть на месте везде и всегда. Ты не сможешь спасти всех, если не позаботишься о себе. Ты тоже важна.

Я посмотрела на неё, пытаясь понять, как она могла так просто говорить об этом, а мне казалось, что я должна нести ответственность за всё и всех. Эмма заметила мой взгляд и добавила:

— Ты не одна. Я рядом. Если тебе нужно, мы с тобой найдём решение. Ты не обязана делать это в одиночку.

Я вздохнула и кивнула. Знала, что она права. Иногда я забываю, что могу рассчитывать на людей вокруг, и что помощь не делает меня слабой. Но в такие моменты трудно позволить себе ослабить хватку.

— Спасибо, Эмма. Я не знаю, что бы я без тебя делала.

Она снова улыбнулась и пожала мне руку, давая понять, что всё будет хорошо.

— Будешь делать всё, что нужно. Я с тобой, помни об этом.

Я улыбаюсь, глядя на нее и на мгновение возвращаюсь мыслями к первому курсу, когда мы только начали свой путь в медицине и не знали, как сильно наши жизни переплетутся.

С Эммой мы познакомились буквально в первый же день занятий. Я тогда опоздала на лекцию по общей биологии — старая привычка всегда быть вовремя подвела меня в тот

момент, когда это было важнее всего. Как назло, вся аудитория была забита до отказа, и я стояла в дверях, растерянно осматриваясь, пытаясь найти хоть одно свободное место. И тут я услышала тихий, но чёткий голос:

— *Эй, сюда,* — кто-то позвал меня с заднего ряда, и я увидела, как светловолосая девушка с лёгкой улыбкой машет мне рукой, указывая на свободное место рядом с собой. Это была Эмма.

Я быстро села рядом, стараясь не привлекать к себе внимания. Она, конечно, сразу поняла, что я нервничаю, и в свойственной ей мягкой манере шепнула мне, что всё в порядке, что препод — вообще-то, не такой страшный, каким кажется. Это немного успокоило меня, и, к концу лекции, мы уже вовсю болтали, словно знали друг друга всю жизнь. Эмма тогда рассказала мне, что с детства мечтала быть врачом, вдохновившись примером матери, которая работала медсестрой в отделении неотложки. Она была спокойная, уравновешенная и казалась мне невероятно уверенной в себе. Я, напротив, постоянно сомневалась, всё ли делаю правильно, но с тех пор Эмма всегда умела найти нужные слова, чтобы поддержать меня.

Тут в аудиторию заходит заведующая кафедрой, мисс Харрисон. Её серьёзный взгляд заставляет всех вмиг притихнуть. Мисс Харрисон — заведующая, и студенты относятся к ней с уважением. Она окидывает нас взглядом и объявляет:

— У меня есть важная новость, которая касается всех. Мы запускаем новый проект по дополнительному обучению для студентов, которые хотят улучшить свои практические навыки. В этом семестре у нас будет возможность выбрать несколько студентов для работы с профессиональными медицинскими работниками в различных клиниках нашего округа. Это отличный шанс не только отточить свои навыки, но и увидеть, как работает система на практике.

Эта новость заставляет моё сердце забиться быстрее. Это именно то, что мне нужно.

В аудитории не утихали разговоры. Эмма с азартом делилась своими мыслями о новом проекте, а в голове у меня всё ещё звучали слова мисс Харрисон.

Правда, в этот раз практика будет платной, в отличие от прошлой. Тогда мне помогла профессор Беннет, она сама договорилась о стажировке со своими знакомыми, и мне не пришлось ни о чём беспокоиться. Она говорила, что главное — сосредоточиться на обучении, а о деньгах волноваться не стоит.

— Кайла, ты же не собираешься участвовать, а? — с недоумением спросила Эмма, как будто я взяла её мысли в плен. —У тебя и так достаточно нагрузки.

— Не знаю, Эмма, — ответила я, проводя пальцем по записям. — Это может стать отличным опытом для моей карьеры.

— Но ты и так перетруждаешься, — настаивала она. — У тебя учеба, работа и брат. Как ты будешь справляться с дополнительной нагрузкой?

Я потянулась к своему блоку и записала: *«Проект по дополнительному обучению».* Я не могла не задумываться о том, что, возможно, мне стоит сделать шаг к своей мечте, даже если это потребует от меня ещё больше усилий. Я ведь на это и учусь.

— У меня есть маленький секрет, — сказал мне Кен, наш однокурсник, прерывая разговор. Он всегда был добродушным и весёлым. — Я слышал, что многие из нас хотят участвовать в проекте. Так что, возможно, ты не одна в своих планах.

Я улыбнулась, но в сердце всё ещё осталась тревога. Слишком много людей стремится к одной цели. Я понимаю, что конкуренция будет серьёзной, и, возможно, мне не удастся получить эту возможность. Я прижала руки к блокноту, стараясь сосредоточиться. Мы все стремились стать лучшими, и если не постараюсь сейчас, как же я потом смогу гордиться собой?

Занятия закончились, и я вышла на улицу. Холодный воздух поразил меня, как только я переступила порог. Я натянула капюшон, стараясь не думать о морозе, и быстро пошла в сторону автобуса.

В это время мне пришло сообщение от брата. *«Когда ты вернёшься?»*— простое, но милое, и в моём сердце сразу стало тепло. Я набрала ответ: *«Скоро, маленький. Можешь почитать или поиграть, пока ждёшь».*

Как только я села в автобус, мысли снова вернулись к проекту. За этот семестр мы все становимся всё более зрелыми, и каждая новая практика была как ступень на пути к моим мечтам. Работа в скорой помощи открыла мне глаза на множество вещей. Я научилась не только принимать быстрые решения, но и оказывать поддержку людям в трудных ситуациях. И всё это время я надеялась, что смогу использовать эти навыки не только на практике, но и в повседневной жизни.

Когда я добралась до дома, меня встретил знакомый силуэт на крыльце. *Луна*. Черная кошка, она сидела на ступеньке, свернув хвост вокруг лап, и смотрела на меня своими глубокими зелеными глазами. Она всегда была здесь — тихая, независимая, но всё же нуждающаяся в заботе.

— Привет, малышка, — тихо сказала я, опускаясь на корточки.

Кошка мягко потёрлась о мою руку, её шерсть была теплой, а прикосновение успокаивающим. Луна была как я — одинокая, тихая, ищущая уюта в этом беспокойном мире. Мы обе искали свой уголок тепла в этом мире, который часто казался слишком холодным.

Я достала из рюкзака небольшой пакет с кормом и высыпала немного в миску, что стояла на крыльце. Луна замурлыкала, её благодарность была тёплой и почти осязаемой. Почти каждый вечер она ждала меня здесь, и я не могла пройти мимо, не уделив ей минуту.

После я вошла в подъезд и начала подниматься по лестнице, когда я наконец добралась до двери, у меня ёкнуло сердце от неожиданности. Дверь была открыта, и изнутри доносился голос нашего опекуна. Я тихо вошла и увидела его сидящим на диване, с бутылкой пива рядом, он смотрел телевизор. Запах алкоголя снова наполнил комнату, и я почувствовала, как внутри меня возникло напряжение.

Я надеялась, что он не обратит на меня внимания, и тихо прошла в нашу комнату. Там, как и ожидала, сидел мой брат, с книгами, разложенными на полу. Я обняла его, прижимая к себе, и почувствовала, как он расслабляется в моих объятиях.

— Привет, Адам. Как прошёл день? — спросила я, стараясь скрыть усталость.

— Нормально, — ответил он с лёгкой улыбкой. — Я ждал тебя.

— Голова больше не болит, как утром?

— Нет, все прошло.

Слава богу, подумала я. Но всё равно, в глубине души меня терзало беспокойство. Я всегда гордилась тем, как быстро Адам адаптировался к жизни в Лондоне, особенно в школе. Он учился во втором классе начальной школы «Гринфилд». Это была небольшая, но уютная школа, где он всегда находил новых друзей. И сегодня я попросила чтобы он остался дома, так как он чувствовал себя плохо утром.

Мы начали играть с игрушками, и на мгновение я забыла о всем, что происходит вокруг. Как же я счастлива видеть его улыбающимся, как тепло наполняет сердце, когда он смеётся. Это мгновение забирало с собой всю тяжесть, которую я носила на своих плечах.

Вдруг я вспомнила о дополнительной практике. Я вспомнила что откладывала немного на такие случаи. Подойдя к ящику своего стола, я быстро открыла его и начала перерывать. Однако в ту же секунду во мне зашевелилась тревога — деньги были не на месте. Я быстро осмотрела остальные места: под матрасом, в старых книгах, даже в карманах одежды, но всё безуспешно.

— Где же они? — прошептала я, перерывая всё в ящике, в надежде, что они просто застряли где-то в уголке. Я начала метаться по комнате, заглядывая под кровать и за шкаф, но не нашла ничего.

Я резко остановилась и посмотрела на брата.

— Адам, ты не видел деньги, которые я оставила в ящике? — спросила я с лёгким беспокойством.

Он поднял глаза от своей книги и покачал головой.

— Нет, сестра. Может, ты просто забыла, куда их положила?

Я пожала плечами, но тревога росла. Мой разум тут же сконцентрировался на дяде. Где-то в глубине души я понимала, что именно он может быть причиной пропажи. Я медленно вышла из комнаты, полная решимости выяснить всё.

Когда я подошла к нему, он по-прежнему сидел на диване, уставившись в телевизор, как будто его ничего не волновало.

— Дядя, можно поговорить? — спросила я, стараясь звучать уверенно.

— Что ещё? Я занят.

— Это касается денег, — произнесла я, стараясь не выдавать тревогу в голосе. — Я копила немного для дополнительных занятий в университете. Я их оставила в комнате, но их нет.

— Может, ты просто потеряла их? — бросил он с небрежностью.

Я не могла поверить, что он так легко игнорирует проблему.

— Я точно знаю, что оставила их в безопасном месте, — настаивала я. — Не видел ли ты их случайно?

Он замолчал, глубоко вздохнув, как будто вспоминал что-то. Наконец, он произнес:

— Знаешь, когда я недавно чинил шкаф в твоей комнате, я увидел немного денег. Я подумал, что тебе они не нужны, так что взял.

Словно гром среди ясного неба, его слова поразили меня. Я стояла, не в силах поверить, что он мог так поступить.

— Ты взял мои деньги?! — воскликнула я, гнев поднимаясь внутри. — Это было моё! Я копила их!

Он лишь отмахнулся.

— Да успокойся ты. У меня были свои причины. Мне нужны были деньги на что-то важное.

— Важное? А для меня не важно? Я работаю, учусь и забочусь о своем брате, а ты просто берешь то, что не твое?

— Не повышай голос, — прорычал он, и я поняла, что он уже не в том настроении, чтобы вести нормальный разговор.

Я чувствовала, как злость переполняет меня. Это было не в первый раз. Он всегда был строгим, но иногда гнев его доходил до физической расправы. Я знала, что он может ударить, но надеялась, что этого не произойдет снова. Тем не менее, я продолжала:

— Дядя, это не просто деньги! Это возможность для моего будущего!

Он отложил бутылку и, глядя на меня, произнес:

— У тебя ничего нет, пока я это не позволю. Ты лучше не забывай, кто здесь взрослый.

Мой гнев закипал, и я, не в силах сдержаться, повысила голос:

— Ты не можешь так обращаться с нами! Мы не твои игрушки!

И в этот момент он резко подошел ко мне и, не задумываясь, ударил меня по лицу. Я отшатнулась, чувствуя, как резкая боль пронизывает щеку. Это было ожидаемо, но, несмотря на это, каждый раз это поражало меня до глубины души.

— Ты смеешь мне перечить?! — прорычал он, наклонившись ко мне ближе. — Я столько лет смотрел за вами, растил вас после гибели ваших родителей, а ты — просто капля в море!

Я почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза. Это был не просто физический удар; это была душевная боль, от которой невозможно было убежать. Я не могла поверить, что он дошёл до такой степени, что позволил себе поднять на меня руку.

— Ты не понимаешь, как трудно было мне, — продолжал он, склонившись ко мне ближе. Его дыхание пахло алкоголем, а голос был полон ярости. — Я потратил на вас столько денег, времени и усилий! А ты — всего лишь маленькая девчонка, которая не ценит то, что имеет.

— Если ты действительно думаешь, что можешь так обращаться с нами, — сказала я, стараясь говорить тихо, — то ты ошибаешься. Я не позволю тебе управлять нашими жизнями.

Он снова отвернулся к телевизору, игнорируя меня, и это было хуже всего. Я вышла из кухни и вернулась в свою комнату, обняв Адама. Он был единственным, ради кого стоило продолжать бороться.

— Адам, — обратилась я к нему, стараясь скрыть свои переживания. — Что случилось?

Он остановился, и я увидела, как он трясется.

— Я... я всё слышал, — произнес он, голос его дрожал. — Я видел, как он... как он ударил тебя.

Я почувствовала, как в груди зажалось от страха за него. Он был всего лишь восьмилетним мальчиком, и я не хотела, чтобы он был свидетелем этого ужаса.

— Это не страшно, Адам, — старалась я говорить спокойно, хотя внутри меня всё клокотало. — Это просто... это не то, о чём ты думаешь.

Но он, не слушая меня, подошёл ближе и, обняв меня, зарыдал.

— Почему он так делает? Почему он не может просто быть хорошим? — спросил он сквозь слезы.

Я прижала его к себе, и в этот момент понимала, что делаю всё, чтобы защитить его, даже если это значит бороться с дядей.

— Я не знаю, Адам, — ответила я, пытаясь сдержать свои собственные слёзы. — Но я обещаю, что мы с тобой справимся. Я не позволю ему нас обидеть.

Он посмотрел на меня своими большими, полными надежды глазами.

— Ты сильная, Кайла. Ты всегда всё исправляешь, — произнес он, и мне стало немного легче.

Но в душе я понимала, что на нас ждёт ещё много трудностей. Я знала, что дядя не остановится на одном ударе, и что наш путь к свободе будет долгим и трудным. Но сейчас, глядя на своего брата, я поняла, что не могу сдаваться. Мы должны быть вместе, несмотря на все препятствия, и я сделаю всё возможное, чтобы защитить его от этого ужаса.

Мне было двенадцать. Время будто замедлилось, и каждый день стал испытанием. Я вспомнила тот вечер, когда моя жизнь разделилась на "до" и "после". Брату тогда было всего годик. Он был таким крошечным, с мягкими, пушистыми волосиками и большими глазами, полными невинности. Я всегда старалась оберегать его, ведь в этом мире у нас больше не было никого.

Дядя Генри был строгим, и в доме всегда витал его угрюмый настрой. Помню, как он возвышался надо мной, когда у меня не получалось что-то сделать правильно. Он работал на двух работах, и его усталость лишь усиливала его гнев. В те времена я часто стараюсь не попадаться ему на глаза. Каждый его взгляд мог обернуться бурей.

Однажды, когда мы с братом играли в гостиной, я заметила, как он начал плакать из-за того, что уронил игрушку. Я быстро подошла к нему, чтобы успокоить. В тот момент я даже не заметила, как дядя вошел в комнату.

— Что за шум? — прорычал он, свирепо глядя на нас.

Я замерла, держа брата на руках.

— Он просто... — начала я, но меня прервали.

— Просто что? — закричал он, подходя ближе. — Ты не можешь даже за ним присмотреть? Он снова мешает!

Я чувствовала, как сердце замирает. Брат всхлипывал, и я старалась крепко прижать его к себе, как будто это могло защитить его от злости дяди.

— Он всего лишь ребенок, — попыталась я сказать, но слова застряли в горле.

Дядя подошел ближе и, схватив меня за руку, сильно дернул. Я не могла сдержаться и вскрикнула. Это было так неожиданно и больно. Я знала, что нельзя поднимать голос на дядю, но защитить брата было важнее всего.

— Если ты не можешь с ним справиться, то зачем тебе вообще нужна эта работа? — произнес он, глаза его сверкали ненавистью.

Я чувствовала, как внутри меня что-то лопнуло. Мне было страшно не только за себя, но и за брата. Дядя смотрел на нас, как на обузу, и в его глазах не было ни капли любви.

В тот момент я поняла, что обязана защитить своего маленького брата любой ценой. Я поклялась, что сделаю все, чтобы он никогда не испытал той боли, которую сама чувствовала. Каждый раз, когда дядя поднимал голос, я находила в себе силы противостоять ему. Это было тяжело, но я не могла позволить себе сломаться, ведь у меня был маленький человек, которому нужно было дать надежду.

Лунный свет пробивался сквозь тонкие занавески, мягко освещая комнату. Я сидела на краю старой кровати, которая скрипела при каждом моём движении, и осторожно гладила брата по волосам. Он мирно спал, положив голову мне на колени, его дыхание было спокойным и равномерным. Но я никак не могла заставить себя закрыть глаза.

Взглянув на его невинное лицо, я ощутила тяжесть в груди. Он был таким маленьким, таким хрупким, и всё, что я хотела, — это дать ему нормальную жизнь, чтобы он мог смеяться, радоваться и не знать, что такое боль и тревога. Но каждый раз, когда я пыталась придумать, как это сделать, сталкивалась с новой преградой.

Мы не могли так продолжать. Я знала это, понимала, что эта ситуация нас разрушает. Мы живем в чужой квартире, в доме, который никогда не ощущался нашим. Я работаю, плачу за еду и стараюсь сохранить хоть какую-то стабильность, а Генри... Он только делает всё хуже. Тратит деньги на алкоголь, раздаёт пустые обещания, оставляет нас одних, когда я больше всего нуждаюсь в помощи.

Я должна найти способ вырваться. Снять квартиру, переехать с братом, чтобы у нас был собственный дом, где мы могли бы наконец начать с чистого листа. Но каждый раз, когда я задумываюсь об этом, понимаю: мой опекун так просто не отпустит нас. Ему удобно, что я тяну на себе все обязанности. Он счастлив, что я приношу деньги, оплачиваю счета, в то время как он медленно уничтожает себя, запивая собственные разочарования дешёвым алкоголем.

Я помню, как бывало, что в доме почти не было еды. Генри всегда жаловался на то, как дорого нам обходится жизнь, и как будто нарочно экономил на всём, что касалось нас. Иногда

у нас были недели, когда холодильник казался пустыней. Я тогда была ещё ребёнком, но уже понимала: если я не буду заботиться о брате, никто этого не сделает.

Иногда на обед у нас был всего один кусочек хлеба и несколько ложек каши. Я бывала голодной, но не могла позволить себе думать об этом. Если еды не хватало, я делилась своей порцией с братом. Я смотрела, как он голодными глазами смотрит на еду, и сердце разрывалось. Он был таким маленьким, не понимал, почему мы едим так мало, но никогда не жаловался. Просто ел то, что я ему давала, и благодарно улыбался.

Я старалась делать всё, чтобы он не чувствовал себя обделённым, чтобы хотя бы на мгновение забывал, что нам не хватает самого необходимого. Когда опекун тратил последние деньги на выпивку, я тихо сжимала зубы и обещала себе, что когда-нибудь мы сбежим от этого кошмара.

Эти воспоминания стали для меня своего рода топливом, что-то, что поддерживало меня в самые тяжёлые моменты. Они напоминали, почему я должна бороться, почему я не могу сдаваться, даже если мир кажется слишком жестоким. Брат был моим смыслом, моим светом в этом мраке. Я поклялась себе, что дам ему лучшее будущее, чего бы это ни стоило.

Я опустила взгляд на него, крепко спящего и почувствовала, как боль в груди снова возвращается. Я не могла позволить этим воспоминаниям стать нашей реальностью навсегда. Мы должны найти выход. Мы просто обязаны.

Утро было холодным и серым, словно Лондон решил подыграть осенней погоде и закрыться от солнца. За окном падали редкие капли дождя, стекая по стеклу, а я, укутанная в теплый свитер, пыталась заставить себя окончательно проснуться. Сегодня суббота, но мне это не принесло никакого облегчения — впереди была смена в больнице, а сон так и не захотел отпускать.

Я сонно взглянула на часы — ещё слишком рано, но дежурство не ждёт. Адам, мой младший брат, ещё спал, укрывшись одеялом почти с головой, и мне хотелось оставить его в тишине и спокойствии. Обычно в выходные я старалась не тревожить его, давая возможность выспаться, но в этот раз ситуация была сложнее.

Я направилась в ванную, стараясь не шуметь и не разбудить брата. Вода была прохладной, когда я плеснула её себе на лицо, чтобы окончательно проснуться.

Подняв взгляд на зеркало, я невольно поморщилась. Вид был, мягко говоря, уставший. Круги под глазами напоминали о недосыпах и постоянных переживаниях, хотя я научилась скрывать усталость за дежурной улыбкой. Мои тёмные глаза смотрели на меня из глубины отражения. Когда-то мама говорила, что у меня глаза, как у папы: глубокие и выразительные, в которых можно прочитать всё, даже если я старалась прятать свои эмоции. Теперь же я видела в них только тоску и упорство.

На носу и скулах едва заметно проявлялись мелкие веснушки, которые казались почти невидимыми для окружающих, но меня они раздражали с детства. Я всегда считала их чем-то лишним, чем-то, что портило моё лицо, хотя окружающие утверждали обратное.

Тёмные волосы средней длины были немного взъерошены, ложились мягкими волнами на плечи. Я машинально пригладила их руками, чтобы придать хотя бы немного приличный вид. Волосы были моей гордостью и моей болью: они напоминали мне о матери, о её тёплых

руках, что некогда ласково заплетали мне косы. Но теперь заботиться о себе было роскошью, которую я позволяла редко.

Телосложение у меня было худощавое, подтянутое от постоянной беготни и заботы о брате. Мышцы скрывались под тонкой кожей, но силой я не отличалась. Я всегда считала себя скорее выносливой, чем физически сильной, и эта выносливость помогала мне двигаться вперёд, даже когда хотелось упасть и не вставать. Я была довольно не низкой, с ростом где-то сто семьдесят три сантиметров, и достаточно крепкой, чтобы справляться с тем, что жизнь подбрасывала мне.

Вздохнув, я провела пальцами по щекам, пытаясь разогнать сонливость и придать себе бодрый вид. Вся эта рутина казалась пустяком в сравнении с тем, что требовала от меня жизнь, но даже в таких мелочах пряталась моя борьба. Я выпрямилась, собрала волосы в низкий хвост и кивнула своему отражению. Время было двигаться дальше, потому что дежурство не ждёт.

Когда я вошла на кухню, собираясь налить себе чашку кофе, взгляд упал на записку, лежавшую на столе. Это был короткий, почти небрежный почерк Генри: *«Меня не будет до поздна»*. Я замерла, перечитывая слова снова и снова, надеясь, что ошиблась. Но нет, всё верно: сегодня Генри собирался исчезнуть, как обычно, на весь день, оставив Адама без присмотра.

Я выдохнула и отложила чашку. Теперь мне ничего не оставалось, кроме как разбудить Адама и отвезти его к Эмме. Надеюсь, она поймет. Не могу сказать, что мне удобно обращаться к ней с такой просьбой, но сейчас это было единственным вариантом — ведь оставлять брата одного я просто не могла.

Я достала телефон и набрала Эмму. Короткие гудки показались мне вечностью, пока наконец не раздался её сонный голос:

— Кайла? Всё в порядке?

— Эм, прости, что так рано, — я вздохнула, чувствуя, как слова выходят из меня немного быстрее, чем я ожидала. — У меня сегодня смена в скорой, и Генри не будет допоздна. Можешь присмотреть за Адамом?

Секунда тишины, а потом её голос стал мягче и увереннее:

— Конечно, привози его. Я буду только рада.

Я ощутила волну облегчения, словно с плеч упал груз.

Я подошла к кровати Адама и осторожно дотронулась до его плеча.

— Адам, просыпайся, — тихо сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко. Он сонно зашевелился, приоткрыв глаза и глядя на меня в замешательстве.

— Кайла? Уже утро? — пробормотал он, не до конца понимая, что происходит.

— Прости, что разбудила, — ответила я, сжимая его холодную руку в своей. — Мне нужно на работу, а дяди не будет весь день. Мы поедем к Эмме, ладно? Она присмотрит за тобой.

Адам немного оживился, услышав имя Эммы. Ему нравилось у неё — она всегда была добра к нему и умела отвлечь от грустных мыслей. Я тихо улыбнулась, понимая, что он не будет возражать.

— Хорошо, я соберусь, — сонно кивнул он, и я обняла его на мгновение, благодарная за то, что он не стал капризничать.

Когда мы оделись и вышли на улицу, холодный ветер Лондона окончательно прогнал остатки сна. Я плотнее запахнула пальто и, взяв Адама за руку, поспешила к метро. Теперь, зная, что он будет с Эммой, я могла сосредоточиться на работе.

Я зашла в больницу, и сразу же меня накрыла знакомая атмосфера — запах дезинфицирующих средств, тихие разговоры медсестер и мерцание ярких ламп. Время не ждёт, и я быстро направилась к раздевалке, где меня ждали униформа и непрерывный поток дел.

Сегодня у меня смена, и, как всегда, я чувствую легкое волнение, мешающее привычной рутине. Я собираю свои вещи, проверяю оборудование — стетоскоп, аптечка, запасные бинты. Каждый элемент этого процесса стал для меня ритуалом, который помогает собраться с мыслями и подготовиться к вызовам, которые могут ждать впереди.

Медсестра на смене, Лора, подмигивает мне, когда я прохожу мимо. Она знает, что я стараюсь изо всех сил, и это придаёт мне уверенности. *«Сегодня у нас будет много работы, не скучай!»*— говорит она с улыбкой. Я смеюсь в ответ, уверенная, что скучать мне точно не удастся.

Звуки оживлённой больницы постепенно становятся для меня привычными, но каждый раз, когда я смотрю на экран компьютера, я готовлюсь к тому, что меня ждёт. Я выхожу в коридор и чувствую, как адреналин начинает нарастать в крови. Это то, что я люблю — ощущение, что могу изменить чью-то жизнь к лучшему, даже если это всего лишь на несколько минут.

В этот момент к краю стойки подходит Дэниэл, мой знакомый с учёбы. Мы часто пересекаемся на работе и иногда стоим на вызовах бок о бок. Он замечает меня и слегка кивает:

— Привет, Кайла. Как дела?

— Привет, Дэниэл. Всё как обычно, — улыбаюсь я, чувствуя лёгкое облегчение от возможности на минуту отвлечься на короткий разговор.

— Вчера был в университете, видел тебя на лекции, — говорит он с чуть виноватой улыбкой. — Ты такая сосредоточенная, что подойти побоялся.

Я смеюсь, качая головой:

— Наверное, слишком сосредоточена на учебе. Столько всего приходится догонять, а потом ещё и сюда на смену.

— Понимаю. Ты вообще без выходных, — замечает он, и в его тоне я чувствую легкое сочувствие.

— Ну, это того стоит, знаешь? Но вчерашний день был долгим, на самом деле, — отвечаю, вспоминая все лекции и бесконечные конспекты, от которых я добиралась домой уже на последнем дыхании.

Он кивает: — Так что я вот подумал... Я с ребятами собираюсь в следующую субботу на небольшую встречу — просто посидеть, отдохнуть после учёбы. Мы будем рады, если ты присоединишься. Кажется, тебе тоже не помешает перерыв.

Секунда паузы, и я замечаю, как он чуть смущён, но ждёт моего ответа с надеждой. Его приглашение звучит невинно, но я знаю, что он давно пытается завести со мной больше, чем просто дружеский разговор. Мне это, конечно, приятно, но времени сейчас почти нет. Я вздыхаю и отвечаю как можно мягче:

— Спасибо, Дэниэл, но боюсь, в следующие выходные опять придётся работать. График плотный.

Он чуть нахмуривается, но скрывает разочарование за улыбкой:

— Понимаю. Но вдруг всё-таки получится. Может, я помогу тебе с чем-то по учёбе? Чтобы тебе легче было найти время...

— Ты очень милый, спасибо, — улыбаюсь я, стараясь не задеть его, — но мне пока нужно разбираться самой. Обещаю, если освобожусь, я подумаю.

Он кивает, и его улыбка возвращается.

— Хорошо. Если что, ты знаешь, где меня найти.

Мы обмениваемся взглядами, и я чувствую, что он всё-таки понимает: сейчас работа для меня важнее всего.

После короткого разговора с Дэниэлом я возвращаюсь к стойке, пытаясь сосредоточиться на экране компьютера, где жду следующего вызова. Смена идёт своим чередом, и поток пациентов кажется бесконечным. Каждый звонок, каждый случай требует внимания, и времени, чтобы отвлечься или подумать о чём-то другом, практически не остаётся. Я погружаюсь в работу, вникнув в каждый случай, пока кто-то не окликает меня по громкой связи.

— Кайла, комната ожидания. Пациент готов к переводу на приём, — раздаётся голос коллеги.

Я киваю, встаю и быстро прохожу по коридору к зоне ожидания, где уже готова каталка. Пациент — молодой парень, примерно моего возраста, лежит в полудрёме, изо рта торчит кислородная трубка, на лице следы усталости. Ему сделали экстренное промывание, и теперь он направляется в реанимацию. Я поднимаю его карточку, изучая детали, и замечаю, что к стойке рядом подошёл Дэниэл, который тоже занят другим случаем. Он перехватывает мой взгляд, даёт знак, что тоже пойдёт на вызов.

Мы идём по коридору бок о бок. Каждый из нас занят своими мыслями, но спустя пару минут Дэниэл неожиданно спрашивает:

— Ты когда последний раз спала нормально, Кайла?

Вопрос застает меня врасплох. Мысли об отдыхе кажутся чем-то совершенно далёким.

— Не помню уже, если честно. Всё время бегаю между учёбой и сменами, кажется, только и делаю, что пытаюсь успеть.

Он качает головой, едва заметно усмехается.

— Знаешь, что-то мне подсказывает, что даже если выдадутся выходные, ты найдёшь, чем заняться, вместо того чтобы отдохнуть.

Я улыбаюсь в ответ: — Может, ты и прав. Но, честно говоря, я даже рада, что так занята. Когда видишь реальных людей, когда можешь чем-то помочь... чувствуешь, что делаешь что-то действительно важное.

Дэниэл кивает.

— Согласен. Всё-таки мы не просто так выбрали медицину.

После короткого молчания он добавляет:

— Но если вдруг найдёшь минутку на отдых, не забывай, что тебе нужен и перерыв, Кайла.

Пока мы направляемся к комнате, где нас ждёт пациент, мысли о Дэниэле постепенно уносятся на второй план. Я вновь сосредотачиваюсь на том, что действительно имеет значение. Каждый случай, который попадает в наши руки, требует полного внимания и преданности. Я чувствую, как адреналин закипает в венах, когда мы заходим в комнату.

Молодого пациента переводят на каталку, и я приступаю к записи его данных, задавая стандартные вопросы о состоянии и симптомах. Дэниэл помогает мне, и мы слаженно действуем как команда, что позволяет ускорить процесс.

— Как ты думаешь, что у него? — спрашивает он, глядя на пациента, который выглядит довольно бледным.

— Судя по всему, его состояние серьёзное. Мы должны проверить уровень кислорода и следить за показателями, — отвечаю я, не отрывая взгляда от карточки.

После нескольких минут стараний нам удаётся стабилизировать пациента. Я чувствую прилив удовлетворения, когда мы переводим его в реанимацию. В такие моменты я вспоминаю,

почему выбрала эту профессию — каждое маленькое спасение, каждый случай, когда удаётся помочь, делает все усилия и бессонные ночи стоящими.

После завершения перевода мы с Дэниэлом выходим из реанимации, и он улыбается:

— Ну, вот, видишь? Ты в своей стихии.

— Да, пока все проходит относительно гладко, — отвечаю, стараясь скрыть, что мысли о нашем разговоре и его предложении снова всплывают в голове.

Внезапно раздаётся звук шагов, и к нам подходит старшая медсестра Аманда. Она выглядит встревоженной и направляется прямо ко мне.

— Кайла, мне нужно поговорить с тобой, — говорит она, и в её голосе слышится напряжение.

— Что случилось? — спрашиваю я, приподнимая брови, уже предвкушая что-то серьёзное.

Медсестра бросает быстрый взгляд в сторону входа и тихо объясняет:

— Поступил звонок. У них экстренный случай, нужна срочная помощь врача, но наш выездной заболел. Нам придётся отправить тебя на подмену.

Я немного растерянно смотрю на неё, пытаясь понять, что услышала правильно.

— Но... я ведь не врач, — говорю я, чувствуя, как у меня холодеют ладони.

— Знаю, Кайла, но выбора нет. Они попросили кого-то из опытных сотрудников. Твоя работа на практике показала, что ты можешь справиться, — отвечает она, стараясь звучать уверенно.

Я вздыхаю, понимая, что ситуация действительно экстренная.

— Хорошо... но там не будет никого, кто мог бы помочь мне? — спрашиваю, надеясь на какую-то поддержку.

— К сожалению, нет. Но ты сможешь справиться, у тебя есть опыт. Это несложный случай, — говорит она, уверенность в её голосе придаёт мне немного спокойствия.

Я киваю, собираясь с силами.

— Ладно, сделаю всё, что в моих силах.

Она указывает на выход:

— Машина уже ждёт у входа. Пора выезжать.

Собравшись, я иду к выходу, чувствуя, как волнения перемешиваются с решимостью. Выходя на улицу, вижу, что скорая действительно уже готова, и меня встречает один из фельдшеров. Быстро забравшись в машину, я чувствую лёгкий толчок, когда мы трогаемся с места. В дороге я ещё раз пробегаю в голове свои действия и инструкции, мысленно готовясь к тому, что ждёт меня.

Как только мы свернули на нужную улицу, наш автомобиль вдруг остановили. Я изумлённо повернулась, увидев, что к окну подошли мужчины в строгих чёрных смокингах. В их лицах читалась полная непроницаемость, и выражения казались отрепетированными до идеальной серьезности. Вся эта проверка казалась странной: ведь это скорая помощь, а не подозреваемая машина.

Когда проверка наконец закончилась, мы двинулись дальше. Машина заехала на территорию большого здания и припарковалась рядом с входом, на площадке, обозначенной как аварийная зона. Здесь другим автомобилям стоянка запрещена, и всё вокруг выглядело очень

строго. Я выскочила из машины и захлопнула дверцу, чувствуя, как по коже прокатывается лёгкий озноб.

Один из мужчин в смокинге указал мне направление:

— Прошу, следуйте за мной.

На мгновение я задержалась, обернувшись к пожилому водителю:

— А вы не пойдёте со мной?

Водитель посмотрел на меня с оттенком беспокойства в глазах и произнёс:

— Нет, мне нужно быть тут. Буду ждать здесь.

Я глубоко вздохнула, ощущая некоторую тяжесть в груди, и направилась следом за сопровождающим. Внутри холл оказался просторным и строгим, стены выкрашены в холодный серый цвет. Всё здесь выглядело так, словно это не место для живых — скорее, какой-то нейтральный, стерильный переходной мир.

Мы остановились у лифта. Лифт был обшит металлическими панелями, на которых не было ни кнопок, ни табло. Когда двери открылись, я шагнула внутрь, пытаясь не думать о том, куда именно меня ведут и зачем. Лифт мягко тронулся, и уже через несколько секунд я снова оказалась в новом, светлом и узком коридоре, стены которого были ярко-белыми, как в стерильном медицинском центре.

Я молча шла за сопровождающим, внимательно глядя ему в спину. По моим ощущениям, мы прошли не больше пары минут, но в этом здании время будто замедлилось. На белоснежных стенах не было ни одного пятна, ни одной картины или таблички.

Наконец, мы дошли до двери. Сопровождающий открыл её, и я вошла в комнату, напоминающий лазарет, но с какой-то странной атмосферой. Внутри всё выглядело стерильным и идеально выверенным. На одной стороне комнаты стояли два высоких металлических шкафа, закрытых на замки. Чуть ближе к окну находились две койки, застеленные белоснежным бельём, тщательно заправленным и совершенно новым.

В центре комнаты стоял небольшой стол с металлической поверхностью, на котором аккуратно были разложены различные инструменты и медицинские принадлежности, как будто их здесь разложили специально для кого-то. В углу стоял аппарат для капельницы, подключенный к стене.

Возле стены стояли двое охранников, молчаливых и не выражающих никаких эмоций. Их взгляды были направлены на меня, но казались совершенно безразличными.

Я оглядывала комнату, всё ещё удивляясь, почему здесь нет врача. Пространство выглядело идеально стерильным, словно всё было подготовлено для какого-то необычного, чуть ли не секретного случая. Единственную информацию, что мне удалось получить по дороге сюда, — это его возраст, рост и то, что он профессиональный боксёр. Никаких других данных, ни диагноза, ни подробностей о состоянии. Всё, что я знала, — передо мной окажется мужчина двухметрового роста, и мне придётся с ним работать в одиночку.

Когда я перевела взгляд на одного из охранников, вопросы всё же прорвались сами собой:

— Вы можете гарантировать, что со мной не произойдет... несчастный случай?

Охранник, не выражая ни малейших эмоций, лишь молча кивнул. Странная тишина комнаты внезапно стала почти невыносимой. Я не знала, успокаивает ли меня его уверенность или, наоборот, заставляет нервничать ещё больше.

Я подошла к окну, чтобы хоть немного отвлечься от своего волнения. За стеклом лил дождь, яркие капли стекали по стеклу, сливаясь в тонкие ручейки. Вид мокрых пустынных улиц придавал этому месту ещё больше холода и отчуждённости.

Мысленно я снова вернулась к брату. Как он там с Эммой? Всё ли хорошо? Я надеялась, что он чувствует себя спокойно и уютно, и, несмотря на волнение, верила, что она сделает всё, чтобы он не скучал.

Резкий звук вывел меня из этих мыслей. Дверь распахнулась, и кто-то вошёл, нарушив тишину.

Это был очень высокий мужчина. Даже стоя на расстоянии, я могла оценить его рост — он казался настоящим гигантом. Темно-каштановые волосы, пропитанные потом, спадали ему на лоб, создавая эффект хаоса, который полностью соответствовал его мужественному облику. Его ореховые глаза, полные энергии и решимости, мгновенно привлекли моё внимание. Каждое движение выдавалось мощью: толстыми мышцами, которые контрастировали с его спортивной одеждой. На нём была простая черная футболка, обтягивающая его мощное тело, и баскетбольные шорты, заканчивающиеся чуть выше колен.

Он тяжело дышал, как будто только что закончил интенсивную тренировку. По его выражению лица было видно, что он не хочет здесь находиться, и его напряжённость чувствовалась даже на расстоянии. Я поняла, что он явно не рад видеть меня, и эта мысль лишь подстёгивала моё волнение.

Сзади него стоял другой человек — тренер, судя по всему. Он выглядел в возрасте около сорока лет, с закатанными рукавами белой рубашки, и, казалось, был полон раздражения. Тренер в гневном тоне сказал:

— Не трать время на это. Ты ранен, и тебе нужно восстановиться. Матч можно перенести, — и, кажется, не собирался давать никакой поблажки. Его голос звучал так, словно он имел дело с упрямым подростком, а не с взрослым мужчиной.

Высокий боксер обернулся к тренеру, но в его взгляде не было недовольства — скорее, он сдерживал что-то внутри себя. Затем он посмотрел на меня, и его лицо стало более расслабленным. В этот момент у меня возникло странное чувство, что он осознаёт всю тяжесть ситуации, в которой мы оказались.

Тренер, видимо, решив прояснить ситуацию, обратился ко мне:

— Это вы врач?

Я слегка покачала головой.

— Нет, я не врач. Я здесь по срочному вызову.

В моём голосе, надеюсь, звучала уверенность, но внутри меня по-прежнему бушевали тревога и неуверенность.

Тренер кивнул, затем повернулся к молодому боксеру и что-то тихо произнёс, его голос был полон авторитета. Взгляд тренера переместился к носилке, стоящей в углу комнаты.

— Садись на носилку, — сказал он, указывая на них. — Тебя нужно осмотреть.

Боксер колебался, как будто не хотел подчиняться, но, в конце концов, нехотя сел на носилку. Я заметила, как он нервно сжимал руки, и в голове сразу закружились мысли. Что с ним не так? По нему не видно что он ранен?

Я сделала шаг ближе, стараясь не показывать своей растерянности.

— Не могли бы вы лечь и показать мне рану? — спросила я, стараясь говорить как можно более спокойно и профессионально.

Молодой боксер сначала выглядел так, словно собирался возразить, но, видно, что-то в моем тоне или взгляде заставило его передумать. С явной неохотой он осторожно стянул с себя пропитанную потом черную футболку, открывая обнаженную грудь и мощные мышцы, которые покрывали его плечи и торс. Его тело выглядело, как идеальный образец силы, но сейчас взгляд притягивала совсем другая деталь — глубокая, свежая рана на его боку.

Рана располагалась чуть ниже ребер с левой стороны, длинный порез с рваными краями, явно нуждающийся в срочном наложении швов. Кровь уже остановилась, но края кожи всё ещё были влажными и выглядели болезненно, с отчетливыми следами начавшейся гематомы вокруг. Рана определённо выглядела так, будто её нанесли недавно — и явно чем-то острым.

Внутри у меня сразу вспыхнула мысль: *Это точно не случайное повреждение, его кто-то ударил ножом.* Рана выглядела так, словно была нанесена совсем недавно, и края пореза ещё не начали затягиваться.

Я подняла на него взгляд, но не стала задавать вопросов. Вместо этого просто достала набор для швов, который был в моём рабочем наборе.

— Придётся наложить швы, иначе может начаться инфекция, и кровотечение может усилиться, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно, даже несмотря на собственное внутреннее беспокойство.

Пока я готовила инструменты, я внезапно почувствовала его взгляд на себе. Он был долгим и выразительным, словно пытался передать что-то важное. Я не могла не заметить, как его глаза следили за каждым моим движением, и это заставило меня на мгновение отвлечься от своих мыслей. В этом взгляде была смесь напряжения и ожидания, и я чувствовала, как внутри меня нарастает некая неловкость, заставляя сердце забиться чаще.

Я сделала глубокий вдох и подошла ближе к боксеру, стараясь сосредоточиться на ране. Его кожа была покрыта потом, и я почувствовала легкий запах пота, смешанный с чем-то металлическим. Я наклонилась, чтобы лучше рассмотреть травму. Рана была глубокая, с разорванными краями, и кровь продолжала сочиться, делая всю картину ещё более тревожной.

— Будет немного больно, — сказала я, стараясь говорить уверенно. Он только кивнул. Я быстро подготовила антисептики и всё необходимое для обработки.

Пока я работала, я заметила, что его внимание не отводилось от меня. Он смотрел на меня, и в его взгляде была смесь сосредоточенности и чего-то ещё — возможно, восхищения? Я отвлеклась на этот мыслительный поток, чувствуя, как щеки слегка горят. Стараясь не обращать на это внимания, я продолжала обрабатывать рану, аккуратно прижимая бинт, чтобы остановить кровотечение.

— Как вы вообще получили эту травму? — спросила я, глядя ему в глаза.

— Во время тренировочного боя, — ответил он, стараясь говорить спокойно, но его голос выдал легкую напряженность. Я могла видеть, как он сжимает челюсти от боли, когда я прикасалась к ране.

Мои руки слегка дрожали, но я постаралась сосредоточиться на работе, на каждом движении, на том, чтобы сделать всё правильно. Я знала, что если не буду внимательна, то могу причинить ему дополнительную боль, а это было последним, что я хотела сделать.

Тишину в кабинете неожиданно нарушил звонок телефона. Я подняла взгляд и заметила, как тренер, нахмурив брови, ответил на вызов. Молодой боксер, казалось, не мог дождаться ответа, и сразу же спросил:

— Сколько осталось до боя?

Тренер не отозвался, продолжая разговор, и вскоре вышел из кабинета. В этот момент я увидела, как боксер напрягся, его тело стало напряжённым.

Мы остались наедине, и в воздухе повисло напряжение. Я продолжила свою работу, стараясь сосредоточиться на наложении швов, но мысли снова сбились. *Какой бой?* Я не могла поверить, что он действительно собирается драться в таком состоянии. *У него свежая рана, и он явно испытывает боль*. Как он может быть настолько безрассудным?

Каждый раз, когда я проходила очередной шов, в голове всплывали вопросы. *Как он может рисковать своим здоровьем ради этого боя?* Возможно, он чувствует давление от окружающих, от ожиданий своих поклонников или тренера. *Но это же его жизнь!*

В комнате было тихо, только звуки моих инструментов нарушали тишину. Я могла слышать, как его дыхание стало более ровным, но в то же время чувствовала, что он нервничает.

Мой взгляд скользнул по его лицу, и я заметила, как он смотрит на меня с интересом. Его внимательный взгляд был одновременно пугающим и захватывающим.

Я сделала глубокий вдох и решила, что не могу больше молчать. Его здоровье было для меня важнее, чем его гордость.

— Как медсестра, я должна тебя предупредить, что выходить на бой в таком состоянии — безумие, — произнесла я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и профессионально. — Швы могут разойтись в любую секунду. Потом начнётся воспаление, инфекция... и ты уже не встанешь на ноги, не то что выиграешь.

Он смочил губы и, казалось, задумался на мгновение, но затем его ответ был полон решимости и стальной уверенности.

— Предлагаешь мне сдаться? — спросил он, глядя на меня с вызовом. — Ни за что! Я выйду на ринг, даже если это будет последним, что я сделаю. И то, что ты медсестра, ничего не меняет. Просто, выполняй свою работу.

Я почувствовала, как внутри меня вспыхивает злость, смешанная с беспокойством. Я никогда не понимала людей, которые готовы рисковать своим здоровьем ради чего-то, что, по сути, не имеет значения.

— Хорошо, — сказала я с решимостью, которой не ожидала от себя. — Твоя жизнь — твой выбор. Только не удивляйся последствиям.

На мгновение в воздухе повисла тишина. Я знала, что мои слова были жесткими, но они были правдой. Я продолжала работу, зашивая его рану, но в то же время чувствовала его взгляд, устремленный на меня. Но я не могла позволить себе отвлечься, не могла показывать свою слабость.

Я сосредоточилась на швах, стараясь игнорировать все, что происходило вокруг, но внезапно не удержалась и спросила:

— Зачем ты это делаешь? — голос мой прозвучал тише, чем я хотела. — Почему ты сражаешься? Ради чего рискуешь собой?

Я не отрывала взгляда от раны, стараясь понять, что могло заставить его рисковать своим здоровьем ради боя. Но когда ответа не последовало, мои темные глаза, как будто сами собой, обратились к нему. Я ненавидела вопросы без ответов, в этот момент мне хотелось услышать хоть что-то — хоть малейшее объяснение его безумной решимости.

Я закончила зашивать рану и, отложив инструменты, поднялась.

— С этим все, — произнесла я. — Но мне нужно обработать и твой лоб.

Я подошла ближе и вновь изучила его лицо. Вокруг его лба расползался синий след, а кожа была покрасневшей и опухшей. Я аккуратно приподняла его голову, чтобы лучше видеть травму, и начала обрабатывать.

Когда я обрабатывала рану, его голова слегка откинулась назад, он облизал губы и сглотнул. Его золотистые глаза, пожелтевшие на свету, были прикованы к моему лицу. Мне было трудно понять его мысли, и в этом молчании я чувствовала, как время замедляется.

Почему он так смотрит?

Тщательно очищая рану, я старалась быть максимально аккуратной, чтобы не причинить ему лишней боли. Когда я закончила, я сказала:

— Всё, можешь идти.

Я выбросила использованные перчатки в контейнер и направилась к раковине, чтобы вымыть руки. Мысли крутились в голове:

Сколько времени? Ждёт ли меня на улице водитель? Или мне придётся возвращаться на такси?

Я обернулась и увидела, как мужчина поднялся и достал свою черную майку. Он перекинул её через плечо, и на мгновение мне показалось, что он выглядел растерянным. Неужели он чувствовал то же самое каждый раз, когда выходил на ринг? На кого он злился, нанося удары незнакомцам? Эти мысли пронзали меня, пока я наблюдала, как он потянулся к ручке двери.

Я смотрела на него со спины, ожидая, когда он выйдет, чтобы уйти спокойно за ним. Но молодой человек, не оборачиваясь, вдруг заговорил:

— Я сражаюсь, потому что это то, что у меня получается лучше всего. На ринге я чувствую себя живым, как нигде больше. Каждый удар — это способ выпустить ту злость и агрессию, которые копятся внутри. Это как терапия.

После паузы он добавил:

— Для меня бокс — это не просто спорт. Это испытание, возможность доказать себе, что я способен на большее. Каждый бой — это шанс стать лучше и сильнее. Да, я рискую. Да, это опасно. Но иногда я думаю, что лучше сражаться и падать, чем вообще ничего не делать.

После мужчина открыл дверь и вышел, оставив меня одну в лазарете.

Я вернулась к умывальнику смывая кровь и дезинфицирующее средство. Была ли я удовлетворена его ответом? Да, скорее всего, да.

Как только я закончила убираться в лазарете, я вышла из кабинета. На коридоре уже стоял тот же охранник, который проводил меня раньше. Вместе мы вышли из здания, и свежий воздух обдал меня, словно освежающий глоток после замкнутого пространства.

На парковке, возле машины, к нам подошел тот самый тренер молодого боксера. Его лицо выражало благодарность, и он, кажется, действительно ценил мою помощь.

— Спасибо вам, — произнес он, чуть наклонив голову. — И извините за ожидание.

Я кивнула и, не раздумывая, высказала своё беспокойство:

— Я бы посоветовала вам отменить сегодняшний бой для вашего подопечного. Если он выйдет на ринг в таком состоянии, это может закончиться плохо.

Тренер мгновенно ответил, и в его голосе прозвучала решительность:

— Все было отменено. Я сам не хотел бы рисковать его здоровьем.

С облегчением я улыбнулась и попрощалась с ним, ощущая, как внутри меня утихло волнение.

Он кивнул в ответ и отправился обратно в здание, а я, почувствовав, что моя работа на сегодня завершена, направилась к машине.

Как только я села в машину, водитель спросил:

— Все прошло хорошо?

— Да, все в порядке, — ответила я, стараясь не выдать, что внутри меня все еще бурлили эмоции.

Он кивнул, и мы тронулись с места, покидая место, где произошла вся эта напряженная ситуация. Я смотрела в окно, наблюдая, как вечернее солнце постепенно скрывается за горизонтом, оставляя за собой оранжевый след на небе.

Пока машина мчалась по улицам, я невольно взглянула на свой телефон. Увидев время, я удивилась — уже вечер. Решив, что не будет лишним удостовериться, я написала старшей медсестре, спросив, нужна ли я еще сегодня. Ответ пришел быстро:

— Можешь идти отдохнуть, у нас все под контролем.

С облегчением выдохнув, я поняла, что не упущу возможность провести время с братом. Я написала Эмме, сообщив, что скоро буду, так как меня отпустили пораньше.

С этой мыслью я закрыла телефон и взглянула в окно. Внутри меня царило чувство удовлетворения от выполненной работы и радости от скорой встречи с братом.

В кафе, принадлежащем родителям Эммы, всегда царила особая атмосфера. Мама Эммы, миссис Агнес, печёт самые вкусные пироги и булочки, а папа управляет заведением с теплотой и заботой, как будто каждый гость — это часть их семьи. Стены украшены семейными фотографиями, а аромат свежеиспечённой выпечки наполнял пространство, делая его по-настоящему уютным. Я любила это место — здесь всегда было комфортно и спокойно, словно это наш второй дом.

Мы сидели за угловым столиком у окна, и я чувствовала, как напряжение дня постепенно покидает меня. Адам, болтал без умолку, размахивая руками, чтобы показать, как весело он провёл день.

— А потом мы построили крепость! Она была огромная! — с восторгом рассказывал Адам, его глаза сияли от счастья. — Я сделал флаг из полотенца и прикрепил его к верхушке!

Эмма, сидевшая рядом с ним, рассмеялась, поправляя светлые пряди, выбившиеся из хвоста.

— Да, и она почти развалилась, когда мы пытались пролезть внутрь, но Адам её починил, как настоящий инженер! — поддразнила она его.

— Да! — Адам гордо выпрямился. — Потому что я умею всё чинить!

Я улыбнулась, глядя на них. Мой брат был полон энергии, и я радовалась, что он проводит время в таком замечательном месте, где его окружает забота.

— А потом мы играли в прятки, — продолжал он. — Я нашёл такое классное место, что Эмма не могла меня найти целую вечность!

— Ну, я всё равно тебя поймала! — сказала Эмма, с искорками в глазах. — Ты не такой уж и незаметный, мистер!

Адам фыркнул, явно довольный их совместным приключением, и снова повернулся ко мне.

— А ты как, Кайла? Тебе понравилось на работе? — спросил он, наклонив голову вбок.

Я замялась на мгновение, не желая рассказывать ему обо всём, что произошло сегодня. Но его искренний интерес тронул меня.

— Ну, это был напряжённый день, — ответила я, стараясь улыбнуться. — Но я справилась. Пришлось помочь человеку с серьёзной травмой, но теперь всё в порядке.

— Он будет здоров? — с беспокойством спросил он.

— Да, думаю, да, — уверила я его, протянув руку, чтобы погладить брата по голове. — И благодаря тебе и Эмме у меня уже лучшее настроение.

Эмма наклонилась вперёд, её взгляд был внимательным.

— Сложный день? — спросила она мягко. — Ты выглядишь усталой.

Я кивнула, ощущая, как тёплая поддержка этих двух людей делает моё беспокойство менее тяжёлым.

— Да, но сейчас всё нормально. Главное, что всё закончилось благополучно.

Эмма ободряюще улыбнулась.

— Что ж, ты заслуживаешь отдых. Может, после этого заказа закажем тебе что-нибудь сладкое? У нас сегодня отличный шоколадный торт!

Я рассмеялась, и Адам оживился:

— Да! Давай возьмём торт! Я тоже хочу кусочек!

Эмма закатила глаза, но в её взгляде читалась нежность.

— Хорошо, мистер сладкоежка, — согласилась она, подмигнув мне.

Мы втроём рассмеялись, и на мгновение я почувствовала, что тяжесть сегодняшнего дня исчезла, оставив лишь радость от времени, проведённого с близкими.

ГЛАВА 2

Цена уязвимости

Лука

"Первые воспоминания о настоящем страхе навсегда остались в моей память, как острые шрамы, которые я не мог вылечить. Мне было всего шесть лет, и в этот день, мой отец, Дарио Ривера, окончательно разрушил остатки моей невинности.

У нас была собака по имени Бруно. Огромный, добродушный пёс с коричневыми глазами, которые светились добротой, как огонь, когда он смотрел на меня. Я рос рядом с ним, и он был моим другом в этом жестоком мире. Он всегда был рядом — на утренних прогулках, в тени деревьев, встречал меня на пороге, виляя хвостом, будто мир был совсем другим, тёплым и добрым. Но для моего отца, для того, кто был главой семьи и мафиози, все эти привязанности, эмоции — были признаками слабости. Он не терпел того, что могло бы сделать его сына уязвимым. И я, глупый мальчишка, не знал, как долго я смогу быть его сыном и оставаться живым при этом.

Тот день начался как обычно. Я был на улице, играя с Бруно, когда отец позвал меня к себе. Он стоял в своём безупречном костюме, как всегда — властный, холодный и непреклонный. В руках он держал пистолет, который блестел на солнце. Бруно сидел рядом, весело виляя хвостом, не зная, что его ждёт. И я, как обычно, не замечал тени, что нависала над нами.

— Роан, — его голос был ровным, холодным, как лёд. Он протянул мне пистолет, как если бы это было что-то обыденное. — Убей его.

Мои руки не шевельнулись. Я смотрел на пистолет, его металлический блеск ослеплял, как свет от раскалённого железа. Я не мог понять, что происходит. Сердце билось в ушах, в горле стоял ком, а ноги будто отнялись. Я не мог двинуться. Не мог поверить.

— Папа, нет... — я едва выговорил, стараясь не дать слезам вырваться. — Пожалуйста, не нужно.

Он нахмурился, и это его выражение было хуже любого наказания. Он подошёл ближе, его лицо становилось всё более мрачным. Он был рядом, его взгляд сжигал меня. Он наклонился, чтобы быть на уровне со мной, и в его глазах не было ни капли сострадания.

— Слабость, — сказал он, и его слова пронизывали меня, как нож. — Ты позволяешь себе быть слабым? В нашем мире за это платят кровью.

Я чувствовал, как в груди замирает воздух. Бруно сидел рядом, и его глаза, полные доверия, как будто спрашивали меня, почему я не могу сделать этого, почему я не могу защитить нас обоих. Я не мог. Не мог нажать на спусковой крючок. Моя рука задрожала, и пистолет выпал из неё с глухим звуком, упав на землю. Я не мог этого сделать. Я не мог причинить боль Бруно.

Отец стоял передо мной, словно каменная стена. Он вздохнул, разочарованный, и вдруг схватил меня за плечо. С такой силой, что я почти потерял равновесие. В его глазах был лишь холодный гнев.

— Ты хочешь быть слабым? — произнёс он, и его голос стал угрожающим, как приглушённый гром. Не дождавшись ответа, он резко потянул меня за собой. Я пытался вырваться,

но он был сильнее, слишком сильный для мальчика, который ещё не знал, как бороться с этим миром.

Он отвёл меня в подвал — темный, влажный и душный. Я едва мог разглядеть его лицо, но чувствовал, как его тень накрывает меня, как покрывает холодная оболочка страха. Он толкнул меня на пол, и я, потеряв равновесие, упал на землю. В это время кто-то утащил Бруно — я не знал, куда. Но я знал, что отца не волнует, что с ним станет.

Мой взгляд метнулся на темноту, когда отец вырвал ремень из своих брюк. Я не успел понять, что происходит, как его рука взмахнула, и остриё боли проникло в мою спину. Я закричал, но звук был глухим и подавленным в темном помещении. Боль разлилась по всему телу, как огонь. Он не остановился. Каждый удар — как молния, пронизывающая меня насквозь. Я кричал, но это не сдерживало его. Он бил, и каждый новый удар был как попытка стереть меня с лица земли.

Я пытался отбиться, но силы были на исходе. Внутри всё сжалось от боли и страха. С каждым ударом я чувствовал, как я теряю себя, теряю своё детство. Как всё уходит навсегда. Как я становлюсь частью его мира, миром, где нет места слабости.

Когда он наконец остановился, мне показалось, что я не могу двигаться. Моё тело болело, а дыхание было прерывистым и тяжёлым. Я лежал на холодном полу, с глаз капали слёзы, но я не мог даже подняться. Бруно был где-то там, за дверью. Я не знал, что с ним стало, но я знал одно — я больше никогда не буду прежним. Отец, глядя на меня с презрением, прошипел:

— В нашем доме нет места слабым, Роан. — Его слова отрезали всё внутри меня. Он не был моим отцом. Он был тем, кто разрушил меня. — Ты останешься здесь, пока не поймёшь, что значит быть настоящим мужчиной.

Он ушёл, а я остался, в темноте, окружённый своим собственным страхом и болью, с памятью о том, как я потерял свою душу в тот день."

С того дня моё детство стало чем-то далёким, размытым, как старые фотографии, брошенные на обочине забвения. Отец разрушил его полностью, без сожалений и колебаний, словно раздавил хрупкую стеклянную игрушку. Детские радости исчезли, остались только суровые требования и страх. Он был мафиози — жестоким, властным, беспощадным. И я, его сын, должен был соответствовать его представлениям о будущем наследнике.

Но я никогда не мог оправдать его ожиданий.

Дарио Ривера был не просто отцом, а судьёй и палачом. Он ждал от меня идеального самоконтроля, звериной выносливости, холодной расчетливости. Каждый день был проверкой на прочность. Любая слабость каралась. Каждая ошибка стоила слишком дорого. Я помню, как его ремень свистел в воздухе за проваленный тест в школе, за случайное слово, которое он считал признаком трусости. У меня не было права плакать, не было права чувствовать боль. Он считал слёзы слабостью, а слабость — предательством.

Я рос с пониманием, что любое проявление эмоций сделает меня врагом в собственном доме. Отец не просто наказывал меня за мои неудачи — он хотел выбить из меня человечность, уничтожить все, что не соответствовало его жестоким идеалам. Он мечтал о кровожадном наследнике, который в будущем станет ещё более беспощадным, чем он сам, и возглавит империю Ривера, когда его не станет. Он хотел, чтобы я стал новым лицом его безжалостного мира.

Но я не мог ему этого дать.

Я никогда не был таким, как он. Во мне не было той ненависти, того удовольствия от власти, которым он наслаждался. Меня разрывало на части противоречие между тем, что хотел видеть во мне отец, и тем, кем я хотел стать. Я отчаянно пытался выжить в его мире, каждый раз надеясь, что где-то внутри у меня ещё осталась часть, способная чувствовать, любить, надеяться.

Но с каждым годом эта надежда становилась всё слабее.

Когда мне было двенадцать, я наконец осмелился на побег. Долго готовиться к этому не пришлось — я просто понял, что больше не выдержу. Я знал, что отец может наказать меня за любой неудавшийся план, за любое проявление слабости. Он бы отследил меня и не простил попытку бегства. Но тогда я принял решение, которое изменило всю мою жизнь: я ушёл и не оглядывался назад. С тех пор я ни разу не пожалел об этом.

Поначалу было сложно. На улице всё оказалось гораздо жестче, чем я мог представить. Голодуха стала моей новой реальностью. Я пытался найти работу, хотя бы какую-нибудь мелочь, но кому нужен был двенадцатилетний мальчишка? На мое отчаяние и мольбы люди не обращали внимания. Каждый день я мечтал найти уголок, где смогу спрятаться и уснуть, не боясь, что кто-то выгонит или причинит мне боль.

Всё изменилось в тот день, когда меня заметил Рамиро Монро — человек, которого я бы назвал своим спасителем. Он сразу выделил меня в толпе и, как выяснилось позже, увидел то, что никто другой не видел. Взгляд, полный решимости и боли, тлел у меня в глазах. Я тогда ещё не понимал, почему он выбрал именно меня, но это уже не имело значения — в первый раз за долгое время я почувствовал, что кому-то не всё равно.

Рамиро был известным человеком в боксерском мире. В прошлом он был успешным профессиональным боксером, а теперь пользовался авторитетом среди тренеров и промоутеров. Он понял, что я не просто нуждаюсь в помощи — мне нужен был наставник, тот, кто поможет выжить и понять этот мир. Он подметил во мне скрытый потенциал, хотя я этого тогда ещё не видел.

С того дня Рамиро стал не просто моим тренером — он заменил мне отца, которого я никогда по-настоящему не знал. Он учил меня не только технике бокса, но и тому, как быть мужчиной в мире, полном жестокости и борьбы за выживание. Он давал мне советы, опираясь на свой собственный опыт. Когда он увидел, что я способен на многое,

он предложил мне взять другое имя — для безопасности, чтобы отец никогда не нашёл меня. Так я стал Лукой Кальвейрой, новой личностью, который прятал мои прошлые страхи и боль.

Годы тренировок под его руководством сделали меня тем, кто я есть сейчас. Рамиро верил в меня больше, чем кто-либо другой.

Стук моих кулаков о кожаный боксерский мешок раздавался гулким эхом по всему помещению, сопровождаемый лишь моим размеренным дыханием. Удары были быстрыми и выверенными, словно каждая мелочь имела значение: от положения моих ступней до напряжения мышц в плечах.

Но мысли никак не могли уйти от того, что произошло всего несколько часов назад. Картина мелькала передо мной снова и снова — девушка с напряженным выражением лица, старательно зашивающая мою рану. Ее движения были уверенными, но в её глазах отражалась настороженность. Она смотрела на меня так, будто пыталась понять что-то важное, скрытое под поверхностью.

Сейчас я злился. Нет, даже не так — я кипел от ярости, которая была направлена на всё сразу. На ситуацию. На себя. На то, что мой тренер настоял на отмене боя. Это было необходимо, я понимал это, но мой разум все равно отказывался смириться. Я чувствовал себя слабым. Беспомощным. И от этого хотелось еще сильнее разнести этот несчастный мешок в клочья.

— Лука! — голос тренера раздался откуда-то из-за моего плеча. Я остановился, опустив руки, и повернулся к нему. Он стоял, сложив руки на груди, его лицо было привычно строгим, но в глазах проскальзывала усталость. Он тоже был напряжен, хоть и пытался этого не показывать.

— Ты ведь понимаешь, что мы поступили правильно? — спросил он, без лишних предисловий. Его слова повисли в воздухе, словно вопрос, на который я не хотел давать ответ.

Я знал, что он прав. Моя рана была опасной, и дальнейшие удары могли бы сделать все только хуже. Но принимать это было трудно, словно мне приходилось проглатывать горькое лекарство, которое жгло изнутри.

— Знаю, — ответил я, утирая пот с лица. — Но это не значит, что мне это нравится.

Он молча кивнул, словно понимая все без лишних слов. Таков был наш тренировочный ритуал — мы могли спорить, не соглашаться, но в конце концов оставались на одной стороне. Всё ради того, чтобы однажды выйти на ринг в лучшей форме, что только возможно.

Но тогда, в больничной комнате, когда та девушка сказала мне, что я должен отменить бой, в ее голосе прозвучало что-то особенное. Не просто профессиональная забота. Что-то большее. Забота о жизни, о том, что я все еще могу проиграть не сопернику, а себе самому, своему упрямству.

Я стиснул зубы, вспоминая тот момент. Зачем она спросила, почему я сражаюсь? Вопрос пронзил меня, пробудив старую, уже изношенную правду, которую я так старательно прятал. Я всегда сражался. На ринге или за его пределами. Это стало неотъемлемой частью меня, и я не хотел, чтобы кто-то это видел.

— Как на это отреагировал Маркеса? — мой голос звучал более спокойно, чем я ожидал, но внутри меня бурлили эмоции.

Тренер, который всё ещё держал телефон в руках, нахмурился, но всё же ответил:

— Похоже, он даже не удивился. Они знали, что это может произойти. Маркеса только ухмыльнулся, когда узнал, что тебя ранили, — тренер выплюнул эти слова с явным раздражением. — Он был уверен, что ты не выйдешь на бой, Лука.

Я должен был выйти на ринг против Анхеля Маркеса, боксера, который стал моим заклятым врагом. Но за нашей враждой скрывалась не только спортивная конкуренция. Анхель был человеком, у которого были связи в криминальном мире. Он всегда действовал не только кулаками, но и через людей в тени, готовых выполнить грязную работу. Анхель принял нашу вражду как личное дело, и этот бой для него был способом доказать, что его сила и влияние непоколебимы.

Анхель всегда был силен, техничен и безжалостен, и я знал, что этот бой станет чем-то большим, чем просто поединок за титул. Он собирался уничтожить меня, доказав всему миру, что он лучший, а я — всего лишь претендент, который не заслуживает славы и уважения. А я? Я хотел доказать, что могу преодолеть всё, что мне пришлось пережить, и что я могу выйти победителем, несмотря на его подлые ходы и связи. Победа в этом бою была важна не только для моего будущего, но и для моего собственного достоинства.

Но кто-то захотел сорвать мой выход на ринг. Кто-то боялся, что я одержу победу. И этот кто-то нанял человека, чтобы пырнуть меня ножом. Мне казалось очевидным, что это было не просто нападение с целью запугать меня. Это был умышленный удар, направленный на то, чтобы выбить меня из игры. Анхель, или люди, стоявшие за ним, должны были быть причастны к этому. Они знали, что я был угрозой, и они сделали всё возможное, чтобы устранить меня.

И всё же, несмотря на рану и предупреждения врача, я не мог позволить себе слабость. Я сражался не только за себя, но и за всё, что я построил с нуля, за мою новую семью, за Рамиро, который верил в меня. Этот бой был моим шансом доказать, что я больше не тот слабый мальчишка, которого можно было легко сломить.

Я сжал кулаки, ощущая, как гнев пульсирует в моих венах. Кто бы ни заказал это нападение, он знал, что бьёт по самому важному. Но я никогда не сдамся. Слишком много поставлено на карту, слишком много воспоминаний и боли, которые я должен стереть, побеждая.

Рамиро положил руку мне на плечо, его взгляд был серьёзен, но в глазах светилась привычная забота.

— Отправляйся домой, Лука. Отдохни как следует, и никаких резких движений, понял? Рана должна затянуться, нам нужно, чтобы ты был в форме.

Я кивнул, стараясь не показать, как меня гложет всё происходящее. Мы обменялись коротким рукопожатием, и он слегка похлопал меня по спине, как делал всегда после напряжённых тренировок. Затем Рамиро развернулся и скрылся в дверях зала, оставив меня одного в тускло освещённом коридоре.

Я вздохнул, стиснув зубы от неприятной тянущей боли в боку, и направился к выходу. Когда прохладный вечерний воздух ударил в лицо, я почувствовал, как немного расслабляются мои напряжённые мышцы.

Моя машина стояла ближе к дальнему углу парковки, где слабо светил одинокий уличный фонарь. Это была чёрная матовая Audi R8, с агрессивными линиями и широкими крыльями, будто созданная для скорости и стиля. Она выглядела так, словно могла унести меня прочь от любых проблем, оставляя за собой лишь шлейф адреналина и звук ревущего двигателя.

Подойдя к машине, я провёл рукой по гладкому капоту, на мгновение замер, вслушиваясь в тишину ночи. Казалось, вокруг был лишь ветер, шуршание далёких шин и глухой стук моего сердца. Ощущение, что за мной могут следить, никогда не покидало меня, даже когда я был в привычных местах.

Я вытащил ключи из кармана и разблокировал двери. Свет фар на мгновение озарил пространство вокруг, а я быстро скользнул в салон, сев на мягкое кожаное сиденье. Как только двери захлопнулись, я ощутил себя немного в безопасности, окружённый этим прочным корпусом и знакомым запахом дорогих материалов и бензина. Вставив ключ в зажигание, я завёл двигатель, и рев мотора нарушил ночное спокойствие, как предостережение для всех, кто мог бы вздумать приблизиться.

Я выехал с парковки и направился в сторону главной улицы, когда в голове резко всплыла фигура той медсестры.

Тёмные волосы, собранные в высокий хвост, открывали яркое лицо, на котором чётко выделялись скуластые линии. Я запомнил её глаза — глубокие, почти черные, как бездонные озёра, которые могли бы утопить любого, кто на них задержится слишком долго. В них была сила и решимость, но также что-то нежное, словно в её душе всё ещё жила надежда на лучшее.

Я вспомнил тот разговор, когда она смотрела на меня с таким упорством. Я был слишком упрям, чтобы признать, как она могла влиять на меня.

"— Я выйду на ринг, даже если это будет последним, что я сделаю. И то, что ты медсестра, ничего не меняет. Просто, выполняй свою работу."

— Хорошо.Твоя жизнь — твой выбор. Только не удивляйся последствиям."

Я ощутил легкую усмешку на губах. Это была такая смелая позиция, и, как ни странно, она тронула меня. Но с чего это я вдруг вспомнил эту медсестру? Почему её слова продолжают звучать в моей голове, словно я сам ищу в них поддержку, которой мне так не хватало?

Возможно, это было связано с тем, что я так долго находился в тени — тени своего прошлого и своих собственных демонов. Она, казалось, была полной противоположностью всему этому. Сильная, уверенная, не боявшаяся сказать правду в лицо. Не такая, как те, кто всегда был вокруг меня.

Сжав кулаки на руле, я ускорился, готовясь к тем испытаниям, что ожидали меня впереди. В конце концов, если я не стану тем, кем должен быть, это будет равнозначно смерти, и я не собирался умирать.

Я проснулся от едва уловимого шума за окном — в первое мгновение подумал, что это звонок телефона, но понял, что это просто приглушенные звуки Лондона, который просыпался к новому дню. Прохлада проникала в комнату, и свет казался едва уловимым, как будто утро тоже не спешило занять своё место. Я потянулся, затем поднял руку, прикрывая глаза от мягкого света. Но понимал: оставаться в постели смысла нет — день уже начался.

Откинув одеяло, я сел на край кровати и потянулся, чувствуя слабую ноющую боль в боку — напоминание о недавнем происшествии. Эта боль не была страшной, но она не давала забыть события последнего времени. На мгновение я задумался об этом, но быстро стряхнул мысли — было слишком рано для подобного.

Я направился в ванную, ощущая тяжесть на плечах, словно накопившуюся усталость. Сняв футболку, посмотрел на себя в зеркало. Сначала лишь отметил, что выгляжу чуть иначе, чем привык. Может быть, это от недосыпа, а может, от мыслей, которые не оставляют даже по утрам. Отражение в зеркале смотрело на меня, словно с долей насмешки — будто я сам не уверен, кто я теперь. Раньше я легко находил уверенность в себе, но сегодня всё кажется иначе.

Тёплая вода под душем обволакивает тело, успокаивая. Я закрываю глаза, позволяя себе несколько секунд покоя. Силы словно возвращаются, как будто с этой водой уходит вся тяжесть, все мысли. Ванную окутывает лёгкий пар, и на мгновение мне кажется, что это — идеальное место для того, чтобы найти спокойствие и равновесие. С этими мыслями я выключаю воду.

Закончив душ, я стоял перед зеркалом, вытираясь полотенцем, и смотрел на себя. В отражении — человек, которого я знал. Человек, который научился бороться, привык к ударам, но не стал от этого легче. Вижу свои глаза — они всё ещё такие же, как и были несколько лет назад, когда я начинал свой путь. Я сам. Но в этом человеке есть нечто большее, нечто тяжёлое, что я ещё не до конца осознал.

Мой дом — большой и с темными тонами, с высокими потолками и окнами, выходящими на зелёные улицы Лондона. Я купил его благодаря тому, что добился успеха в боксе. Это было не сразу, но шаг за шагом, с каждым трудным боем, с каждой победой и поражением, я пришёл к тому, что могу позволить себе такую роскошь. Этот дом стал как символ моих достижений, как результат тех лет упорной работы. Теперь, если оглянуться, всё это напоминает мне крепкую опору, на которую можно опереться, но при этом я чувствую, как в душе что-то пустует. Да, я живу один. Никаких громких вечеринок, никакого шума — только я и эта квартира, и всё, что я смог достичь.

Когда-то мне казалось, что успех в спорте — это шанс не только обеспечить себе жизнь, но и изменить всё. Теперь я понимаю, что изменилось многое, но не всё. Здесь, в этом доме, всё стало какой-то привычной рутиной. И одиночество — это не то, что я ожидал, но то, что я сам себе создал.

Я отбросил полотенце и подошёл к шкафу, вынимая серые спортивные штаны и белую футболку. Всё делаю быстро и уверенно — привычка, выработанная годами. Не люблю долго раздумывать. Взял одежду и начал одеваться. Штаны плотно сели на бедра, а футболка легко обвила грудь.

Когда я был готов, я направился на кухню. Два шага, и вот я у кофемашины. Включаю её, слушаю, как она начинает работать, и ловлю момент тишины, который прерывается только

её механическим звуком. Я никогда не спешу с утренними делами. Они как маленький ритуал, который создаёт мне ощущение стабильности. В этот момент мир как будто замедляется, и я могу спокойно подумать о том, что ждёт меня в ближайшие часы, что нужно сделать.

Пока кофе капает в чашку, я ловлю себя на мысли, что моё утро всегда одинаковое. Порой кажется, что ничего не меняется, но, может быть, именно в этом и заключается секрет. Я строю свой день на привычках, которые мне нравятся, которые приносят уверенность, что я могу идти дальше.

В этот момент раздался стук в дверь.

На пороге стояли мои лучшие друзья — Элайджа и Майкл. Элайджа был высоким, с лёгким налётом серьёзности, а Майкл всегда был более расслабленным, но с ним никогда не было скучно. Их взгляды сразу выдали, что что-то беспокоит, и я почувствовал, как в животе закрутился неприятный комок.

— Привет, брат, — сказал Элайджа, заходя первым. Он всегда был немного старше меня, с более твёрдым взглядом на мир, но всё равно оставался тем человеком, на которого можно было положиться. — Как ты? Всё в порядке?

— Да, нормально, — ответил я, стараясь скрыть свои переживания. — Только встал, завариваю кофе. Будете?

Майкл, ещё не сняв куртку, протянул мне газету, которую держал в руках.

— Лука, ты видел это? — спросил он, слегка нервничая.

Я взглянул на заголовок: *«Кальвейра — не по ту сторону ринга. Почему чемпион отказался от боя с Маркесой?»*Статья говорила о моём решении не выходить на бой после травмы и предположениях, что я мог испугаться поражения. И хотя это было далеко от правды, такие заголовки всегда оставляли неприятный осадок.

— Нет, я не видел, — сказал я, сглотнув,и посмотрел на газету. — Что там пишут?

Майкл принялся объяснять.

— Тут пишут, что ты отказался от боя, потому что боялся проиграть. Что многие считают твой поступок слабостью, что ты не справился с давлением, — сказал Майкл, нервно перебирая страницы газеты.

Я глубоко вздохнул, перед тем как ответить.

— Да, Рамиро отменил матч, — ответил я. — Он бы меня не пустил на бой с такой раной.

Я замолчал на секунду, собираясь с мыслями, а затем продолжил:

— Я уверен, что кто-то спланировал это. Всё слишком уж странно. Я не могу быть на сто процентов уверен, но мне кажется, что меня подставили. Тот удар ножом... Он был слишком точным, чтобы быть случайным. Наложены швы, и теперь мне предстоит долго восстанавливаться. Если бы был выбор — я бы сам пошёл на бой, несмотря на рану. Но Рамиро не дал мне шанса.

Элайджа и Майкл обменялись взглядами, и я заметил, как их лица сразу стали серьёзными.

Майкл, не выдержав, вскочил с места и выругался:

— Чертов Маркеса. Этот ублюдок специально всё это организовал. Он точно знал, как влезть в твою голову. Он всегда так действовал — через подлость и манипуляции. Это явно его руки. Ты же знаешь, как он играет грязно.

Элайджа, обычно более сдержанный, тоже не мог скрыть своего гнева.

— Да, это его стиль, — сказал он, сжимая кулаки. — Но ты поступил правильно. Рамиро сделал всё, чтобы ты не попал в ловушку. Ты бы проиграл не только бой, но и свою карьеру, если бы согласился.

"Мы стояли в раздевалке, напряжённая тишина висела в воздухе, а мои мышцы уже предчувствовали грядущий бой. Анхель выглядел, как всегда: уверенный в себе, с легкой насмешкой на лице. Но я знал, что внутри он был не таким уверенным. Он всегда был тем, кто на

шаг отставал, кто смотрел на меня и видел не просто соперника, а врага, с которым ему было невыносимо соревноваться.

— Если ты проиграешь, то больше не будешь в этом бизнесе, — сказал Анхель, сжимая кулаки. Его глаза горели ярким вызовом. — Тебе это под силу? Или ты побоишься?

Я слегка приподнял брови, удивлённый его дерзостью. Конечно, я знал, что его гордость уже давно не могла вынести того, что я всегда был на шаг впереди. Но предложить такое — это было нечто новое.

— Ты уверен, что хочешь такого исхода? — спросил я, не пытаясь скрыть своей насмешки.

Он нахмурился, его губы скривились в угрюмую усмешку.

— Ты, Кальвейра, всегда был таким. Уверенным, да? — сказал Анхель, сдерживая раздражение. — Ты всегда думал, что ты выше всех. Но я готов доказать, что ты ошибаешься. Я не собираюсь быть твоей тенью.

Я встретился с ним взглядом, не отводя глаз.

— Ты думаешь, что ты сильнее? — его голос стал напряжённым, полным вызова.

— Я не думаю, я знаю, что я сильнее, — ответил я спокойно.

Он усмехнулся.

— Тогда давай, покажи мне это на ринге. Кто победит — тот и решит, кто тут на самом деле сильнее.

Я кивнул, не оставляя сомнений. Спор был решён. В тот момент я чувствовал себя уверенно. Я был готов, но я знал, что для Анхеля всё будет гораздо сложнее.

— Ты проиграешь. И это не будет просто поражение, это будет конец твоей карьеры, —произнёс я, и взгляд его стал ещё более угрюмым. "

Я перевёл взгляд на своих друзей, стоящих напротив меня. Элайджа и Майкл выглядели серьёзно. Майкл что-то шептал себе под нос, а Элайджа молчал, но его взгляд был внимательным, как будто он уже знал, о чём я думаю. Эти двое всегда были рядом, но мы не сразу стали одной командой. Они работали на Рамиро.

Элайджа помогал организовывать встречи, следил за порядком и решал вопросы, если кто-то начинал нарушать правила. Майкл, хоть и был младше, выполнял мелкие поручения, но при этом был на удивление острым и сообразительным.

С Элайджей мы быстро нашли общий язык. Он с самого начала относился ко мне, как к младшему брату, которого нужно направлять.

— Слушай, парень, Рамиро не берёт кого попало. Если он выбрал тебя, значит, у тебя есть потенциал. Но придётся потрудиться, чтобы его оправдать, — сказал он мне однажды на тренировке.

Эти слова стали для меня мотивацией. Я хотел доказать, что не зря оказался здесь.

Майкл был другим. Ему тогда было всего шестнадцать, но он уже работал на Рамиро почти год. Он сначала держался в стороне, словно проверял, можно ли мне доверять. Но однажды я вытащил его из неприятностей, когда он чуть не оказался в ловушке после неудачной сделки. После этого между нами возникло что-то вроде молчаливого взаимопонимания.

С тех пор мы стали не просто напарниками, а чем-то большим. Рамиро объединил нас, научил держаться вместе. Мы были командой, но больше всего мы были семьёй.

И что бы ни происходило, я знал: эти двое всегда будут рядом.

Телефон вдруг завибрировал на столе. Я посмотрел на экран — это был Рамиро. Я моментально взял трубку, не раздумывая. Его голос был хладнокровным, но в нём чувствовалась настойчивость.

— Лука, мне нужно с тобой поговорить. Приезжай ко мне, есть важный разговор, — его слова были короткими и точными, без лишних объяснений.

Я положил трубку и взглянул на Элайджу и Майкла, которые уже почувствовали перемену в моей настроенности.

— Рамиро позвал к себе, — сказал я. — Нужно поехать. Видимо, этот разговор связан с новостями.

Майкл сразу встал, подбираясь к двери.

— Ну, поехали, — он не выждал, пока я скажу что-то ещё, и уже был готов выйти.

Элайджа тоже встал, крепко сжимая руки, как всегда, готовый поддержать. Когда мы вышли из дома, Майкл, как всегда, прервал тишину, подшучивая:

— Ладно, раз Рамиро позвал нужно ехать, но это не отменяет наших планов на сегодня.

Я повернулся к нему с вопросом в глазах.

— Какие планы?

Он сразу ответил, с улыбкой, но всё равно с лёгким раздражением:

— Ты что, издеваешься? Мы же договорились, что в воскресенье поедем отдыхать по полной. Ты забыл? Тренировки, работа, бои... а отдыхать мы по-любому должны!

Элайджа тоже не удержался от смеха и добавил:

— Да, Майкл прав. Мы же тоже люди, а не машины для тренировок!

Я посмотрел на них обоих, сдерживая усмешку. Планы на отдых? Мне казалось, что они просто не понимают всей серьезности ситуации. Но в то же время, я понимал — они хотели, чтобы я не забыл, что у меня есть не только бокс. Есть ещё жизнь, которая не заканчивается на ринге. И мне, может быть, тоже не помешает немного расслабиться. Хотя сейчас это казалось мне чем-то второстепенным.

— Не переживайте, на отдых времени всегда найдется, — сказал я, оглядывая их. — Но сейчас поехали к Рамиро. Разберемся с этим, а потом решим, что делать.

Майкл фыркнул, но кивнул, соглашаясь. В машине царила тишина, пока мы направлялись в сторону Рамиро. Но, несмотря на все волнения, я знал одно: мои друзья рядом, и мы всегда будем искать момент для отдыха, даже если вся жизнь в этот момент крутится вокруг проблем, травм и неопределенности.

Мы зашли в кабинет Рамиро. Он сразу заметил мою напряжённость — я понимал, что этот разговор может изменить всё. Рамиро, всегда спокойный и уверенный, кивнул мне, приглашая сесть напротив. Майкл и Элайджа сели рядом, и я ощутил их поддержку, хотя знал, что в конечном итоге выбор останется за мной.

— Лука, — начал Рамиро, скрестив руки на груди, — ты один из лучших бойцов. Это знают все. Но, если честно, только сила на ринге не даст тебе того, что нужно, чтобы двигаться дальше.

Я нахмурился, пытаясь уловить, к чему он ведёт.

— Ты о чём? — спросил я, сдерживая растущее раздражение.

Рамиро сделал паузу, его взгляд стал серьёзным и сосредоточенным.

— Надеюсь, ты видел, какие сейчас новости пишутся о тебе, — проговорил он тихо, но настойчиво. — Тебя обвиняют в том, что ты струсил, что не вышел на бой. Говорят, что у тебя проблемы с дисциплиной, что ты потерял хватку. Это не просто слухи, Лука. Это настоящая атака на твоё имя, на твой статус. Если оставить это без ответа, значит дать врагам шанс разрушить твою репутацию и победить тебя без единого удара.

Я стиснул зубы, чувствуя, как внутри нарастает раздражение. Моя карьера, построенная на крови и поте, теперь висела на волоске из-за сплетен.

— И что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил я, уже понимая, что Рамиро имеет какой-то план.

Он наклонился ближе, и в его глазах появилась твёрдость.

— Помолвка, — ответил он, почти не оставляя сомнений. — Пусть даже фиктивный, на бумаге. Но сейчас именно брак — самый быстрый способ создать вокруг тебя щит. Показать миру, что ты серьёзен, что ты строишь будущее и готов к обязательствам. Семейные люди вызывают уважение, они не убегают от проблем. Это придаст тебе вид стабильности и силы, который будет трудно поколебать.

— Ты действительно думаешь, что помолвка может помочь? — переспросил я, всё ещё не до конца веря, что такая формальность может что-то изменить.

Рамиро кивнул, заметив моё недоумение.

— Пойми, Лука, слухи о трусости касаются не твоей физической силы, а твоей надёжности, твоей зрелости. В нашем обществе брак остаётся символом ответственности и зрелости. Даже если этот союз будет фиктивным, люди вокруг увидят, что ты серьёзно относишься к своей жизни и готов к обязательствам. Это изменит их отношение к тебе.

Он сделал паузу, дав мне время переварить его слова, и добавил:

— Женитьба укрепит твои связи и поставит тебя выше мелких нападок. Этот союз станет своего рода заявлением: ты не просто боец, а мужчина, который готов взять на себя ответственность, строить семью и будущее. А это внушает уважение, Лука. Слухи не выживут против такого щита. В глазах общества ты будешь выглядеть не просто сильным, а надёжным и стабильным.

Я задумался. Пусть это был бы просто контракт, фикция, но если союз мог заставить людей забыть о слухах и укрепить моё положение, возможно, это действительно стоило рассмотреть.

Рамиро на секунду посмотрел на меня, и на его лице мелькнула легкая усмешка.

— Лука, я знаю, что сейчас ты не в отношениях. Это может усложнить задачу, но не настолько, чтобы было невозможно решить, — сказал он спокойно, словно это был просто ещё один тренировочный план.

Я вскинул брови, поражённый тем, насколько уверенно он говорит об этом.

— Так что, ты предлагаешь мне просто пойти и попросить какую-то девушку быть моей невестой? — сказал я, саркастично усмехнувшись. — Как это вообще может сработать?

Рамиро ответил с совершенно серьёзным видом.

— Да, фиктивно. На самом деле, это проще, чем кажется. Здесь важны не чувства или романтика, а договор, — он сделал акцент на последнем слове, словно объясняя что-то очевидное.

— То есть, ты хочешь, чтобы я заключил деловое соглашение с какой-то девушкой, которая согласится притвориться моей невестой? — я покачал головой, до конца не веря, что мы это обсуждаем.

Рамиро кивнул.

— Именно. У тебя есть статус, и это работает в твою пользу. Многих бы устроило такое партнёрство. Мы просто подберём кого-то, кто поймёт ситуацию и примет условия.

— Подберём? — я посмотрел на него скептически. — Думаешь, мне удастся найти кого-то, кто просто согласится на это ради сделки?

— Слушай, Лука, — ответил Рамиро, подаваясь вперёд и серьёзно смотря мне в глаза, — в нашем мире у каждого есть свои цели. Одни хотят влияния, другие — безопасности, некоторые просто ищут возможности. И, поверь, для кого-то союз с тобой тоже может стать выгодным.

Я задумался, вспоминая, сколько раз сам сталкивался с людьми, которые готовы были на многое ради выгоды или статуса. Рамиро, видя моё колебание, продолжил, с лёгкой улыбкой на лице:

— К тому же, мы не бросим тебя одного в этом поиске. Есть кандидатура, которую мы уже рассматриваем. Человек надёжный и... подходящий для такой роли.

— У тебя уже есть кто-то на примете? — спросил я, изумлённо глядя на него.

Он кивнул, и в его глазах мелькнула уверенность.

— Да, это часть моего плана. Она человек понимающий, и её семья имеет достаточно высокий статус. Я давно знаю её отца, и уверен, что она отнесётся к этому разумно.

Я нахмурился, почувствовав, как в груди поднимается раздражение. Мне не понравилось, что Рамиро уже что-то придумал за меня. Он говорил о каком-то человеке, который якобы «подходит для роли», и мне это совсем не нравилось.

— Рамиро, — сказал я, пытаясь контролировать голос, чтобы не звучать слишком агрессивно, — не ищи никого. Я разберусь с этим сам. Я не хочу, чтобы кто-то решал за меня, с кем мне иметь дело, даже если это ради сделки.

Рамиро слегка приподнял брови, но его взгляд остался спокойным и твёрдым.

— Лука, я понимаю твоё недовольство, но поверь, здесь не место для эмоций. Мы не можем позволить себе потерять время, — ответил он, но в его голосе была заметна лёгкая настойчивость.

Я резко встал, оглядывая кабинет, как будто пытаясь найти утешение в простом движении. Мне было неприятно, что мне навязывают решение. Брак, даже фиктивный, — это не просто формальность, как он говорил. Это слишком серьёзно.

— Это моя жизнь, Рамиро. Я сам разберусь, — сказал я, глядя ему в глаза, чтобы подчеркнуть свою решимость. — Если это мой шанс, я сделаю всё по-своему.

Элайджа, который до этого молчал, наконец, вставил слово:

— Лука прав, Рамиро. Он сам решит, с кем будет заключать этот союз. Никто не может заставить его делать то, что не в его силах.

Рамиро, похоже, не ожидал такого ответа. Он сделал паузу, но затем кивнул, как будто уважая моё решение.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Ты не должен принимать решение сразу. Но, знай, если ты не решишь это быстро, слухи продолжат множиться, и они будут уничтожать твою репутацию. Я не шучу.

Я выдохнул, сжимая кулаки. Я знал, что Рамиро прав. Мне нужно было действовать быстро, но в то же время я не собирался просто подчиняться чужим решениям. Этот шаг был слишком важен, и я должен был сделать его на своих условиях.

— Я разберусь, — повторил я, на этот раз твёрже. — Не переживай.

Когда мы вышли из кабинета Рамиро, тишина, которая повисла между мной, Майклом и Элайджей, была почти ощутимой. Я всё ещё не мог прийти в себя от всего, что услышал. Мысль о фиктивном браке, предложенном Рамиро, просто не укладывалась у меня в голове. Зачем мне это? Брак — это серьёзно. А тут всё выглядит как нечто, что я должен использовать ради своей карьеры. Но я понимал, что Рамиро не ошибается — его слова всё-таки заставили задуматься.

Майкл первым нарушил тишину.

— Лука, что будешь делать? — спросил он с беспокойным взглядом.

Я выдохнул и посмотрел на него. Всё это было нелепо, но, чёрт возьми, в какой-то момент я понимал, что возможно, это единственный выход. Хотя мысль о фиктивной помолвке вызывала у меня протест, я не мог игнорировать последствия, если продолжу избегать этого пути.

— Не знаю, Майкл, — ответил я, качнув головой. — Не понимаю, как я должен искать кого-то для такого. Это... не по мне.

Элайджа, стоявший сзади, прищурился и добавил:

— Я понимаю, Лука, но не забывай, что сейчас дело не только в тебе. Если не поднимешь свою репутацию, эти слухи могут разрушить всю твою карьеру. Ты должен сделать что-то, чтобы вернуть уважение и показать всем, что ты не просто боксер, а человек, который стоит на своём.

Я молчал, чувствуя, как эта мысль начинает просачиваться в сознание. Всё вокруг, вся моя карьера была под угрозой из-за каких-то слухов, которые никто не мог контролировать. Даже если я решу не вступать в брак, мне нужно было что-то сделать.

В этот момент дверь кабинета открылась, и в помещение вошла Эвелин - дочь Рамиро. Она подошла к нам с лёгкой улыбкой, и я не мог не заметить, как её уверенность и грация сразу привлекли внимание. Эвелин была такой же решительной и сильной, какой я её помнил, но теперь её присутствие не вызывало в моей душе никаких эмоций. Всё было тихо, спокойно. Мы разошлись давно, и больше ничего не связывало меня с ней, кроме, может быть, старых воспоминаний.

— Лука, — сказала она, улыбаясь мне и кивая остальным. — Майкл, Элайджа.

Я ответил ей тем же, кивнув головой, но не желая придавать значение её появлению. Мы с Эвелин были в дружеских отношениях, и сейчас, когда она стояла передо мной, всё казалось вполне естественным.

— Всё в порядке? — спросила она, заметив, что атмосфера в коридоре несколько напряжённая.

— Да, всё нормально, — ответил я. Мы с Эвелин никогда не были склонны к долгим разговорам о том, что происходит в наших жизнях, особенно после того, как наше общение перешло в дружественные рамки. — Просто нужно кое-что уладить.

Эвелин нахмурилась, её взгляд стал более сосредоточенным.

— Отец рассказал мне про вчерашнее нападение. Ты же в порядке? — спросила она, её голос звучал искренне и обеспокоенно.

Я кивнул, чувствуя, что она спрашивает не из любопытства, а из заботы.

— Да, всё хорошо, — ответил я коротко, затем вздохнул. — Но это не всё. Сегодня в сетях все только и обсуждают, что я отказался от боя.

Она замолчала на секунду, изучая меня взглядом.

— Я видела заголовки, — сказала она спокойно. — И должна сказать, что это был смелый шаг. Ты ведь понимаешь, что кому-то это понравится, а кому-то нет?

— Да, — сказал я коротко, не желая углубляться в подробности. Эвелин не была частью этого. Мы с ней уже давно прошли точку, где могли бы обсуждать личные дела. — Нам нужно разобраться с этим.

Майкл и Элайджа остались молчаливыми, явно тоже не желая вмешиваться в разговор.

Эвелин, тем не менее, обратилась ко мне напрямую:

— Ты же понимаешь, что если тебе нужно что-то, ты можешь мне довериться. Мы не такие чужие, как ты думаешь.

Я посмотрел на неё и, несмотря на всю её доброту, понял, что сейчас мне не нужна чья-то поддержка. Это была моя борьба, и мне нужно было самому разобраться, как из неё выйти.

— Спасибо, Эвелин. Я справлюсь, — ответил я, не чувствуя необходимости в дополнительной поддержке. Это был мой момент, моя борьба, и мне нужно было разобраться с этим самому.

Эвелин кивнула и не настаивала. Она не была типом человека, который бы пытался углубляться в чужие проблемы, если они явно не касаются её. С лёгкой улыбкой она повернулась, направляясь в сторону кабинета.

Когда она ушла, в комнате повисла тишина, которую нарушил Майкл, усмехнувшись.

— Лука, я так понимаю, вы с ней до сих пор общаетесь? — его взгляд был лукавым, с той характерной усмешкой, которая всегда сопровождала его подколки.

Я вздохнул и отмахнулся, стараясь не зацикливаться на словах Майкла. Эвелин не занимала места в моих мыслях, и её появление для меня сейчас ничего не значило.

— Мы просто друзья, Майкл, — ответил я спокойно, глядя ему в глаза. — Всё, что было, давно в прошлом. Мы оба это понимаем.

Тут вмешался Элайджа, который до этого молчал, наблюдая за нами.

— А ты сам уверен, что действительно всё оставил позади? — тихо спросил он. — Иногда прошлое имеет свойство возвращаться, даже когда мы уверены, что разобрались с ним.

Его слова прозвучали серьёзно, и я на мгновение задумался. Но это не было чем-то, что я хотел обсуждать.

— Послушайте, ребята, — твёрдо сказал я, стараясь не дать раздражению прорваться наружу, — сейчас у нас есть дела поважнее. Всё, что связано с Эвелин, осталось в прошлом. Я не собираюсь отвлекаться на то, что больше не имеет значения.

Они переглянулись, поняв, что продолжать разговор смысла нет.

Майкл, заметив моё настроение, бросил взгляд на Элайджу, затем похлопал меня по плечу и с лёгкой улыбкой сказал:

— Всё, расслабься, Лука. Давайте, парни, пошли отдыхать, — предложил он, разведя руки. — Нам нужно всем немного отключиться от этих разговоров и отдохнуть. Хватит уже накручивать друг друга.

Элайджа кивнул, соглашаясь, и я почувствовал, как напряжение начинает спадать. Майкл всегда умел разрядить обстановку, а его оптимизм был заразителен.

— Ну что, у кого есть идеи? — спросил я, стараясь отвлечься от всех мыслей.

— Я слышал, что неподалёку открыли новый бар, — Майкл усмехнулся. — Говорят, там неплохая музыка и хороший выбор выпивки. Думаю, это то, что нам сейчас нужно.

Элайджа кивнул, поддерживая идею. Мне тоже не хотелось возвращаться в пустую квартиру и снова прокручивать в голове весь разговор с Рамиро, его странное предложение и встречу с Эвелин. Бар и компания друзей — именно то, что нужно, чтобы развеять всё это.

— Ну, что ж, уговорили, — сказал я, улыбнувшись. — Пошли.

Мы направились к выходу, Майкл и Элайджа переговаривались, подшучивали друг над другом, и я начал чувствовать, как напряжение покидает плечи. Возможно, всё это — слухи, давление, намёки Рамиро — скоро разрешится само собой. А сейчас... сейчас я просто хотел забыться, хотя бы на пару часов.

Мы вышли из здания, и прохладный воздух мгновенно подействовал бодряще. Я замедлил шаг, на мгновение наблюдая, как Майкл и Элайджа направляются к своей машине, переговариваясь и явно чувствуя себя расслабленными.

Майкл повернулся ко мне, кивнул и крикнул:

— Лука, мы будем ждать тебя там! Бар называется "Elegant". Поезжай за нами, не заблудишься.

Я молча кивнул, сев в свою машину. Мотор заурчал, и я выехал на дорогу следом за их автомобилем, пытаясь унять внутреннее беспокойство. Разговор с Рамиро продолжал крутиться у меня в голове, его идея казалась мне всё такой же неожиданной и странной. Брак... Это серьёзное решение, и теперь я раздумывал, как вообще стоит реагировать. Даже если это лишь формальность, само понятие «брак» — не то, что я мог воспринять легко.

Я смотрел на дорогу, стараясь сосредоточиться на движении. Его слова, его уверенность в том, что брак — даже фиктивный — мог бы спасти мою репутацию и вернуть мне уверенность в глазах общества, казались совершенно нелепыми, но вместе с тем — настораживающе правдоподобными. Брак ради статуса. Ради того, чтобы доказать что-то другим и самому себе.

Снова и снова я прокручивал в голове слова Рамиро. Он сказал, что слухи о моей слабости подрывают не мою силу на ринге, а мою надёжность и зрелость. В этом мире брак воспринимается как символ серьёзности и ответственности, чего-то, что не может

быть легко разрушено. Но мог ли я взять на себя такое обязательство — пусть и на бумаге — когда, по сути, у меня нет к этому ни интереса, ни, возможно, даже уважения?

Мотор ровно урчал, пока я следовал за машиной друзей. Они, вероятно, ехали вперёд, спокойно болтая, шутя, не подозревая, что творится у меня внутри. С ними было легко — они всегда поддержат, отведут в бар, отвлекут шуткой. Но у меня было ощущение, будто я стою перед какой-то невидимой стеной.

Машина впереди повернула, и я последовал за ней, всё больше погружаясь в свои мысли. Я не думал о том, что мог бы чувствовать в отношениях, не вспоминал о тех людях, с кем мне когда-то приходилось быть. В памяти всплывали лишь те моменты, когда я стоял перед тяжёлыми решениями и знал, что они изменят мою жизнь. Этот брак был бы очередным таким поворотом, но правильным ли он?

Я вздохнул, взгляд скользнул по дороге. Вокруг меня мир двигался своим ходом, и я словно был от него оторван. Всё, что я знал — это что в жизни приходится делать выборы, и не всегда они будут радостными или лёгкими.

Выключив двигатель, я вышел из машины и увидел, как Майкл с Элайджей стояли у входа, обсуждая что-то между собой. Майкл заметил меня первым и, похлопав по плечу, с улыбкой сказал:

— Ну вот, пришёл наш герой! Пошли, не стоим здесь, бар ждёт!

Мы зашли в новый бар, который открылся не так давно. Внутри было темновато, но уютно. Огромные окна, через которые пробивался вечерний свет, освещали современный, стильный интерьер. Тёмные стены, мягкие диваны и низкие столики создавали атмосферу лёгкости и уюта. На стенах висели абстрактные картины, а в углу на стойке бара уже горела неоновая вывеска с названием — *"Elegant"*.

Бар был довольно оживлённым, но не переполненным. Легкая музыка в стиле джаза наполняла пространство, и я сразу почувствовал, как напряжение немного уходит. Люди сидели, разговаривали, смеялись. В углу играла банджо, создавая атмосферу лёгкости и спокойствия, а в другом конце зала несколько человек наслаждались коктейлями и общением.

— Ну, что думаешь? — спросил Майкл, заметив, как я осматриваю помещение. — Неплохо, правда?

Я кивнул, но мои мысли были далеко от этого уютного бара. Всё вокруг было как обычно, но мне было трудно сосредоточиться на чём-то, кроме внутреннего напряжения. Я не мог перестать думать о ситуации, в которой оказался. Слухи, давление, выбор, который нужно было сделать. Это было больше, чем просто вопрос репутации, это было о том, как продолжить двигаться вперёд, несмотря на все препятствия.

Майкл заметил моё молчание и направился к барной стойке, заказывая что-то крепкое. Элайджа тоже не отставал, следуя за ним. Я выбрал пиво — хотелось чего-то простого, чтобы хотя бы немного отвлечься. Взгляд невольно скользил по залу, и я заметил, что несколько человек в углу барной зоны оживлённо разговаривают, видимо, обсуждая что-то важное. Для меня же всё это выглядело мелочами, на фоне моих собственных мыслей.

Эти люди, эти разговоры, всё вокруг казалось пустым, если сравнить с тем, что происходило в моей голове. Я не мог отвлечься от мыслей о том, как мне действовать дальше. Друзья всегда говорили мне, что нужно оставаться в моменте, но как это сделать, когда жизнь буквально разваливается на части? Слухи, которые сейчас ходят обо мне, ставят под сомнение не только мою карьеру, но и моё будущее. Это не просто сплетни — это атака на мою способность принимать решения, и я чувствовал, как они постепенно разрушали то, что я так долго строил.

— Ты что-то затих, — сказал Элайджа, заметив моё молчание и подавая мне свой коктейль. — Ты всегда так мрачен, когда на душе что-то не так. Что случилось?

Я поднял глаза на него, попытался улыбнуться, но не смог. Это было не то, что я мог бы объяснить словами. Слишком много всего давило. Ответственность, трудный выбор, последствия каждого шага. Я не знал, что делать, и это раздражало.

— Просто немного устал, — сказал я, глядя на столики в углу. — Много всего в голове.

Майкл подошёл с коктейлем в руке, мягко похлопал меня по плечу и уселся рядом.

— Ну, расслабься. Мы здесь, чтобы немного отдохнуть, забыть о проблемах, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Оставь всё на потом. Всё остальное подождёт.

Я кивнул, пытаясь подавить беспокойство, и взял свой бокал. Честно говоря, мне было нужно немного времени, чтобы просто отвлечься. Мы с друзьями пошли в сторону одной из свободных ниш, где находилось несколько столиков. Бар был уютным, с тёплым светом, музыкой на фоне, а вокруг нас тихо шептались пары и компании. Я заметил, как несколько девушек в углу бара украдкой бросали взгляды в нашу сторону, но я не обращал на это внимания. Я был слишком поглощён своими мыслями, чтобы реагировать на внешние раздражители.

Майкл с Элайджей болтали о каких-то банальных вещах, стараясь развеять атмосферу. Они говорили о спорте, новых трендах, смешных ситуациях, и я начал немного расслабляться, слушая их разговор. Иногда такие пустые болтовни могли стать настоящим спасением, позволяя временно забыть о тяжёлых мыслях.

Прошло какое-то время. Время пролетело незаметно, и я взглянул на свои часы. Уже шесть вечера. Сегодня был насыщенный день, и мне казалось, что я был здесь целую вечность. Решил, что пора заканчивать. Слишком много всего произошло, и мне нужно было немного времени, чтобы поразмышлять. Я встал, посмотрев на Майкла и Элайджу.

— Ребята, думаю, на сегодня хватит, — сказал я, поднимаясь с места. — Пора двигаться.

Майкл с Элайджей переглянулись и кивнули, но они явно не были готовы покидать бар.

— Ну, если хочешь, можешь идти, — сказал Майкл с улыбкой. — Мы ещё немного останемся, а ты, как всегда, срываешься раньше всех.

Я покачал головой. Он был прав. Иногда мне нужно было немного времени наедине с собой. Попрощался с ними и направился к выходу.

Открыл дверь и почувствовал, как свежий воздух слегка прохладит лицо. Слегка ускорив шаг, я дошёл до своей машины, открыл дверь и сел за руль. Включив двигатель, выехал на дорогу и направился домой, но вскоре оказался в пробке. Машины двигались медленно, а впереди виднелся только хвост машин, затянутых в светящийся поток тормозных огней.

Небо начало темнеть, и вскоре дождь начал капать на лобовое стекло. Сначала это были редкие капли, которые легко отскакивали, но постепенно дождь становился всё сильнее. Мои стекла запотели, и я включил дворники. Это не было сильным ливнем, но дождь всё же мешал хорошо видеть, особенно в вечерних сумерках. Он слегка барабанил по крыше машины, но не настолько сильно, чтобы мешать мне ехать.

Время тянулось, и я лишь изредка взглядывал в зеркало, замечая, как капли дождя стекают по лобовому стеклу. Пробка за окном казалась бесконечной, и я уже начинал терять терпение, когда вдруг моё внимание привлекла фигура вблизи.

Я не сразу понял, что это было, но затем, повернув голову в сторону, увидел её. Девушка стояла возле кафе, под маленьким навесом, куда, видимо, зашла, чтобы укрыться от дождя. Но даже здесь, в этом укрытии, её внимание было не на защите от дождя, а на том, что происходило вокруг. Она была в джинсах и свободной рубашке, которые уже начали намокать, но она как будто этого не замечала.

Её глаза были подняты к небу, а дождь продолжал капать на её лицо, мокрые пряди волос прилипали к щекам, но ей это не мешало. С каждым шагом она словно наполнялась светом, её лицо было расслабленным и счастливыми, будто она была частью этого дождя. Она закрыла

глаза и, не обращая внимания на окружающих, начала кружиться, её движения были лёгкими, плавными, почти танцевальными. Словно дождь был её партнёром, а она — частью этого танца.

Дождь падал вокруг неё, но ей было всё равно. В её действиях не было ни страха, ни стеснения, она была просто в моменте, наслаждаясь тем, что есть, и этим ослепительным ощущением свободы. Она танцевала с дождём, её волосы и одежда намокли, но она была счастлива, как будто это всё было частью чего-то большего. И в этот момент она была настолько красивой, что я не мог оторвать от неё взгляд.

Я замер, наблюдая за этим, осознавая, как невероятно гармонично она вжилась в окружающую атмосферу. Её радость была так естественна, а её лёгкие движения такими беззаботными, что я почувствовал, как мир вокруг меня на мгновение остановился. Сама природа казалась будто тоже танцевала с ней, а дождь был её единственным зрителем.

Я продолжал смотреть на неё, не в силах оторвать взгляд. Каждый её жест был настолько естественным и красивым, что я почувствовал, как время теряет свою значимость. Она продолжала кружиться, как будто вся её душа была отдана этому моменту. Я мог видеть, как дождь капает ей на лицо, но она всё равно сияла, и её радость была почти осязаемой.

С каждым её движением что-то внутри меня сжималось. В какой-то момент, прищурив глаза, я подумал, что это лицо мне знакомо. Я продолжал следить за ней, а затем понял, кто она. Это была та самая медсестра, которая пришла из скорой помощи вчера, когда я получил рану. Она зашила мне рану, помогала мне, когда я был в полной растерянности. Я помнил её спокойствие, её уверенность в каждом движении.

Она снова закружилась, и в этот момент из кафе, которое стояло прямо напротив, её позвала другая девушка. Та была яркой и энергичной, махала ей рукой и смеялась. Девушка, заметив её, кивнула, а потом пошла к двери кафе. Вскоре она исчезла за ней, а дождь продолжал мягко капать на дорогу.

Я продолжил ехать, не в силах избавиться от воспоминаний о ней. Я помнил её спокойный, уверенный взгляд, её тихий голос, когда она говорила со мной.

Когда я подъехал к дому и выключил двигатель, я почувствовал лёгкую улыбку на своём лице. Что-то в её образе оставалось со мной, и, может быть, даже дождь, который я так не любил, теперь казался немного менее холодным и тоскливым.

Зайдя в квартиру, я снял куртку, оставил её на вешалке и присел на диван. Я закрывал глаза, но всё равно видел её — как она танцевала под дождём, не заботясь о том, что вокруг. В том моменте была какая-то сила, какая-то свобода, которая мне так не хватала.

Я снова подумал о том, что мне предстоит сделать, но на этот раз мысли не казались такими тяжелыми. Может быть, всё не так сложно. Может быть, иногда достаточно просто остановиться и позволить себе ощутить что-то простое и настоящее. Возможно, это был знак, может, даже шанс. Но я не знал точно, что будет дальше. Пока что я просто откинулся на спинку дивана и позволил себе немного отдыха.

ГЛАВА 3

Пламя надежды

Кайла

Я сидела с Эммой за небольшим столиком в кафе, а Адам, наслаждаясь мороженым, весело болтал с друзьями за соседним столиком.

— Так ты решила, будешь всё-таки проходить дополнительные курсы в этом семестре? спросила Эмма.

Я на мгновение замялась. Курсы... Я так хотела их пройти, уже записалась, всё спланировала. Но теперь это казалось невозможным. Мои сбережения исчезли — дядя забрал их без предупреждения, заявив, что они «лучше послужат его делам». Было неприятно даже думать об этом, но спорить с ним... Я прекрасно знала, что это бесполезно. Словно мои мечты для него — просто мелочь.

Я натянуто улыбнулась, стараясь скрыть свои мысли.

— Я передумала, — сказала я, опустив взгляд. — Решила, что немного передохну от учёбы. Может, вернусь к этому в следующем году, когда будет больше времени.

Эмма на мгновение задержала на мне взгляд, словно уловила что-то, но не стала расспрашивать, просто кивнула:

— Отдохнуть тоже важно. Ты и так уже много работаешь, а с твоими вечерними сменами... Рано или поздно нужно давать себе передышку.

Я кивнула, чувствуя горечь, которую хотелось спрятать.

— Слушай, а ты ведь всё равно найдёшь способ, — сказала Эмма, словно подслушав мои мысли. Она взглянула на меня с лёгкой улыбкой. — Ты всегда выкручиваешься. Уверена, что даже без этих курсов у тебя получится стать лучшей.

Я посмотрела на неё, удивлённая её уверенностью. Сколько себя помню, Эмма всегда верила в меня больше, чем я сама.

— Наверное, — ответила я, наконец-то улыбнувшись по-настоящему. — Знаешь, с твоей поддержкой, может, и правда всё получится.

Эмма рассмеялась и протянула мне чашку чая, словно скрепляя наше «соглашение».

— У нас обязательно получится, — подмигнула она. — Кстати, у мамы скоро день рождения. Может, устроим что-нибудь? Ты же знаешь, как она тебя любит.

Я кивнула, радуясь, что разговор перешёл на более лёгкую тему. Мы обсуждали, как украсим кафе и что приготовим для её мамы.

Мой взгляд случайно упал на стопку журналов и газет на стойке, и один выпуск привлёк внимание: на обложке был знакомый силуэт. Я потянулась и взяла газету, чтобы убедиться, что не ошиблась.

На фотографии был он — тот самый боксёр. Его ореховые глаза смотрели прямо в объектив, взгляд был тяжёлым и сосредоточенным. Рядом крупным шрифтом было напечатано имя, которое я прочитала с каким-то странным чувством:

Лука Кальвейра.

Лучший боец, лидер в своём весе — так утверждала подпись.

В голове всплыло его напряжённое лицо, силуэт, заполнивший собой дверной проём, когда он вошёл в комнату. Я словно снова почувствовала на себе его взгляд, увидела рану

— свежую, глубокую, нуждающуюся в зашивании. Вспоминала, как мои пальцы скользили по коже, проверяя, плотно ли легли швы.

Эмма заметила, что я задержала взгляд на газете, и прищурилась с лёгким любопытством.

— Что там такое интересное? — спросила она, пытаясь заглянуть в текст поверх моей руки.

— Да так... — я почувствовала, как лицо заливает лёгкая краска, не отрывая взгляда от фото. — Просто... я видела его недавно.

Эмма удивлённо подняла брови, её любопытство усилилось.

— Видела где? — с интересом спросила она, бросив взгляд на газету, откуда на нас смотрел Лука Кальвейра.

Я смутилась, но решила, что скрывать нечего.

— Ну... да, — начала я, чувствуя её пристальный взгляд, — это к нему меня вчера и отправили на скорой. Он был моим пациентом, раненым и не очень сговорчивым. Я зашивала ему рану.

— Подожди-подожди, — Эмма от удивления даже открыла рот. — Ты хочешь сказать, что ты просто взяла и зашила ему рану? Тому самому бойцу, которого сейчас показывают во всех новостях?

Я кивнула, чуть улыбнувшись её реакции.

— Представь себе. Он был довольно серьёзным, почти не разговаривал, но настаивал, что бой должен состояться, несмотря ни на что. Честно говоря, я до сих пор не уверена, зачем ему такая жертва, но... каждый выбирает своё, наверное.

— Ты знаешь, сейчас все только и говорят, что он отказался от главного боя, — добавила Эмма, приподняв брови. — Все считают, что он просто струсил. Видела, как в соцсетях разгорелось?

Я пробежала взглядом по заголовку, чувствуя лёгкое недоумение. На чёрно-белом снимке он стоял в спортивной форме, напряжённый и сосредоточенный, с выражением, совсем не похожим на то, что я видела вчера, когда зашивала его рану.

Прямо рядом с фотографией был напечатан жирный текст: *«Слухи о том, что известный боец отказался от участия в турнире, вызвали волну осуждения. Возможно, причиной стал страх перед более сильным соперником, или, как поговаривают, личные проблемы...»*

Я нахмурилась. Струсил? После того, как видела его решительность и этот взгляд, мне было сложно поверить в такие обвинения. В голове вертелись моменты нашего разговора, как он сказал, что предпочёл бы умереть на ринге, чем отказаться от боя. Ему даже в голову не пришло отступить, несмотря на серьёзное ранение.

— Это ложь, — пробормотала я, глядя на фотографию. — Когда я его видела, он был полон решимости. Как будто ничто не могло заставить его отступить.

Эмма покачала головой.

— Ну, похоже, у него есть свои причины. Может, это и правда личное... или просто что-то изменилось за ночь.

— Я говорила его тренеру, что ему нельзя выходить на бой, — продолжила я, кладя газету обратно на стол. — Рана была серьёзная, и если бы он продолжил, он рисковал инфекцией и воспалением.

Эмма кивнула, понимая, о чём я говорю. Мы уже обсуждали то вчера, когда я рассказала ей, как зашивала рану.

— Но тренер сказал, что матч всё равно был отменён, — добавила я, поднимая взгляд и встречаясь с её глазами. — Он понял, что это слишком опасно.

Эмма вздохнула и провела рукой по лбу, словно пытаясь осмыслить всё.

— Но если он действительно отказался от боя из-за раны, — продолжила она, — откуда такие слухи?

Я задумалась. Слишком странно.

— Да, я тоже не понимаю, — ответила я, опуская взгляд. — Кто мог придумать такие слухи? Может, кто-то захотел его опорочить. В любом случае, его тренер сказал, что бой отменён, и он был нацелен на восстановление. Но эти разговоры... Я не знаю, откуда они взялись.

— Скорее всего, это кто-то решил воспользоваться его травмой, чтобы запустить слухи. Так часто бывает, — добавила Эмма, пытаясь разрядить обстановку. — В мире бокса такое не редкость.

Я вернулась к своему чаю, но мысли всё ещё вертелись вокруг. Когда я попыталась отвлечься, проверив телефон, экран засветился ярким сигналом входящего звонка. Имя на экране заставило меня вздрогнуть — это был мой дядя. Я глубоко вздохнула, понимая, что разговор не предвещает ничего хорошего.

Извиняясь перед Эммой, вышла на улицу.

— Алло?

— Где ты? — его голос был резким, без лишних приветствий. — Ты ведь говорила что будешь дома к пяти. Почему тебя нет?

Я почувствовала, как напряжение моментально охватывает меня.

— Я в кафе с Эммой. Мы немного задержались. Извини.

— В кафе? — его голос стал ещё более строгим. — Я не понимаю, почему ты не можешь просто быть дома вовремя. У нас важный разговор. Приходи домой и побыстрее.

Я стиснула зубы, чувствуя, как внутреннее раздражение растёт. Но я знала, что спорить с ним бесполезно.

— Хорошо, я скоро вернусь, — коротко ответила я и, не дождавшись ответа, положила трубку.

В тот момент я почувствовала, как небо темнеет, и буквально через несколько секунд дождь хлынул сверху. Он начался неожиданно и резко. Капли сразу начали покрывать мою одежду и волосы. Обычно мне бы хотелось спрятаться, но сегодня всё было по-другому. Дождь всегда приносил мне ощущение какой-то свободы, как будто смывал всё ненужное и давал пространство для мыслей.

Я застыла на месте, игнорируя прохожих, которые спешили укрыться под навесами. Мои мысли вернулись к звонку дяди и его строгому голосу, что отдавался эхом в голове. Я пыталась понять, что за важный разговор так внезапно он назначил, почему я должна вернуться именно сейчас и почему это было для него настолько важно. Давление с его стороны всегда висело надо мной тенью, но сегодня, под дождём, оно вдруг стало почти неощутимым.

Не успев осознать, что делаю, я подняла голову к небу, позволяя каплям свободно стекать по лицу. Холодные потоки воды будто стирали весь накопившийся груз. Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох и, слегка подняв руки, позволила себе повернуться вокруг своей оси, медленно, плавно, как будто сама становилась частью этого дождя. Моё лицо озарила едва заметная улыбка, которая давно не появлялась на губах.

В голове пронеслась мысль: *а что, если на мгновение перестать беспокоиться обо всех их требованиях, ожиданиях, страхах? Если позволить себе не думать о долге, о планах дяди, о его бесконечных замечаниях?* Пусть это будет всего лишь момент — всего одна маленькая минута свободы, в которой я могу принадлежать только себе.

Я кружилась под дождём, чувствуя, как с каждой каплей мои тревоги немного отпускают. Дождь словно становился моим маленьким тайным союзником, напоминая, что всё в жизни может быть иначе — легче, проще. Холодные потоки скатывались по волосам и шее, заставляя слегка ежиться, но мне было все равно. В этот момент я чувствовала, как всё вокруг теряет значение. Это был мой маленький побег от всей суеты, единственный способ выдохнуть, забыв обо всех заботах.

Но, конечно, всё хорошее имеет свой предел.

Я услышала, как кто-то окликнул меня. Эмма. Она стояла у дверей кафе и беспокойно махала мне рукой, явно переживая.

— Кайла! Ты с ума сошла? Ты же простудишься! Заходи, пока не замёрзла!

Я замерла, и, как только её слова достигли моего сознания, почувствовала, как холод проникает глубже, чем раньше. Вернулась реальность — и с ней пришло осознание, что я не могу позволить себе так расслабляться. В моей жизни были дела важнее того, чтобы позволить себе просто уйти в дождь.

Я покачала головой и слабо улыбнулась, но уже направлялась к двери. Когда я вошла в кафе, ощущение тепла сразу же окутало меня, словно заботливое объятие. Эмма тут же закрыла за мной дверь и, улыбнувшись, протянула мне чашку горячего чая.

— Ты как, в порядке? — спросила она, её взгляд всё ещё настороженный.

Я кивнула. Она посмотрела на меня с лёгким упрёком, пока я отряхивала капли с волос, улыбнувшись слегка виновато.

— Ну и что это было? Ты вся мокрая теперь, заболеешь, — сказала она, оглядывая меня с головы до ног. — Что тебя так увлекло под дождём?

Я задумалась, что ей ответить. В голове не было конкретного объяснения. Просто... захотелось. Хотелось подставить лицо под дождь, почувствовать свежесть воды на коже и на миг раствориться в этом моменте.

— Не знаю, — пожала я плечами, не зная, как лучше выразить свои мысли. — Просто захотелось.

Эмма нахмурилась, но потом рассмеялась.

— Захотелось, значит? Ну, ладно. Но я тебя так просто не оставлю. — Она быстро оглядела меня с головы до ног. — Подожди минуту. У меня в шкафчике должна быть сменная одежда. Ты же не собираешься сидеть здесь вся мокрая?

— Эм, не стоит, — начала я, пытаясь возразить, но она уже поднималась со своего места.

— Стоит, ещё как стоит, — отрезала Эмма, махнув рукой. — Подожди здесь.

Я вздохнула, понимая, что спорить бесполезно. Эмма всегда умела заботиться обо мне так, будто мы были сёстрами. Она вернулась через пару минут, держа в руках чистую футболку. Она выглядела немного мятой, и я сразу поняла, что это из их семейного запаса — родители Эммы всегда держали в кафе запас одежды на случай непредвиденных ситуаций.

— Нашла только это, — сказала она, протягивая мне футболку. — Извини, штаны не нашла, но хоть что-то сухое. Иди переоденься.

— Спасибо, — тихо ответила я, забирая футболку.

Я направилась в туалет, чувствуя, как мокрая ткань холодила кожу. Зайдя внутрь, я быстро сняла мокрую кофту и надела футболку. Она была чуть великовата, но мягкая и тёплая, что сразу принесло облегчение. Собрав мокрые волосы в небрежный пучок, я вернулась в зал.

Эмма встретила меня взглядом, в котором смешались забота и легкое беспокойство.

— Ну, уже лучше. Теперь не совсем сухая, но точно меньше шансов заболеть, — она чуть улыбнулась, но затем тут же нахмурилась. — Кстати, кто тебе звонил?

Я вздохнула, чувствуя, как неприятный ком снова подступает к горлу.

— Это был Генри. Сказал, что я должна вернуться домой.

— Всё в порядке?

— Да, всё нормально, — ответила я, стараясь говорить как можно спокойнее. Но даже я сама услышала, насколько неуверенно прозвучали мои слова.

Эмма, конечно, не оставила это без внимания.

— Ты уверена? Ты выглядишь... ну, немного напряжённой.

Я отвела взгляд, чувствуя, как тяжесть слов дяди вновь нависает надо мной.

— Да, просто... у него всегда строгий тон. Привычное дело. Ничего серьёзного, — добавила я, пожав плечами, надеясь, что это отвлечёт её от дальнейших расспросов.

— Ладно, но если что-то понадобится, обещай, что скажешь мне, — наконец сказала она, её голос стал мягче, но всё ещё звучал серьёзно.

— Хорошо, Эм, — ответила я, стараясь улыбнуться.

Но внутри я знала, что совсем не уверена, как справлюсь с тем, что ждёт меня дома.

Дождь за окном начал понемногу стихать, оставляя после себя свежий аромат мокрого асфальта и земли. Капли, падавшие с козырьков зданий, теперь были редкими и ленивыми, словно природа устала плакать. Я смотрела на улицу, прикидывая, как скоро можно будет выйти, чтобы не рисковать снова промокнуть.

— Эмма, спасибо за всё, — сказала я, оборачиваясь к подруге.

— Перестань, это мелочи, — отмахнулась она, улыбнувшись. — Главное, не забудь насчёт обещания. Если что-то будет не так, я первая должна узнать, ясно?

Я кивнула, улыбнувшись в ответ, а затем повернулась и махнула рукой Адаму, который всё ещё весело болтал со своими друзьями. Он заметил меня почти сразу и махнул в ответ, но я жестом показала, что пора идти.

— Адам! — позвала я громче, когда он не спешил подойти.

Мой брат наконец попрощался с друзьями, обняв одного из них на прощание, и направился к двери, с лёгкой неохотой покидая их компанию.

— Уже домой? — спросил он,

— Да, дядя Генри звонил, сказал, что нам пора, — ответила я, беря его за руку.

— А-а, дядя, — протянул он с лёгким раздражением, но не стал спорить.

Мы попрощались с Эммой и вышли наружу.

Дождь теперь был почти еле заметной моросью. Мелкие капли цеплялись за кожу и волосы, оставляя приятную свежесть после бушующего ливня. Мы шли по мокрому тротуару, стараясь не наступать в лужи. Тишина между нами нарушалась только звуком наших шагов и редкими каплями, падающими с крыш.

Адам, шедший чуть впереди, вдруг обернулся и посмотрел на меня с искренним любопытством, будто разгадывал тайну.

— Ты чего такая грустная? — спросил он, наклонив голову.

— Не грустная я, — ответила я спокойно.

— Грустная, — настаивал он, закинув руки за спину. — Это всё дядя? Он опять злой?

Я пожала плечами, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

— Просто думаю.

Адам замедлил шаг и подошёл ближе, прищурившись, будто хотел всё увидеть насквозь.

— О чём думаешь?

— О всяком, — уклончиво ответила я, опустив взгляд.

— А-а, значит, не хочешь рассказывать, — протянул он, сложив руки на груди, словно взрослый. — А я всё равно угадаю!

Я хмыкнула, улыбнувшись его уверенности.

— Давай, угадай.

— Хм... — он на мгновение задумался, глядя на небо. — Ты думаешь, как бы взять и улететь в космос! Или... о чём-то скучном, типа работы.

— Может, ты и прав, — ответила я, не подтверждая и не отрицая.

Адам закинул голову вверх, чтобы поймать пару последних капель дождя языком, а потом снова посмотрел на меня.

— Ты всегда такая тихая, — заметил он, уже более серьёзно для своего возраста. — Но ты мне всё равно расскажешь, да? Ну, когда-нибудь.

Я кивнула, улыбаясь чуть шире.

— Обязательно. Когда-нибудь.

Мы вошли в квартиру, и тишина окутала нас, как тяжёлое одеяло. Обычно Генри создавал шум: громко разговаривал по телефону, включал новости или же просто ворчал, проходя мимо. Но сейчас всё было иначе. Даже воздух казался напряжённым, словно стены впитали в себя злость и готовы были обрушить её на нас.

— Долго же вы шляетесь, — раздался резкий голос Генри из гостиной.

Я посмотрела на Адама, который прижался ко мне ближе. Его глаза были настороженными.

— Иди в комнату, малыш, — сказала я мягко, стараясь скрыть собственное беспокойство. — Переоденься и отдохни.

Адам кивнул, но перед тем как уйти, оглянулся, словно хотел убедиться, что со мной всё будет в порядке. Я кивнула ему, улыбнувшись, чтобы его успокоить. Когда он скрылся в своей комнате, я направилась в гостиную. Генри сидел в кресле, крепко сжав лист бумаги в руке. Он смотрел на него так, будто тот был причиной всех его несчастий.

Я остановилась на пороге, наблюдая за ним, но Генри уже почувствовал моё присутствие. Он медленно повернулся ко мне, и я увидела в его глазах что-то зловещее.

— Ты что-то слишком расслабилась, Кайла, — произнёс он тихо. Этот тон заставил меня насторожиться. Генри никогда не говорил тихо, особенно когда был зол.

— О чём ты? — я попыталась сохранить спокойствие, хотя сердце уже начало учащённо биться.

Он поднялся, подошёл к столу и бросил лист бумаги передо мной. Я не сразу поняла, что это, но когда посмотрела, то почувствовала, как земля уходит из-под ног. Это было уведомление о задолженности за квартиру.

— Два месяца, — начал он, его голос был низким, почти угрожающим. — Ты уже два месяца не платишь за квартиру. Ты вообще понимаешь, что это значит?

— Подожди... — я подняла голову, чувствуя, как внутри вскипает гнев. — Мы договаривались. Два месяца плачу я, два — ты. Это было твоё предложение, а теперь ты хочешь всё свалить на меня?

— Моё предложение? — Генри сделал шаг вперёд, глаза сузились, а голос зазвенел от злобы. — Ты серьёзно? Ты думала, я буду оплачивать за вас бесконечно? Да ты вообще понимаешь, что говоришь? Ты вечно ищешь оправдания!

— Но ты сам сказал... — я начала, но он резко оборвал меня, ударив ладонью по столу так, что я вздрогнула.

— Я сказал? Думаешь, это я должен за всё отвечать?! Я смотрел за вами, кормил, дал крышу над головой! Если бы не я, ты и твой брат давно бы оказались на улице. Это моя благодарность за всё, что я для вас сделал?! А теперь ты мне говоришь о договорённостях?! Ты ничего не делаешь для этого дома! Ничего!

Я почувствовала, как кровь стучит в висках, но не смогла сдержаться.

— Это неправда, — твёрдо произнесла я, глядя ему прямо в глаза, чувствуя, как внутри всё кипит. — Ты говоришь, что сделал для нас всё, но на самом деле ты нас даже не хотел.

Его лицо исказилось гневом, но я не остановилась. Слишком долго я молчала.

— С самого начала всё на мне! Когда мы были детьми, ты даже не смотрел в нашу сторону. Все эти годы я готовлю, я убираю, я забочусь об Адаме. А ты? Ты только и делаешь, что тратишь деньги на себя. На свои выпивки и вечеринки! Каждый вечер одно и то же!

— Ты что-то путаешь, девочка, — прорычал он, делая шаг ко мне. — Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь?

— Прекрасно понимаю, — не выдержала я, почти крича. — Ты — человек, который говорит о долге, но сам ничего не делает. Ты никогда не заботился о нас. Никогда! Всё, что ты делал, это считал нас обузой. А теперь ты ещё и обвиняешь меня в том, что нас могут выселить? Это ты обязан был оплатить свою часть!

Я уже почти кричала, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза, но не позволяя им пролиться. Внутри всё кипело. Я не могла больше это терпеть.

Генри шагнул ко мне, его лицо покраснело от гнева.

— Ты в своём уме, девчонка? — закричал он, его голос гремел, как гром. — Если бы не я, вы оба давно бы подыхали где-нибудь на улице! И ты, неблагодарная дрянь, осмелилась обвинять меня?!

Он замахнулся, и я только успела зажмуриться, когда его ладонь обрушилась на мою щеку. Голова резко дёрнулась вбок, мир на мгновение поплыл перед глазами. От боли защипало кожу, но я стояла. Не упала. Не дала ему этого удовольствия.

— Ты думаешь, что можешь на меня кричать? — Генри не унимался, его крик раздавался эхом в комнате. — Думаешь, я позволю тебе вытирать об меня ноги? Ты никто, Кайла! Ничто без меня!

Он шагнул ещё ближе, и его лицо оказалось совсем рядом с моим. Я чувствовала запах алкоголя, который не успел выветриться, и мне стало противно.

Щека горела, но это было ничто по сравнению с тем, как внутри всё сжималось от гнева и бессилия.

— Если ты будешь не против, я возьму Адама и уйду, — сказала я тихо, но с вызовом в голосе. Слова словно вырвались из глубины души. — Мы не будем мешаться тебе под ногами. Мне уже девятнадцать, я могу сама принимать решения.

Генри замер на долю секунды, потом его лицо исказилось в ярости.

— Что ты сказала? — процедил он сквозь зубы, делая шаг вперёд. — Ты думаешь, что так просто сможешь избавиться от меня?

Прежде чем я успела что-то ответить, его рука резко схватила меня за локоть. Я почувствовала, как его пальцы впиваются в кожу, словно тиски. Боль была резкой, я невольно дёрнулась, но его хватка только усилилась.

— Ты глупая девчонка, если так думаешь, — проговорил он, его голос стал тихим, угрожающим. — У тебя есть долг передо мной. И ты будешь его выплачивать.

— У меня нет никакого долга перед тобой, — прошипела я, пытаясь вырваться. Боль усиливалась, но я не собиралась показывать слабость.

— Я вас обеспечивал, воспитывал. Ты думаешь, что это всё бесплатно? — Он рывком притянул меня ближе. Его глаза горели злобой. — Ты будешь работать, сколько я скажу, и платить, сколько я потребую. Ты поняла меня?

— Ты не можешь так поступать! — выкрикнула я, голос сорвался от эмоций.

— Могу! И буду! — Генри уже почти кричал, его голос был пропитан ненавистью. — А если ты даже подумаешь взять Адама и уйти, то не забывай, я его опекун до совершеннолетия. Если ты попробуешь увезти его, я вызову полицию и сделаю так, что тебе больше никогда его не увидеть. Ты слышишь меня?

Его слова будто резанули по живому. Гнев смешался с отчаянием, и я почувствовала, как в груди поднимается ярость.

Как я позволила этому зайти так далеко? Он никогда нас не любил. Никогда. Для него мы всегда были обузой, но теперь он хочет нас удержать, как вещь. Он говорит про долг? Он ничего нам не дал, кроме боли и страха. И я должна это прекратить. Ради Адама. Ради себя.

— Ты не можешь нас так держать, Генри, — сказала я тихо, но твёрдо. — Ты думаешь, что можешь пугать меня, манипулировать. Но я найду выход.

Он засмеялся — глухо, насмешливо.

— Найдёшь выход? — повторил он. — Не смеши меня девочка.

С этими словами он резко отпустил меня, так что я едва не упала, пошатнувшись. Локоть пульсировал болью, и я машинально прижала его к себе, чтобы как-то унять жжение.

— Исчезни с глаз, — бросил он, размахнувшись рукой. — И подумай, как ты будешь платить за аренду.

Чудовище.

Я резко отступила на шаг, потирая побелевший от его пальцев локоть. Боль отступала, но в душе было так тяжело, что хотелось просто провалиться сквозь землю.

— Ты пожалеешь об этом, — прошептала я, голос сорвался.

— Пожалею? — Генри рассмеялся, но этот смех был злобным, хриплым. — Это ты пожалеешь, если не найдёшь деньги.

Я ничего не ответила. Просто развернулась и ушла, чувствуя, как в голове звенит от боли и унижения. Я больше не могла здесь находиться.

Когда я вышла в коридор, меня встретил встревоженный взгляд Адама. Он стоял у комнаты, обхватив себя руками.

— Ты в порядке? — спросил он тихо, его голос дрожал.

Я подошла к нему, опустилась на колени и обняла, крепко прижимая к себе.

— Всё будет хорошо, малыш, — прошептала я, стараясь говорить твёрдо. — Я обещаю.

Но в голове звучал только один вопрос: *Как?*

За окном уже стояла глубокая ночь. Темнота будто сгущалась вокруг дома, и только еле слышный шум ветра нарушал тишину. Адам давно спал, свернувшись клубочком на старом матрасе, который мы разделяли на двоих. Он мирно дышал, спрятав лицо в подушку.

Я сидела на маленьком, потрёпанном диванчике в углу комнаты, завернувшись в тонкое одеяло. Этот диван давно стал моим местом, где я могла хоть ненадолго почувствовать себя в одиночестве. Но сегодня одиночество давило сильнее обычного.

Сон никак не приходил. Я смотрела на экран телефона, который тусклым светом освещал мои руки, и чувствовала, как внутри всё пылает от тревоги. Генри, его слова, его хватка на моём локте... Воспоминания прокручивались в голове снова и снова, как сломанная запись, от которой нельзя избавиться.

Мне нужно найти деньги. Срочно. Если я не найду их за два дня, он не оставит нас в покое. Но где? Где их взять?

Эта мысль раз за разом всплывала в моей голове, как проклятая мантра. Я пыталась её заглушить, но чем больше думала, тем сильнее она укоренялась. Генри не успокоится. Ему не нужны причины, чтобы нас унижать, но эти чертовы деньги стали для него новым поводом, новой цепью, на которой он нас держит.

Я крепче сжала телефон в руке, чувствуя, как в груди разгорается злость. На него. На обстоятельства. На себя.

Как только я ему дам эти чертовы деньги... Я мысленно сделала паузу, словно боялась додумать мысль до конца. Но нет. Теперь это было ясно, как никогда.

Я найду их. Я отдам их ему, чтобы он отстал, чтобы у него не осталось ни одного аргумента, ни одной причины держать нас здесь. И тогда мы уйдём. Я возьму Адама, и мы исчезнем из его жизни раз и навсегда.

Горло сжалось, когда я подумала о своем брате. Он слишком мал, чтобы понимать всю глубину этой ситуации, но я видела, как это всё сказывается на нём. Его робкие вопросы, испуганные взгляды, когда Генри кричал. Я больше не могла этого терпеть.

Мы уйдём. Я найду выход. Любым способом. Даже если для этого придётся работать до изнеможения или пойти на что-то, что я никогда раньше не делала. Всё что угодно, только бы вытащить нас отсюда.

Я уже пыталась решить это вечером.

Моя подработка в больнице приносила жалкие копейки — едва хватало на самые базовые нужды. Об оплате долга и речи не шло. Я позвонила и спросила у администратора, можно ли получить зарплату заранее, объяснила, что это срочно.

— *Прости, Кайла,*— её голос звучал мягко, но от этого отказ был ещё больнее. — *Мы не можем выдавать деньги заранее. Это вне нашей системы.*

Я ожидала отказ. Даже знала, что его получу. Но услышать это всё равно было неприятно. Теперь, сидя на диване в ночной тишине, я прокручивала этот разговор в голове, ненавидя свою беспомощность.

Теперь я сидела на этом диванчике, отчаянно листая приложение с вакансиями, пытаясь найти хоть что-то, что могло бы меня спасти. У меня нет времени раздумывать, искать подходящие смены или ждать чуда. Я возьму любую работу, которая даст мне шанс оплатить эту чёртову квартиру.

Скроллинг длился бесконечно. Вакансии мелькали перед глазами: *уборщица, няня, оператор на телефоне...*Всё либо с крошечной зарплатой, либо требовало времени, которого у меня не было.

Вдруг один из заголовков привлёк моё внимание.

“Требуется официант (-ка) в наш новый бар 'Elegant'. Зарплата приличная, вечерние смены.”

Я замерла, перечитывая текст снова и снова. В описании значилось, что бар только открылся, поэтому они срочно набирают персонал. Зарплата действительно была хорошей. Не такой, чтобы решить все мои проблемы разом, но она могла стать началом.

Вечерние смены... Это неудобно, конечно. Но выбора у меня нет.

Я посмотрела на номер, указанный в объявлении, и быстро сохранила его в контакты. Завтра я обязательно позвоню.

Телефон потух в моей руке, оставляя комнату в полумраке. Я откинулась на спинку дивана, глядя в потолок. Внутри меня разрывалось всё: гнев, отчаяние, усталость.

Я больше не могу так жить. Это нужно менять. Ради Адама. Ради себя.

С этой мыслью я закрыла глаза, надеясь, что завтрашний день принесёт хотя бы маленький шанс на спасение.

На следующий день, когда занятия закончились, я сразу же направилась в сторону нового бара. Мелкий дождь моросил с утра, но к этому времени уже прекратился, оставив воздух прохладным и свежим. Я шла быстрым шагом, чувствуя, как внутри меня смешиваются волнение и усталость. Всё утро я пыталась сосредоточиться на учёбе, но мысли вновь и вновь возвращались к предстоящей работе.

Сегодня утром я позвонила в "Elegant". Администратор оказался приветливым мужчиной, который с радостью предложил мне сразу выйти на смену.*«Документы подпишем на месте. Выходите вечером, люди будут, чаевые приличные — не пожалеете,»* — его слова всё время крутились у меня в голове. Это был шанс, который нельзя упускать. Да, смены вечерние, и это не совсем удобно, но у меня просто нет выбора. Я должна была найти способ заработать деньги.

Чаевые, клиентура, возможность подработать несколько раз в неделю — звучит неплохо. Внутри было тяжело от осознания, что Генри даже не спросит, как я нашла деньги, ему важно только получить их вовремя. И я должна обеспечить это, иначе всё будет только хуже.

Через пару кварталов я увидела вывеску "Elegant". Она была изящной, выполненной золотыми буквами, которые красиво сверкали на фоне стеклянной стены. Бар выглядел современным и дорогим.

Ничего страшного. Это просто работа. Просто ещё один шаг к тому, чтобы выбраться из этой ямы.

Я остановилась перед дверью на мгновение, поправила волосы и вздохнула глубоко, стараясь избавиться от дрожи в руках. Дверь открылась автоматически, и я вошла внутрь.

Внутри бар выглядел ещё более впечатляющим. Высокие потолки, мягкий свет, сверкающие полки с бутылками за стойкой. Музыка играла негромко, создавая приятную атмосферу. Едва я сделала несколько шагов, ко мне подошёл высокий мужчина в строгом костюме, очевидно, администратор.

— Добрый вечер, — начал он, оглядев меня с головы до ног. — Ты Кайла?

— Да, это я, — я улыбнулась, стараясь казаться увереннее, чем чувствовала себя на самом деле.

— Отлично. Я Джонатан, администратор. Рад, что ты решила попробовать у нас поработать. Давай так: сейчас я тебе всё покажу, объясню твои обязанности, а потом ты сможешь приступить. Документы подпишем позже, как будет свободная минутка. Устраивает?

— Конечно.

Он сделал жест рукой, приглашая следовать за ним. Я пошла следом, стараясь не отставать.

— У нас много посетителей вечером, особенно в выходные. Твоей задачей будет принимать заказы, следить, чтобы всё было в порядке за столиками, и передавать их барменам. Не бойся, если что-то будет непонятно, я или кто-то из коллег всегда поможем, — говорил он, пока мы проходили мимо столиков.

Я кивала, запоминая каждое его слово. Бар постепенно наполнялся людьми, и я уже представляла, насколько тут станет шумно ближе к ночи. Это пугало, но и придавало какую-то решимость.

— Здесь у нас кухня, — Джонатан указал на двери, скрытые за углом. — Но меню у нас небольшое, так что большую часть времени ты будешь заниматься только напитками. Чаевые хорошие, особенно если будешь приветлива с клиентами. Понятно?

— Да, — ответила я.

Он провёл меня к небольшому уголку с формой для персонала.

— Вот тебе рубашка и фартук. Можешь переодеться вон там, — он показал на дверь, ведущую в подсобку. — А потом вернёшься сюда, я тебя представлю ребятам и заодно дам первый столик.

Я кивнула, взяла форму и направилась в подсобку.

Внутри было тесно, я быстро переоделась, мельком взглянув на себя в зеркало. Рубашка сидела неплохо, а фартук придавал профессиональный вид.

Выглядишь вполне нормально, справишься, — напомнила я себе, стянув волосы в тугой хвост.

Когда я вернулась, Джонатан уже стоял за стойкой с двумя девушками, которые явно работали здесь давно.

— Это Кайла, — представил он меня. — Сегодня она попробует себя на смене.

— Привет, — улыбнулась одна из девушек, высокая блондинка с ярким макияжем. — Я Лизи. Если что-то будет нужно, просто спроси.

— А я Тори, — добавила вторая, ниже ростом, но с таким же дружелюбным видом. — Не волнуйся, мы все были новенькими.

Я слабо улыбнулась, чувствуя себя немного спокойнее. Они выглядели дружелюбно, и это уже было неплохо.

— Отлично, — сказал Джонатан. — Ну что, готова? Твой первый столик у окна. Клиенты уже ждут.

— Готова, — ответила я, хотя сердце колотилось как бешеное.

Я взяла блокнот и ручку, глубоко вздохнула и направилась к первому столу.

Ты справишься. У тебя нет выбора.

Столик у окна оказался занят компанией из трёх человек — мужчины и двух женщин, одетых в элегантных костюмах. Они выглядели так, будто привыкли к высокому уровню обслуживания. Как только я приблизилась, их взгляды сразу устремились на меня, оценивающе и немного нетерпеливо.

Перед началом я быстро взглянула в маленький журнальчик, который мне дали на стойке. Лизи объяснила, что новеньким его дают, чтобы не теряться в меню и быстрее ориентироваться. Там был список всех напитков и блюд, которые предлагает бар, с короткими описаниями.

Главное — не растеряться и запомнить хотя бы основы, — подумала я, держа блокнот в одной руке, а журнальчик — в другой.

— Добрый вечер, — начала я с улыбкой, стараясь не показывать волнения. — Меня зовут Кайла, и я буду вас обслуживать. Могу ли я предложить вам что-нибудь из напитков?

Мужчина, сидевший в центре, поднял взгляд от меню и сказал сухо:

— Давайте начнём с бутылки вашего лучшего красного вина. И принесите воду без газа.

Я быстро пролистала журнальчик, чтобы найти подходящие вина, и спросила:

— Конечно, предпочитаете что-то французское или, возможно, итальянское?

Он немного смягчился и кивнул.

— Французское. Только что-то действительно приличное.

Одна из женщин добавила, почти не глядя на меня:

— А ещё тарелку закусок. Но без сыра, пожалуйста.

Записывая их заказ, я быстро проверила, есть ли в закусках отдельные варианты без сыра. К счастью, всё было описано в журнальчике, и я сразу поняла, что предложить.

— У нас есть отличная тарелка с фруктами и мясными деликатесами, — предложила я.

Женщина бросила на меня быстрый взгляд и кивнула.

— Подойдёт.

Я поблагодарила их и, быстро сверившись с записанным, направилась к стойке. Там Лизи заметила меня и, улыбнувшись, спросила:

— Как заказ?

— Пока справляюсь, — ответила я, передавая записку бармену и сверяясь ещё раз с журнальчиком.

— Хорошо, что ты его взяла, — кивнула она на брошюру. — Первые дни он точно выручит.

Когда бармен приготовил всё, я аккуратно поставила бокалы, бутылку вина и воду на поднос.

Главное — не разлить, мысленно повторила я, пока шла к столу.

Подойдя, я расставила бокалы перед каждым, налила вино, как объяснял Джонатан, и поставила бутылку на стол.

— Ваш заказ будет готов через несколько минут. Если что-то понадобится, просто позовите меня.

Они кивнули, явно довольные, и я поспешила вернуться к бару.

Бар начинал наполняться посетителями, и с каждым часом становилось всё сложнее. Я снова и снова сверялась с журнальчиком, стараясь запомнить названия коктейлей, блюд и соусов. Поток заказов закрутил меня в водовороте, и времени даже перевести дух не было.

Где-то посреди вечера я взглянула на часы. Было уже за десять, а казалось, что прошло не меньше суток.

— Как ты? — спросила Лизи, пролетая мимо с подносом коктейлей.

— Держусь, — ответила я, едва успевая записывать новый заказ.

— Молодец! Завтра будет легче, обещаю, — подбодрила она, прежде чем раствориться в толпе.

К полуночи я уже еле стояла на ногах, но почувствовала, что начинаю запоминать основные вещи. Брошюра теперь лежала в кармане моего фартука, как страховка, но пользовалась я ей всё реже.

Когда бар начал пустеть, я с трудом села на высокий стул у стойки, чувствуя, как ноги гудят.

— Для первого дня ты справилась отлично, — сказал Джонатан, подходя ко мне.

— Спасибо, — выдохнула я, радуясь, что он заметил мои старания.

— Завтра придёшь в то же время. А пока отдохни, ты это заслужила.

Я кивнула, отправившись переодеваться. На улице была ночь, тихая и свежая. Вдохнув прохладный воздух, я подумала: *Первый день позади. Теперь главное — не сдаваться.*

Я шла по улице, усталость сковывала каждое движение, но чувство удовлетворения от проделанной работы всё же согревало. Голова была занята мыслями о том, как всё прошло, и я даже не заметила, как стало темнеть.

Вдруг мой телефон завибрировал в кармане. Я достала его и увидела имя Эммы на экране. Лёгкая улыбка появилась на моём лице, и я сразу ответила.

— Алло?

— Кайла, ну как ты? Где сейчас? Как прошёл первый день? — её заботливый тон сразу развеял остатки напряжения.

Я вздохнула, немного переводя дыхание.

— Ну... — начала я, оглядываясь по сторонам. — Это было намного сложнее, чем я думала. Но справилась. Сначала путалась в заказах, но потом вроде разобралась.

— Молодец! — сказала Эмма искренне. —Я же говорила, что ты справишься! Это только первый день. Потом всё пойдёт проще, привыкнешь.

— Надеюсь, — ответила я, чувствуя благодарность за её поддержку. — А как Адам? Он хорошо себя вёл?

— Конечно, — с лёгким смехом ответила Эмма. — Я ещё Люка к нам позвала, чтобы ему не было скучно. Они поиграли, но Люк недавно ушёл. Адам теперь сидит и смотрит фильм. Всё спокойно.

— Спасибо тебе огромное, Эмма. Правда, — я улыбнулась, почувствовав облегчение.

Утром, сидя на занятиях, я попросила её забрать Адама из школы, если это не составит труда. У меня просто не было другого выбора из-за работы. Эмма, как всегда, ответила без раздумий, что это не проблема. Её готовность помочь всегда немного согревала меня.

— Да брось, Кайла, — отмахнулась она. — Ты же знаешь, мне это несложно. Тем более Адам такой милый, с ним легко. Ты лучше скажи, ты к нам идёшь уже?

— Да, почти на месте, — ответила я, оглядываясь на знакомые улицы. — Скоро буду.

— Хорошо. Только не задерживайся, ты, наверное, устала.

— Очень, — призналась я с тихим смешком. — До встречи.

Я отключила звонок, убрала телефон в карман и ускорила шаг. Несмотря на усталость, на душе стало чуть легче. Эмма всегда была рядом, всегда готова помочь. Без неё я бы точно не справилась.

Я подошла к знакомому дому, небольшому, но такому уютному, с идеально подстриженными кустами у входа и тёплым светом, струящимся из окон. Это место всегда вызывало у меня чувство спокойствия. Я помнила, как много раз приходила сюда после учебы — мы с Эммой сидели за кухонным столом, делая уроки или работая над сложными лабораторными, пока её мама угощала нас печеньем и какао.

Я поднялась по ступенькам и нажала на звонок. Через мгновение послышались лёгкие шаги, и дверь открылась. Передо мной стояла Эмма с привычной улыбкой, которая, казалось, могла согреть даже самый холодный день.

— Наконец-то дошла! — сказала она, распахивая дверь шире. — Заходи скорее, уже прохладно.

Я шагнула внутрь, почувствовав приятный запах выпечки, который всегда витал в этом доме.

Мы вошли в гостиную, где на диване сидел мой брат, сосредоточенно глядя в экран телевизора. Увидев меня, он тут же подскочил, улыбаясь.

— Кайла! — радостно крикнул он, подбегая и обнимая меня.

— Привет, малыш, — я присела, чтобы обнять его крепче. — Как ты? Эмма сказала, ты хорошо себя вёл.

— Я супер! Люк приходил, мы играли, а потом смотрели фильм, — сказал он, сияя.

Я повернулась к Эмме, чувствуя, как греется сердце.

— Ещё раз спасибо, Эм. Ты не представляешь, как это для меня важно.

— Перестань, — отмахнулась она, садясь на кресло. — Ты ведь тоже всегда рядом, когда мне нужна помощь. А теперь давай садись, я сделаю тебе чаю. Ты, похоже, провела нелёгкий день.

Я кивнула и устроилась на диване рядом с Адамом, чувствуя, как напряжение дня начинает отступать.

В гостиную вошла миссис Агнес, мама Эммы. Её лёгкие шаги я узнала бы даже с закрытыми глазами. В руках она держала чашку чая, а её тёплая улыбка, как всегда, мгновенно согревала.

— Кайла, девочка моя! — сказала она, направляясь ко мне. — Как же я рада тебя видеть. Эмма мне рассказала, что ты начала работать.

Я улыбнулась и поднялась с дивана, чтобы её поприветствовать.

— Здравствуйте, миссис Агнес, — сказала я. — Простите, что пришла так поздно.

— Да что ты, Кайла, не надо никаких извинений, — мягко ответила она, подходя ближе и кладя руку мне на плечо. — Наши двери всегда открыты для тебя, ты же знаешь. Но скажи мне, почему ты решила работать? Да ещё и на двух работах? Ты же такая молоденькая, ещё учишься. Успеешь ведь...

В её голосе звучало искреннее беспокойство.

— Я просто должна, миссис Агнес, — ответила я, стараясь выглядеть увереннее. — Времена сейчас сложные, а у нас с Адамом есть свои обязательства.

Её взгляд потяжелел, и она ненадолго замолчала, словно обдумывая мои слова.

— Всё равно ты слишком много на себя взвалила, — наконец сказала она, усаживаясь в кресло рядом с Эммой. — Работать и учиться одновременно — это уже тяжело. А ты ещё и об Адаме заботишься.

— Я справлюсь, — твёрдо сказала я, хотя внутри сомневалась.

Миссис Агнес вздохнула.

— Ты сильная девочка, Кайла, — признала она, покачав головой. — Но если когда-нибудь тебе что-то понадобится, будь то помощь, еда, или даже просто место для отдыха — не стесняйся. Ты для нас как родная.

Я почувствовала, как глаза защипало от её слов. Впервые за долгое время кто-то открыто предлагал мне поддержку.

— Спасибо, миссис Агнес, — прошептала я, стараясь не показывать, как меня тронули её слова.

— Хватит называть меня миссис Агнес, — улыбнулась она. — Просто Агнес, девочка моя.

Эмма хихикнула, а я тоже чуть улыбнулась.

— Хорошо, ми... Агнес, — сказала я, чувствуя тепло в груди.

— Вот и отлично, — кивнула она, улыбаясь. — А теперь сядь, отдохни. Я сегодня испекла апельсиновый пирог, твой любимый, принесу кусочек тебе и Адаму.

— Спасибо, но не стоит беспокоиться, мы скоро... — сказала я, чувствуя, что задерживаться больше не могу.

Но Агнес уже повернулась ко мне с таким твёрдым выражением лица, что я поняла: спорить бесполезно.

— Никуда вы не пойдёте в такое время, Кайла, — сказала она, спокойно, но уверенно. — Уже поздно, а вам с Адамом ещё добираться домой. Останетесь здесь на ночь. У нас есть свободные комнаты.

— Но я... — начала я, всё ещё сомневаясь.

— Кайла, девочка, это не обсуждается, — перебила она, с добродушной, но категоричной улыбкой. — Вы останетесь. Я приготовлю постель, и вы оба отдохнёте как следует.

Я знала, что не смогу переубедить её, да и в глубине души была благодарна. Мысль о том, что не нужно тащить Адама домой поздно вечером, когда он уже наверняка устал, приносила облегчение.

— Хорошо, спасибо большое, — наконец сказала я, искренне улыбнувшись.

— Вот и славно, — удовлетворённо сказала Агнес, выходя на кухню.

Эмма покачала головой, глядя ей вслед.

— Ты же знаешь, спорить с ней бесполезно, — подмигнула она.

Через несколько минут в гостиную вошёл отец Эммы, мистер Мартин, с его характерной доброжелательной улыбкой.

— Кайла, рад тебя видеть! — сказал он, подходя ко мне и протягивая руку. — Как ты? Всё хорошо?

— Здравствуйте, мистер Мартин! Всё в порядке, спасибо! — ответила я, улыбаясь в ответ и пожимая его руку.

Эмма, сидя за столом, подмигнула мне и пошутила:

— Пап, ты опять целый день в своей рабочей комнате сидишь. Ты что, с ней там ночуешь? Думаешь, мы не замечаем?

Мистер Мартин расхохотался, его глаза наполнились весельем.

— Эмма, ты как всегда, — сказал он, с улыбкой покачав головой. — Никакой работы не избежать, но обещаю, что скоро сделаю перерыв.

Агнес вошла с подносом, на котором был свежий, ароматный пирог. Она поставила его на стол в гостиной и сказала:

— Угощайтесь, мои хорошие.

Я с благодарностью приняла кусочек пирога и села рядом с Эммой. Агнес налила чай и поставила чашку передо мной. Мы начали пить чай и есть пирог, разговор плавно перешёл в тёплую атмосферу семейных воспоминаний и спокойных разговоров.

Время летело незаметно, и я почувствовала, как расслабляюсь в этом уюте. Улыбки, смех и нескончаемые вопросы от Эммы и её родителей помогали забыть о заботах, которые давили на меня с утра. Я наконец-то могла позволить себе просто быть рядом с людьми, которые заботятся обо мне, и это было странно приятно.

Серое небо давило на плечи, как тяжёлое одеяло. Холодный воздух пропитывал всё вокруг влагой, заставляя меня кутается сильнее в старую куртку. Под ногами хрустели увядшие листья, которые ветер сгонял в небольшие кучи вдоль тропинки. Всё вокруг казалось таким мрачным, таким безжизненным, что это место, где всё напоминало о потере, словно впитывало мои собственные чувства.

Я шла медленно, стараясь не думать о том, что тревожило меня. Но мысли, словно надоедливые мухи, всё равно кружились в голове. Здесь, на кладбище, было ещё тише, чем где-либо. Тишина давила, угнетала. Тишина, от которой хотелось просто закричать.

Каждый шаг отзывался в груди тяжестью, как будто невидимые гири были привязаны к моим ногам. И всё же я шла, потому что знала: мне нужно быть здесь. Никакая боль не могла сравниться с тем, что я чувствовала, думая, что они могли бы быть живы, если бы судьба обошлась с ними иначе.

Мои руки, спрятанные в карманы куртки, дрожали от холода. Тонкие перчатки давно износились, и я снова забыла купить новые. Но сейчас это не имело значения. Впереди маячило знакомое место, которое я могла бы найти даже с закрытыми глазами. Ноги сами привели меня туда, куда я шла не первый раз, но каждый раз словно в первый.

Я остановилась, когда взгляд упал на знакомые имена, высеченные на холодном мраморе.

Мэдлин и Коул Коралин.

Мама и папа.

Сердце сжалось, как будто кто-то резко стиснул его ледяной рукой. Я медленно опустилась на колени, чувствуя, как под моими пальцами сухие листья превращаются в пыль. Рука неуверенно провела по гладкому мрамору, касаясь их имён, словно я могла таким образом вновь почувствовать их тепло.

— Привет, — прошептала я, чувствуя, как голос дрогнул.

Ветер стих на мгновение, словно хотел дать мне время на слова. Я знала, что мне нужно сказать, но язык словно не повиновался. Грудь сдавило от напряжения, и я сделала глубокий вдох, чтобы не разрыдаться.

— Простите, что не приходила так долго...

Памятник был холодным, но мне казалось, что он хранит их тепло.

— У меня всё сложно. Вы бы, наверное, сказали, что я справлюсь. Но правда в том... что я больше не уверена, — продолжила я, чувствуя, как слёзы наполняют глаза.

Я обхватила себя руками, будто пытаясь удержать все эти эмоции внутри. Голова закружилась от тягостных мыслей.

— Адам растёт, — сказала я, пытаясь хоть как-то сменить тему. — Вы бы гордились им. Он такой умный, такой добрый... иногда я думаю, что он похож на тебя, мам. Или на тебя, пап.

Я невольно улыбнулась, вспоминая, как он недавно рассказывал мне очередную историю, полную детского энтузиазма и веры в добро. Но улыбка быстро исчезла.

— Но мне тяжело. Очень тяжело, — голос сорвался, и я закрыла глаза, чтобы остановить слёзы, которые всё равно стекали по щекам. — Генри... он ненавидит нас.

Губы задрожали, и я сжала руки в кулаки.

— С самого начала он смотрел на нас, как на обузу. Помню, как в первые дни после... — я судорожно вдохнула. — После вашей смерти, он даже не пытался нас утешить. Просто сказал, что теперь мы его ответственность.

Воспоминания накатывали одно за другим. Я помнила, как он раздражённо кричал на нас за любую мелочь, как бросал тарелку с едой на стол, едва удосужившись нас накормить.

— Я тогда пыталась всё делать сама, — продолжила я, глядя на их имена. — Училась готовить, стирать, ухаживать за Адамом, потому что Генри не делал ничего. Только пил. Каждый вечер он приходил домой с бутылкой, громко хлопал дверью и орал на нас за любой шум.

Я закрыла глаза, и передо мной всплыл один из тех дней, который я никогда не забуду.

Генри вернулся поздно. Я помню, как дрожала, сидя на полу возле кровати Адама, пытаясь убаюкать его, чтобы он не плакал. Генри ворвался в комнату и начал кричать, что мы "вечно мешаем ему жить". Адам испугался так, что долго не мог уснуть, а я просто стояла, прижимая его к себе, и не знала, как защитить нас обоих.

— Я ненавидела его, — прошептала я, чувствуя, как слёзы текут по щекам. — Но я не могла ничего сделать. У нас не было никого, кроме него. И он это знал.

Я вытерла лицо рукой, но голос дрожал.

— Даже сейчас, спустя столько лет, ничего не изменилось. Он всё такой же. Орёт, обвиняет меня во всех проблемах, заставляет работать за двоих. Я пытаюсь, правда. Я стараюсь ради Адама. Но иногда мне кажется, что я просто не выдержу.

Я провела пальцами по выгравированным именам, как будто это могло подарить мне их поддержку.

— Вы бы никогда не позволили ему так с нами обращаться, — сказала я тихо, обхватив себя руками, будто это могло согреть меня в этом холоде. — Если бы не тот пожар...

Я замолчала, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Этот день всегда стоял перед глазами, как страшный сон, который невозможно забыть. Ночь, огонь, крики... Я закрыла глаза, пытаясь не вспоминать слишком ярко, но всё равно передо мной всплыли картины. Как пламя охватило дом. Как я кричала, зовя их, но никто не ответил.

— Если бы не тот пожар, вы были бы живы, — прошептала я, чувствуя, как слёзы текут по щекам. — И нас не пришлось бы отдавать на опеку.

Я сжала кулаки, сердце колотилось так, будто могло разорваться.

— Но, может, лучше бы нас отдали в детский дом, — мелькнула мысль, холодная и горькая, как октябрьский воздух.

Я попыталась отогнать её, но она уже пустила корни в сознании.

— Наверное, там было бы лучше. Уж точно лучше, чем с таким человеком, как Генри, — продолжала я мысленно, опустив голову. — Там хоть был бы шанс, что кто-то позаботится о нас. Может быть, мы смогли бы жить по-другому.

Я замерла, чувствуя, как боль смешивается с гневом.

Почему? Этот вопрос, как раскалённое железо, прожигал меня изнутри. Почему всё случилось именно так?

Воспоминания размыты, но всё равно врезаются в сознание, как осколки стекла. Помню, как мама мне улыбалась, как папа шутил за ужином. Это был обычный вечер, ничто не предвещало беды. А потом... дым, огонь, крики. Всё исчезло в одну ночь.

Почему случился пожар?

Моя голова склонилась ниже, слёзы катились по щекам, капая на землю.

— Почему вы ушли? — прошептала я, с трудом дыша. — Почему я осталась?

Я знала, что эти вопросы бессмысленны. Они всегда остаются без ответа, как эхо в пустой комнате. Но я не могла перестать их задавать. Каждый день они появлялись в голове, снова и снова. *Почему жизнь решила сломать нас?*

Я медленно потянулась к своему кулону, который висел на тонкой цепочке у меня на шее. Это была маленькая птичка, выполненная из серебра, с расправленными крыльями, будто готовая к полету. Мама купила его мне, когда я была ещё совсем маленькой, и это всегда было для меня чем-то важным, почти сакральным. Я вспоминала её слова, когда она вручала мне кулон. В её глазах всегда был тот особенный взгляд, в котором я чувствовала её любовь и заботу, её веру в меня.

— *Ты как эта птичка,* — говорила она, — *хрупкая, но с силой взлететь. Ты всегда найдёшь путь к свободе.*

Вспомнив это, я закрыла глаза, и передо мной, как в кадре из старого фильма, снова встала сцена из моего детства.

"Я сидела в нашем саду, в окружении ярких цветов и зелени, когда мама позвала меня к себе. Это был мой день рождения, и я, как обычно, кормила птичек, рассыпая семена на землю. Маленькие птички весело щебетали, перебираясь с ветки на ветку, и я чувствовала себя частью этого спокойного, уютного мира.

Мама сидела рядом на скамейке, улыбалась, а её глаза сверкали, полные любви и нежности. Через некоторое время она встала и подошла ко мне.

— Я хотела бы тебе кое-что подарить.

В её руках была маленькая коробочка. Она протянула мне маленькую коробочку, которую я с любопытством открыла. Внутри был кулон в форме птички — серебряный, лёгкий, и такой красивый.

— Это символ свободы, — сказала мама, — и я хочу, чтобы ты всегда помнила, что несмотря на все трудности, ты всегда сможешь лететь.

Мама аккуратно повесила кулон мне на шею, и я почувствовала, как этот холодный металл коснулся моей кожи. Он был таким лёгким, почти невесомым, но в его простоте была какая-то особенная сила.

Я внимательно смотрела на кулон, чувствуя, как слова мамы заполняют меня каким-то теплом. Я тогда не совсем понимала, что она имела в виду, но в тот момент это было важным и таким тёплым для меня.

— Спасибо, мама, — ответила я, обнимая её. — Это самый красивый подарок!

Не прошло и часа, как папа пришёл домой. Он всегда возвращался с работы в конце дня, и как всегда его лицо было усталым, но счастливым. Он вошёл в сад, где мы с мамой сидели, и, увидев нас, улыбнулся.

Он присел рядом и обнял нас с мамой.

— Ну что, как прошёл день? — спросил он, заглядывая в мои глаза.

Мама в ответ только улыбнулась, а потом добавила:

— Мы тут с Кайлой птичек кормим.

Папа посмеялся, и его глаза наполнились светом. Он поцеловал маму в лоб и увидев мой кулон сказал:

— О, какой красивый подарок. Тебе нравится, Кайла?

— Очень, папа, — я не могла скрыть своей радости. — Мама мне сказала, что я как птичка.

Папа засмеялся, наклонился ко мне и нежно погладил волосы.

— Ну, тогда лети, моя птичка, — сказал он, и я почувствовала, как уютно и спокойно на душе.

Мы все смеялись, сидя в саду, наслаждаясь моментом. Папа расспрашивал меня о том, что я делала, и мы вместе ужинали, когда мама принесла нам всё, что приготовила. Тот

день был полон смеха, любви и ощущения, что я была в самом центре их мира. Тот момент, тот день... казались мне вечными."

После воспоминаний я вернулась в реальность. Тепло, которое окутывало меня в детстве, словно растаяло, и я снова ощутила холод одиночества, который приходил со временем. Я осторожно потерла кулон в форме птички, как будто пытаясь вернуть себе те чувства безопасности и любви, которые я когда-то ощущала, будучи рядом с ними — с мамой и папой. Но сейчас всё было иначе. Мамы и папы не было рядом. Тот мир, что я помнила, давно канул в прошлое, оставив лишь тени и боль.

— Я не виню вас, — прошептала я, хотя в глубине души сомневалась, правда ли это. — Но мне так тяжело.

В голове эхом отдавались слова, которые я никогда не смогла бы сказать вслух: *Лучше бы мы тогда сгорели вместе с вами, чем проживали это адское существование.*

Но тут же я почувствовала укол совести. Это было бы несправедливо по отношению к Адаму. Он живёт ради меня, а я — ради него. Я сжала зубы, стараясь отогнать тёмные мысли.

— Простите меня за эти мысли, — сказала я, почти шёпотом, закрывая глаза. — Я не могу изменить прошлое, но я клянусь, что сделаю всё, чтобы у нас с Адамом было будущее. Даже если ради этого придётся терпеть Генри.

Я выдохнула, но лёгкость так и не пришла. Лишь чувство пустоты, которое неизменно сопровождало меня с того самого дня, как я потеряла их.

Я ещё несколько минут стояла у могилы, глядя на знакомые имена, будто они вот-вот заговорят со мной.

— Я сделаю всё, чтобы Адам был счастлив. Чтобы он не чувствовал себя так, как чувствую я. Обещаю вам.

С этими словами я снова коснулась кулона, словно это могло передать мои мысли и чувства туда, где они теперь находятся. В груди была пустота, но в то же время — решимость. Каким-то образом я должна справиться. Ради них. Ради Адама.

Я повернулась и пошла обратно по той же тропинке, что привела меня сюда. Под ногами шуршали листья, и этот звук отдавался эхом в тишине кладбища. Ветер усилился, пробирая до костей, но я не ускоряла шаг. Не могла. Словно что-то удерживало меня здесь, не позволяя просто уйти.

Ветер подхватил несколько листьев, и они закружились у моих ног. Я взглянула назад, на то место, где остались мои родители, и на мгновение показалось, что я почувствовала их присутствие. Это было как лёгкое прикосновение к щеке, как шёпот на ухо:*«Мы рядом.»*

Я выдохнула, смахнув слезу, прежде чем она скатилась по щеке. Надо было уходить. Мои шаги стали быстрее, ноги сами несли меня прочь от этого места. Но на сердце всё ещё оставалось тяжело. Кладбище постепенно скрывалось за деревьями, и я шла вперёд, не оглядываясь.

Казалось, время остановилось, пока я пересекала длинную аллею. Только когда я вышла за ограду кладбища, шум улицы напомнил, что мир не остановился. Люди спешили по своим делам, машины проносились мимо. Всё шло своим чередом, словно никто и не подозревал о той тяжести, что я несу в себе.

Я глубоко вздохнула и направилась в университет. Это был конец одного момента, но впереди — целая жизнь, которую нужно было прожить, несмотря на всё.

И я знала, что эта жизнь будет борьбой.

ГЛАВА 4

Безмолвная агония

Кайла

С того момента прошло два дня. Всего два дня, но они тянулись как вечность. Я старалась отвлечься работой, не думать о Генри, о деньгах, не вспоминать то, как он смотрел на меня в эти дни.

Сегодня было особенно много работы. Бар был полон, а я едва успевала переключаться между стойкой, заказами и клиентами. Шум, смех, звон бокалов — всё это помогало держать голову занятой.

— Кайла, — позвала меня Тори. Она подошла вплотную и, наклонившись, прошептала, — Сегодня здесь директор. Учти, он очень строг. Постарайся не делать ошибок.

Эти слова заставили меня внутренне напрячься. Конечно, я старалась всегда работать на совесть, но под пристальным взглядом начальства каждая мелочь казалась потенциальной проблемой.

— Спасибо, что предупредила, — кивнула я, продолжая протирать стойку.

— И ещё, — добавила она, кивая в сторону угла зала. — Вон он сидит, тот, в чёрном костюме. Следит за всем.

Я украдкой посмотрела туда. Мужчина лет сорока, с холодным взглядом, восседал как король на троне. Его внимание явно было сосредоточено на работе персонала.

— Поняла, — ответила я и снова взялась за дело, стараясь не подавать виду, что немного нервничаю.

Каждый заказ я выполняла чётко, как по учебнику. Лёд падал в бокалы ровно, напитки наливались точно по рецепту. Клиенты улыбались, а я отвечала им профессиональной вежливостью. Всё должно быть идеально.

— Кайла! — окликнул меня Джонатан, — Коктейль для восьмого столика!

Я быстро собрала ингредиенты, стараясь не медлить и не нервничать. Пальцы действовали автоматически, движения были отточены: лёд, текила, свежевыжатый сок лайма. Смешать, украсить, подать. Ровно и чётко. Директор, казалось, был доволен тем, как я работала, но его пристальный взгляд ощущался на моей спине.

Когда я отнесла заказ и вернулась к стойке, Джонатан шепнул:

— Ты молодец. Но будь внимательна - он сейчас идёт к нам.

Моё сердце екнуло. Директор направлялся прямо ко мне, держась уверенно и несколько сурово. Я выпрямилась, заставляя себя выглядеть спокойной.

— Вы Кайла, да? — спросил он, глядя на меня изучающим взглядом.

— Да, сэр, — ответила я, стараясь сохранить нейтральный тон.

— Как долго вы здесь работаете?

— Почти неделю, сэр.

— Хм, — он коротко кивнул и оглядел стойку. — Неплохо справляетесь, но я заметил, что пару раз вы позволили себе отвлечься на разговоры с клиентами. В следующий раз избегайте этого. Ваше внимание должно быть полностью сосредоточено на работе.

Я кивнула, сдерживая нервное напряжение.

— Будьте внимательнее, — добавил он и, повернувшись, направился к своему кабинету.

Как только он исчез из вида, Джонатан облегчённо выдохнул:

— Ну, могло быть хуже. Ты выжила.

Я не могла сдержать лёгкую улыбку, хоть внутри меня всё ещё бурлило. Его слова помогли немного успокоиться, но тревога не покидала меня. В этом баре всегда было много людей, и среди них были разные типы. Но сегодня что-то чувствовалось не так.

— Кайла, столик в углу, — сказал Джонатан, указывая на одну из последних свободных точек в баре.

Я кивнула и направилась туда. Когда я подошла, сразу поняла, что что-то здесь не так. За столиком сидели двое мужчин, которые явно выбивались из общей картины заведения. Они были слишком громкими для этого места, их одежда была не столь аккуратной, а запах алкоголя ощущался даже на расстоянии. Один из них усмехнулся, а второй с полуулыбкой повернулся ко мне, как только я приблизилась.

Собравшись с духом, я выдавила профессиональную улыбку и задала привычный вопрос:

— Здравствуйте, что будете заказывать?

Один из них, тот, что сидел слева, медленно повернул ко мне голову, словно нарочно растягивая момент. В его взгляде не было ни капли уважения, а усмешка, с которой он окинул меня с головы до ног, заставила кожу покрыться мурашками.

— Тебя, — сказал он, нарочито медленно растягивая слова.

Внутри меня словно всё замерло. Я почувствовала, как напряжение окутывает меня, но я не могла позволить себе сорваться. Я сделала вид, что не поняла, продолжая:

— У нас сегодня есть несколько особых предложений... могу порекомендовать...

— О, да мы уже выбрали особое предложение, — перебил второй, с широкой ухмылкой откидываясь на спинку стула. Его глаза, мутные от алкоголя, словно прилипли ко мне. — Ты сегодня на десерт, зайка?

Они оба расхохотались, и этот смех резанул меня, словно осколок стекла. Руки сжались в кулаки, но я держала себя в руках, подавляя желание развернуться и уйти. Я знала, что любая неосторожность может привести к ещё большей агрессии.

— Простите, но если вы ничего не заказываете, я вынуждена вернуться к другим гостям, — проговорила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало.

— Ладно, ладно, красавица, не злись, — произнёс первый, поднимая руки, будто сдаваясь. — Неси нам что-нибудь крепкое. Виски. По двойной порции.

— И поживее, — добавил второй, ухмыльнувшись и облизнув губы, что вызвало у меня чувство омерзения.

— Конечно, — ответила я, быстро записала заказ и тут же направилась к бару, стараясь уйти подальше от их столика.

Подойдя к стойке, я почувствовала, как напряжение медленно спадает, но сердце всё ещё билось слишком быстро.

— Всё нормально? — услышала я голос Джонатана. Он стоял за стойкой и внимательно смотрел на меня.

— Да, — выдохнула я, но мой голос всё равно звучал напряжённо. — Просто... неприятные посетители.

— Те двое? — он нахмурился, бросив взгляд на столик. — Если что-то не так, скажи, я с ними разберусь.

— Пока всё под контролем, — сказала я, кивая. — Просто отнесу им виски и буду держаться от них подальше.

Он кивнул, но я видела, что его взгляд остался на тех мужчинах. Забрав бокалы с подноса, я глубоко вздохнула, собрала всё своё терпение и снова направилась к ним. Спиной я чувствовала тяжёлый взгляд Джонатана, что немного приободряло.

Когда я подошла к их столу и поставила перед ними бокалы, один из них снова усмехнулся, а второй прошептал что-то, из-за чего они оба расхохотались. Я не стала задерживаться.

— Ваш заказ, приятного вечера, — холодно произнесла я и собиралась уйти, но один из них вдруг произнёс:

— А налить не хочешь, красавица?

Я замерла, осознавая, что отмахнуться не получится. Стараясь не показывать своего раздражения, я натянуто улыбнулась.

— Конечно, — ответила я спокойно, хотя внутри хотелось как можно быстрее выбраться из их поля зрения.

Я взяла бутылку виски и аккуратно начала наливать в их бокалы. Всё шло нормально, пока я не почувствовала, как одна из их рук нагло коснулась моей спины, а затем — моей задницы.

Кровь бросилась мне в лицо. Моментально отступив на шаг назад, я выпустила бутылку из рук, и она с глухим стуком упала на стол, проливая часть виски.

— Что вы себе позволяете?! — воскликнула я, едва сдерживая дрожь в голосе.

Мужчина, который осмелился так поступить, усмехнулся и медленно встал, наклонившись ближе.

— Да ладно тебе, куколка, расслабься, — сказал он с наглой ухмылкой. — Мы же просто развлекаемся, тебе не привыкать, да?

Его слова, пропитанные издёвкой, заставили меня отшатнуться ещё сильнее. Я почувствовала, как паника начинает затапливать меня, но в этот момент произошло нечто неожиданное.

Мужчина замолчал, словно бы оборвав сам себя, а затем резко дёрнулся назад. Я только успела увидеть, как его голова резко поворачивается в сторону от удара. Я оторопело замерла, не веря своим глазам. Прямо перед ним стоял...

Лука Кальвейра.

В одно мгновение вся напряжённость, которая сжала меня с самого начала, разом исчезла, но на её месте возникла другая, ещё более мощная волна волнения. Я сразу узнала его — невозможно было перепутать. Помнила его лицо, когда я зашивала его

рану. И помнила его — на обложках журналов. Лука Кальвейра — человек, который был не просто известным, а настоящей легендой, тем, кто держал в страхе целый город.

Его кулак все еще был сжат, лицо напряжённое и злое. Я заметила, как его мускулы играют, его взгляд — как стальной, он словно готов был разорвать каждого из тех, кто был рядом с ним.

— Ты что себе позволяешь, ублюдок?! — прорычал он, его голос был низким и угрожающим.

Мужчина замотал головой, пытаясь что-то сказать, но только простонал, всё ещё держась за лицо. Второй парень вскочил со своего места, но тут же замер, когда рядом с Лукой появился Джонатан.

— Сядь. И не рыпайся, если не хочешь, чтобы тебя тоже уронили, — сказал Джонатан, указывая пальцем на второго мужчину. Его голос был тихим, но в нём звучала такая угроза, что мужчина сразу сел обратно, не решаясь возражать.

Лука не смотрел на него. Его внимание было сосредоточено на первом мужчине, который как-то неловко пытался отшатнуться, но Лука уже подошёл к нему, не давая ему шанса уйти.

— Какой рукой ты тронул её? — его голос был ледяным, и от этих слов меня пробрал мороз по коже.

Мужчина замер, он явно не ожидал, что его будут так спрашивать. Но Лука знал ответ. Он схватил его за запястье и резко скрутил руку, сжав её так, что тот буквально задыхался от

боли. Я слышала, как его кости хрустнули под силой его захвата. Мужчина пытался вырваться, но Лука не отпускал его, продолжая ломать его руку, а его лицо оставалось невозмутимым.

— А-а-а! — мужчина вскрикнул от боли, но Лука даже не обратил внимания на его крики. Он продолжал скручивать руку, его взгляд не сходил с его лица.

— Слушай меня внимательно, больше никогда, ни при каких обстоятельствах не смей так обращаться с женщинами. И не смей притрагиваться, если тебе не дали на это право.

Я стояла, пытаясь осознать происходящее, но всё развивалось так быстро, что я едва успевала за событиями. Мужчина, которого Лука держал за руку, все ещё извивался от боли, и его крики резали воздух. Лука был как камень — совершенно спокойный, несмотря на то, что ситуация накалялась.

Вдруг раздался громкий голос:

— Что тут происходит? Что вы тут устроили?!

Это был директор. Его лицо было багровым от гнева, а глаза блескали злобой. Я почувствовала, как моё сердце ускоряет свой ритм, и паника сжала грудь. Он быстро шагал в нашу сторону, не замечая меня. Я нервно отступила на шаг, а затем поспешно подошла к Луке, хватая его за руку.

— Всё достаточно, хватит! — мои слова звучали решительно, но внутри я была совсем не уверена в том, что могу контролировать эту ситуацию. — Пожалуйста, перестань.

Директор уже почти подошел, и в его голосе я могла ощутить накал ярости. Джонатан попытался вмешаться, сделав шаг в его сторону.

— Сэр, это недоразумение... — начал он, но его слова были перебиты.

— Недоразумение?! — директор повысил голос, шагая к нам. — Что это за цирк, а? В моем заведении!

Я замерла, пытаясь собраться с мыслями, но прежде чем я успела что-то сказать, он перебил меня, и его ярость словно выплеснулась на меня.

— Ты! Это все из-за тебя! Никак не могла нормально обслужить столик, не могла разобраться с этими двумя уродами! Ты что, вообще не понимаешь, где ты работаешь? Я тебя предупреждал! — он был так зол, что казалось, что его слова сжигали воздух.

Я почувствовала, как моё сердце сжалось. Неужели всё так быстро выйдет из-под контроля? Я открыла рот, чтобы что-то сказать, оправдаться, но его слова не оставляли мне места для ответа.

— Ты уволена! — его голос стал холодным и решительным.

Я стояла, не веря своим ушам. Уволена? Нет. Это всё казалось кошмаром, с которым невозможно было смириться. Голова закружилась, я не могла понять, что мне теперь делать.

— Пожалуйста, — голос мой стал слабым, но я всё же попыталась попросить прощения. — Я могу все объяснить. Я...я не виновата. Я просто обслуживала столик, а этот мужчина...

Все казалось нереальным. Мне только что сказали, что я уволена.

— Быстро все на выход, а ты собирай вещи, — сказал директор, даже не посмотрев на меня.

Я стояла, не в силах пошевелиться, когда директор уже ушел, оставив меня одну с этим кошмаром. Голова кружилась, а сердце колотилось в груди. Я не могла поверить, что это происходит со мной.

Я посмотрела на Джонатана, его выражение было серьезным, но я не могла сконцентрироваться на его словах. Мозг отказывался принимать происходящее. Где я теперь найду деньги? Как я смогу отдать ему те средства, которые он ждал от меня?

Что мне теперь делать ?

Я осталась стоять на месте, глядя в пустоту. Лука и те двое мужчин исчезли, словно их здесь и не было. Всё происходящее казалось каким-то кошмаром, из которого я никак не могла выбраться. В горле стоял ком, а слёзы подступали к глазам, но я держалась изо всех сил.

В голове звучал голос директора, его жёсткие слова снова и снова разрывали меня изнутри. Я больше не могла стоять на месте. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться хоть немного, я развернулась и медленно пошла к комнате для персонала.

Войдя туда, я почувствовала, как напряжение и отчаяние начинают поглощать меня. С трудом сдерживая дрожь в руках, я сняла фартук и бросила его в шкафчик. Всё, что мне оставалось сейчас — переодеться и уйти.

Снимая рабочую форму, я смотрела в своё отражение в маленьком зеркале на стене. Лицо было усталым, глаза блестели от невыплаканных слёз. Я хотела дать себе время успокоиться, но всё, что могла — это снова и снова думать о том, что теперь мне делать. У Генри нет терпения, он скоро потребует деньги. А у меня их нет.

Когда я надела свою куртку и взяла сумку, горечь сдавила горло. Глаза жгло, но я не могла позволить себе плакать. Не сейчас. Открыв дверь, я вышла.

Возле выхода меня ждал Джонатан. Он увидел меня и сразу подошел ближе.

— Послушай, — начал он серьёзно, — я ещё раз поговорю с директором. Может, он остынет и передумает.

Я только покачала головой, опуская взгляд.

— Вряд ли это что-то изменит, — сказала я тихо. — Он был слишком уверен.

Джонатан посмотрел на меня с теплотой и участием, а потом, будто приняв решение, протянул мне несколько купюр.

— Возьми, — сказал он твёрдо. — Это чаевые. Ты сегодня отлично трудилась, и это твоё.

Я замерла, глядя на деньги, потом подняла глаза на него.

— Джонатан, я не могу... — начала я, но он перебил.

— Можешь. Ты заслужила это.

Его голос звучал так уверенно, что я, сама того не желая, взяла деньги. Слёзы подступили к глазам, и я с трудом их сдержала.

— Спасибо, — выдохнула я.

— Это минимум, что я могу для тебя сделать, — ответил он мягко. — А теперь иди домой, отдохни.

Я кивнула, не находя слов, чтобы выразить благодарность.

Я медленно направилась к выходу, ощущая тяжесть в каждом шаге. Оглядываясь назад, я видела, как свет в баре тускнеет за закрытой дверью, словно подтверждая, что глава моей жизни в этом месте окончательно закончилась.

На улице был прохладный вечер, в воздухе пахло дождем. Я посмотрела на часы: десять вечера. Сегодня я должна была работать до одиннадцати, но... Всё сложилось иначе.

Если бы не он... если бы он не вмешался, меня бы не уволили.

Эта мысль не давала мне покоя, гулко звучала в голове, как удар колокола. Да, мужчины за столиком вели себя отвратительно, но я справилась бы. Нашла бы способ, как и всегда. А теперь... всё закончилось.

Рёв двигателя заставил меня вздрогнуть, я остановилась, обернувшись на звук. Из темноты вынырнул автомобиль, свет фар ослепил меня на несколько секунд.

Машина притормозила в нескольких метрах от меня. Водительская дверь открылась, и из неё вышел...

Он что издевается?

Он вышел из машины, как будто всё происходящее было нормой. Его шаги были уверенными, и он двигался прямо ко мне, словно был абсолютно уверен, что я никуда не денусь.

Я напряглась, стиснув пальцы на ремешке своей сумки. Что ему нужно? Не хватает того, что из-за него меня только что уволили? Теперь он ещё и преследует меня?

— Что тебе нужно? — выпалила я, пока он не успел подойти слишком близко.

— Ты в порядке? — спросил он, его тон был неожиданно мягким.

Я невольно выдохнула, а затем сжала зубы, чувствуя, как внутри закипает злость.

— Это не твоё дело. Если ты пришёл сказать что-то важное, говори. Если нет — я пойду.

Он сузил глаза, его лицо стало серьёзным.

— Знаю...тебя уволили.

— О, прекрасно, значит, ты осознаёшь, что это случилось из-за тебя, — съязвила я, не сдерживая злости. — Твои героические выходки стоили мне работы.

Он смотрел на меня внимательно, будто хотел что-то сказать, но я продолжила:

— Считаешь себя благородным, да? Думаешь, я должна быть тебе благодарна за то, что ты сломал руку тому мужчине? А ты подумал, что будет дальше? Что теперь делать мне?

Я чувствовала, как слёзы начинают подступать, но не позволила им вырваться.

Он скрестил руки на груди, его лицо стало холодным, но я заметила в его глазах удивление.

— Ты хочешь сказать, что я должен был просто сидеть и смотреть, как эти двое к тебе пристают? — сказал он.

— Я справилась бы сама!

— Правда? — Лука насмешливо поднял бровь. — Потому что выглядело совсем иначе.

Я почувствовала, как мои руки сжимаются в кулаки.

— Если бы твой директор был нормальным человеком, он бы тебя не уволил, — ответил он спокойно, словно не замечая моего гнева.

Эти слова только ещё больше разозлили меня.

— Директор, возможно, и не прав, но это всё началось из-за тебя! — я шагнула вперёд, буквально ощущая, как внутри всё кипит. — Ты считаешь себя героем? Я бы справилась. Я справлялась.

Лука только покачал головой, и это вывело меня из себя ещё больше.

— Ты ничего не понимаешь! — выкрикнула я, отталкивая его в сторону. — Просто оставь меня в покое!

Я развернулась и пошла прочь, чувствуя, как подгибаются ноги. Слёзы, которые я так старательно сдерживала перед ним, начали предательски катиться по щекам. Я быстро стерла их рукой, пытаясь собраться.

Его не слышно. Значит, ушёл. Ну и хорошо.

Эта мысль почему-то резанула сильнее, чем я ожидала. Но тут же я заставила себя отогнать её. Это всё не важно. Сейчас главное — успеть на автобус.

Дойдя до остановки, я остановилась и посмотрела на часы. Десять двадцать пять. Последний автобус ходит в пол одиннадцатого, но это, как правило, не всегда так. Может, повезёт, а может, нет.

Я стояла в одиночестве на пустой улице, зябко поёживаясь от холодного ветра, вдалеке раздавался шум проезжающих машин. Внезапно свет фар ослепил меня. Машина остановилась прямо передо мной, и я заметила знакомую чёрную Audi.

Окно опустилось, и я увидела его.

Ну конечно. Решил сегодня добить меня окончательно.

— Ты издеваешься? — пробормотала я, больше себе, чем ему.

— Садись. Я отвезу тебя домой, — его голос был спокойным, но взгляд — твёрдым. — Поздно, автобуса уже не будет.

— Нет, спасибо. Не будет автобуса — вызову такси.

— Вызовешь, — он фыркнул. — Только здесь такси ждать до утра придётся.

Я проигнорировала его тон.

— Спасибо за заботу, но я справлюсь, — отрезала я, глядя куда-то мимо его машины.

— Ты всегда так упряма? — он нахмурился, его голос стал серьёзнее. — В такое время небезопасно одной.

— Небезопасно? — я усмехнулась с вызовом. — А с тобой, значит, безопасно? Кто вообще сказал, что ты не маньяк?

Он на секунду замер, а потом медленно покачал головой.

— Отлично, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Пусть я буду маньяком, только маньяки не оставляют женщин на остановках.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но сзади раздался громкий сигнал машины. Фары осветили нас, и стало ясно, что кто-то ждёт, пока Лука уберёт свою машину с дороги.

— Ты задерживаешь других, — Лука спокойно, но настойчиво посмотрел на меня. — Садись. Или будем стоять тут до утра.

Я молчала, сжав губы. Сигнал повторился, а затем раздался звук опускающегося стекла, и водитель машины позади крикнул:

— Эй, вы там долго?

Лука перевёл взгляд на меня, явно не собираясь сдвинуться с места.

— Ну? — спросил он. — Будешь стоять тут дальше или уже сядешь?

Я выдохнула, чувствуя, что спорить бессмысленно. Пусть отвезёт. Главное, чтобы побыстрее исчез из моей жизни.

— Ладно, — бросила я, обойдя машину и села на переднее сиденье.

Сев я мгновенно ощутила запах — едва уловимый аромат чего-то дорогого и мужского. В машине было чисто, почти стерильно, а кожа кресел приятно холодила ладони. Я откинулась назад, пытаясь унять дрожь в руках, и посмотрела в окно, стараясь не смотреть на него.

Он молчал. Ни слова, ни взгляда в мою сторону. Машина тронулась плавно, и я почувствовала, как напряжение начинает уступать место усталости.

Скорее бы это закончилось.

— Куда тебя везти?

— На Уиллоу-стрит, 12, — бросила я, даже не повернув головы.

Он коротко кивнул, и машина снова погрузилась в тишину. Только звук мотора и редкие шорохи шин о дорогу.

В голове хаос: мысли крутились, как рой разъярённых пчёл. *Что теперь будет? Генри ждёт деньги. Как я скажу ему, что меня уволили? Он взбесится. Господи, за что всё это?*

Я сжала руки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Ты всегда так напряжённо молчишь? — вдруг спросил он, бросив на меня мимолётный взгляд.

— Ты всегда задаёшь глупые вопросы? — выпалила я, не сдержав раздражения.

Он усмехнулся.

— Просто пытаюсь понять, всегда ли ты такая... — он сделал паузу, явно подбирая слово.

— Какая? — резко повернулась к нему.

— ...колючая, — завершил он, его тон был спокойным, но я почувствовала в нём лёгкий намёк на насмешку.

— Может, потому что я не люблю, когда меня спасают без моего разрешения? — выпалила я, глядя на него, как на врага. — Ты что, герой на белом коне? Решил спасти бедную девушку?

Лука бросил короткий взгляд на меня, а затем снова вернулся к дороге.

— Нет, — ответил он спокойно. — Я просто не могу сидеть сложа руки, когда вижу, как к кому-то так пристают.

— Ты мог просто пройти мимо, — прошептала я, не ожидая, что голос предаст меня.

— Мог. Но не стал бы, — он пожал плечами, как будто это был самый очевидный выбор.

Я отвернулась, снова уставившись в окно.

Он не понимает. Для него это просто момент, возможность сыграть героя. А я теперь сижу в этой машине, не зная, как мне завтра жить.

Я замолчала, пытаясь подавить ту бурю, которая снова поднялась внутри меня. Его спокойствие раздражало меня ещё больше. Он поступил так, как считал правильным, и, похоже, не собирался извиняться. А мне оставалось только вариться в собственных мыслях.

— Ты хоть понимаешь, что из-за тебя я потеряла работу? — наконец выдавила я, не глядя на него. — Ты думал, что делаешь доброе дело? А теперь, когда я не смогу найти деньги...

Я прикусила губу, боясь, что скажу лишнего. Ему ведь не нужно знать обо мне больше, чем уже знает. Лука, казалось, почувствовал, что мои слова не закончены, но не стал давить.

— Если твой начальник решил уволить тебя за то, что ты пострадала от их поведения, проблема не во мне. Проблема в нём, — сказал он, не отрывая глаз от дороги. — И давай уточним: я не "делал доброе дело". Я поступил так, как должен был поступить любой нормальный человек.

— Это не твоё дело, Лука Кальвейра! — воскликнула я, оборачиваясь к нему. — Ты даже меня не знаешь! Ты понятия не имеешь, что мне пришлось пережить или как сильно я стараюсь, чтобы всё было нормально! Ты просто решил, что можешь вмешаться, и всё разрушил!

Лука медленно выдохнул, явно сдерживая себя, чтобы не ответить грубо.

— Ты права, — сказал он после паузы. — Я тебя не знаю. Но я знаю, что не мог просто смотреть, как к тебе так относятся. Это была не прихоть, а выбор. И я бы сделал его снова.

Я почувствовала, как слёзы снова подступают к глазам, но на этот раз от злости и бессилия. Он говорит так, будто всё так просто. Будто его действия не повлияли на мою жизнь.

— Если бы ты просто оставил меня в покое, я бы справилась, — прошептала я, уставившись на свои руки. — Мне не нужно было твоё вмешательство.

— Ты действительно так думаешь? — его голос стал ниже, и в нём появилось что-то, от чего я невольно напряглась. — Эти двое... они бы не остановились. Думаешь, с ними можно было договориться?

Я не ответила. Потому что знала: он прав. Но признать это вслух я не могла.

Тишина в машине была почти осязаемой. Мы оба молчали, поглощенные своими мыслями. Я смотрела в окно, наблюдая, как ночные огни мелькают, словно огоньки в темном море, и в какой-то момент мне показалось, что я совсем забываю о том, что произошло. Но едва я попыталась немного расслабиться, Лука нарушил тишину.

— Вижу, ты знаешь моё имя, — сказал он, его голос был немного насмешливым.

Я не повернула головы, но внутренне вздрогнула. Его голос звучал слишком уверенно, как будто он уже был привыкшим к этому вниманию. Слишком привычно.

— Твоё имя сейчас во всех новостях, — продолжил он. — Не обольщайся.

Я почувствовала, как в груди что-то ёкнуло. Невольно, я взглянула на него, но он не смотрел на меня, сосредоточив внимание на дороге.

— Ну это точно, — ответил он, снова бросив взгляд на меня, — но думаю, это несправедливо, что ты знаешь моё имя, а я твоего нет. Не так, птичка?

Я застыла на месте, не понимая, что он имеет в виду. Моя рука инстинктивно потянулась к кулону на шее. Сначала я подумала, что ослышалась.

— Птичка? — переспросила я, недоуменно поднимя бровь.

— Ну да, — сказал он, как будто это было очевидно. — Твой кулон. Не заметить было трудно.

Я слегка прикоснулась к кулону на шее, который всегда был для меня чем-то личным. Мне как-то не приходило в голову, что кто-то может обратить на это внимание. Легкое смущение окрасило моё лицо, но я постаралась это скрыть.

— Ты, правда, всё замечаешь, да? — спросила я, пытаясь вернуть себе хоть немного уверенности. — Почему бы тебе не сосредоточиться на дороге?

Он усмехнулся, но продолжил ехать, не торопясь изменить своё поведение.

Машина тихо покатилась по ночным улицам, и я почувствовала, как напряжение в теле постепенно уходит. Мы уже подъезжали к дому. На улице было темно, только пару фонарей освещали тротуар. Я знала, что вряд ли мне удастся уснуть этой ночью — мысли всё ещё бурлили, не давая покоя.

Лука не сказал ни слова, когда остановил машину. Тишина, которая возникла между нами, казалась ещё более напряжённой. Я быстро огляделась, проверяя, нет ли кого-то рядом, но улица была пустой. В голове крутились мысли, и каждая из них не давала покоя.

— Ну вот, приехали, — наконец сказал он, глядя на меня.

Я не могла понять, что именно я чувствую. С одной стороны, я была благодарна, что он привёз меня домой, несмотря на всё. Но с другой — внутри горела злость, раздражение, а ещё... какая-то непонятная тревога.

— Спасибо, — коротко сказала я, не выдержав паузы, и стала собирать сумку, готовясь выйти.

Лука снова посмотрел на меня, как будто пытаясь что-то сказать, но, видимо, передумал.

— Пока, птичка, — произнёс он, и в его голосе снова звучала та же лёгкая насмешка.

Я уже собиралась открыть дверь, но остановилась. Глубоко вдохнув, я повернулась к нему.

— Кайла, — сказала я, пытаясь звучать уверенно, но мой голос слегка дрогнул. — Меня зовут Кайла.

На его лице мелькнула тень улыбки, но он ничего не ответил, лишь слегка кивнул.

Я быстро вышла из машины, чувствуя, как его взгляд прожигает мне спину. Подойдя к двери подъезда, я всё же оглянулась. И как только я зашла в подъезд, его машина резко тронулась с места.

На следующий день я сидела в аудитории университета, уставившись на тетрадь. Лекции, казалось, проходили мимо меня, как будто кто-то включил приглушённый звук. Всё, что произошло вчера, всё ещё занимало мои мысли. Я даже не заметила, как преподаватель вышел из аудитории, пока Эмма не толкнула меня локтем.

— Ну что, ты готова к небольшой передышке? — спросила она, улыбаясь.

— Да, конечно, — ответила я, стараясь выглядеть бодро.

Мы отошли к столу у окна, как всегда делали на переменах. Эмма достала телефон и, оживлённо говоря, начала рассказывать про планы на день рождения её мамы.

— Скоро мамин день рождения! — начала она, с воодушевлением. — Мы будем отмечать в кафешке. Я уже всё продумала: шарики, цветы, гирлянды. И, конечно же, меню! Ты же знаешь, как мама любит сладкое. Я уже заказала большой торт.

— Круто, — кивнула я, стараясь поддерживать разговор, но всё равно чувствовала себя отстранённой.

— Ну, тебе придётся помочь! — продолжала Эмма, хитро улыбаясь. — Нам надо будет всё украсить. Я уже договорилась с организатором, он сказал, что он сможем прийти за пару часов до начала и всё подготовить.

— Конечно, помогу, — ответила я автоматически.

Эмма внезапно наклонилась ближе, посмотрела на меня и нахмурилась.

— Ты сегодня какая-то... потерянная. Что случилось? Это из-за работы? Ты говорила, что вчера была какая-то неприятная ситуация.

— Вчера всё пошло наперекосяк, — начала я, стараясь говорить спокойно, но голос всё равно дрожал. — На работе возникла неприятная ситуация. Двое мужчин начали вести себя... недопустимо. Они ко мне приставали, а я... просто старалась сделать свою работу.

Эмма нахмурилась, а её глаза расширились от возмущения.

— А что дальше?

— Один мужчина вмешался. — Я замялась, вспоминая лицо Луки, его холодный взгляд и решительные действия. — Лука Кальвейра. Он заступился за меня, но всё закончилось тем, что из-за этого меня уволили.

Эмма была явно удивлена и даже немного потрясена.

— Стоп, кто? Лука Кальвейра? Тот самый?

Я кивнула, ощущая, как вновь накатывает вспышка раздражения, когда я вспоминала о том, что произошло.

— Да, он... он сломал запястье тому мужчине, который меня тронул, — ответила я с небольшой паузой, глядя на Эмму.

Эмма, казалось, была просто восхищена.

— Вау, он молодец! Хорошо, что так сделал, с такими только так, — сказала она с искренним восхищением в голосе. — Ты видела, как он это сделал? Не жалел, правда?

— Он не особо жалел. И да, это было достаточно жестко. Но как-то странно... я даже не знаю, как относиться к этому. С одной стороны, он поступил правильно, но с другой — из-за его вмешательства я лишилась работы.

Эмма поморщилась, явно не разделяя моего разочарования.

— Это вообще не твоя вина! Что, если бы он не вмешался, а они бы продолжили? Кому-то нужно было вмешаться, и он поступил правильно. А твой директор — не человек, если готов уволить из-за этого.

Её слова согрели меня, но мне было всё равно тяжело понять, что теперь делать с этим всем.

— Директор решил иначе, — горько усмехнулась я. — Для него это выглядело, как скандал из-за меня.

Я вздохнула, стараясь не выдать эмоций. Рассказывать об этом вслух было сложнее, чем я думала.

— Теперь я даже не знаю, что делать, Эмма. У меня совсем нет времени, чтобы искать новую работу. Генри скоро потребует деньги, а я...

Я замолчала, чувствуя, как в груди растёт тяжесть. Эмма потянулась через стол и сжала мою руку.

— Кайла, это ужасно. Ты ни в чём не виновата, слышишь? Мы что-то придумаем.

Эмма сжала мою руку чуть крепче, её взгляд стал серьёзным.

— Слушай, Кайла... давай я поговорю с родителями. Они точно не откажут тебе в деньгах, ты знаешь, какие они добрые. Просто скажем, что тебе нужно временно...

— Нет! — перебила я её, резко убрав руку. — Ни в коем случае, Эмма. Я не могу взять у вас деньги. Даже не думай больше такое говорить.

Она открыла рот, чтобы возразить, но я не дала ей этого сделать.

— Я справлюсь, я найду выход. Это моя проблема, и я сама её решу, — твёрдо добавила я, хотя внутри всё дрожало от неуверенности.

Эмма помолчала, изучая моё лицо. Затем тяжело вздохнула, скрестив руки на груди.

— Ты слишком гордая, знаешь? — пробормотала она с укоризной. — Мы — друзья, и я хочу помочь. Но если ты отказываешься, то хотя бы обещай мне одно.

— Что? — спросила я, чувствуя, как комок в горле становится меньше.

— Если тебе совсем станет тяжело, если не найдёшь выхода, ты скажешь мне. Обещаешь? — она смотрела на меня так, что отказаться было невозможно.

— Ладно, — кивнула я. — Обещаю.

Она слегка улыбнулась, но я всё ещё видела в её глазах беспокойство.

Мы замолчали, и я снова почувствовала ту же тяжесть, которая не покидала меня с вчерашнего вечера. Теперь передо мной стояла только одна цель: найти работу. И сделать это как можно быстрее.

После университета я направилась к школе, чтобы забрать Адама. Он выбежал ко мне на встречу, улыбаясь так, что я на мгновение забыла обо всех своих проблемах. Его радость всегда была заразительной.

— Как день прошёл? — спросила я, когда мы начали идти в сторону дома.

— Нормально! Мы сегодня в классе делали макеты вулканов. Мой почти взорвался! — оживлённо рассказал он.

Я улыбнулась, глядя на него, но где-то внутри меня сжималось. Всё это — его учёба, его радость — зависело от того, чтобы я могла продолжать заботиться о нас двоих. И сейчас я была в шаге от того, чтобы всё это потерять.

Когда мы почти подошли к дому, я вдруг вспомнила, что утром заметила пустоту в холодильнике. Генри, конечно, и пальцем не пошевелит, чтобы что-то купить, а Адам ведь должен ужинать.

— Адам, давай зайдём в магазин, ладно? Нам нужно купить кое-что на ужин, — сказала я, останавливаясь.

— Ладно! Можно мне взять шоколадку? — спросил он, заглядывая мне в глаза с надеждой.

— Посмотрим, — ответила я, хотя внутри знала, что даже эта мелочь будет ударом по бюджету.

Мы быстро зашли в магазин. Я взяла самое необходимое: немного овощей, макароны, молоко и яйца. Адам выбрал шоколадку, и я, скрепя сердце, добавила её в корзину. Выйдя из магазина, мы двинулись домой.

Поднимаясь по лестнице, я ощутила, как усталость накрывает меня волной. Продуктовые пакеты тянули руки, а мысли о том, что ждёт нас дома, не давали расслабиться.

Лишь бы его не было дома.

Вздохнув, я посмотрела на Адама. Он шёл впереди, переполненный своим рассказом о школе. Ради него я должна справиться. Я просто обязана найти решение.

Как только я открыла дверь и мы вошли в квартиру, меня сразу же ударил знакомый отвратительный запах — смесь алкоголя и сигарет. Он всегда был здесь, словно часть этой квартиры. Но я терпеть его не могла. Запах сигарет вызывал у меня отвращение до головокружения, а запах алкоголя был напоминанием о том, с кем нам приходится делить крышу над головой.

Я направилась на кухню, чтобы разобрать пакет с продуктами, а Адам молча ушёл в свою комнату, захлопнув за собой дверь. Я слышала, как он запер её изнутри — его привычный жест защиты, когда Генри был дома.

Только я начала опустошать пакеты, как дверь гостиной скрипнула, и из неё вышел Генри. Его тяжёлые шаги эхом отдавались у меня в голове. Я напряглась, чувствуя, как сжимаются плечи.

— Ну надо же, — хмыкнул он, останавливаясь в дверном проёме кухни. — Решила наконец-то купить продукты? Это что, ты мне хорошие новости сказать хочешь? — его голос звучал насмешливо, но в глазах уже читалась подозрительность. — Давай, говори. Ты ведь деньги получила, верно?

Его слова отозвались у меня в груди тяжёлым грузом. Я знала, что этот момент наступит, но оттягивала его, как могла. Попыталась выглядеть спокойной.

— Нет, — ответила я, убирая в холодильник молоко. — Я купила это на чаевые. На те, что были вчера. Последние...

Я почувствовала, как он напрягся. Его тон мгновенно изменился.

— Что значит последние? — произнёс он медленно, но с холодной угрозой в голосе.

Мои руки дрожали, пока я прятала хлеб в шкаф.

— Меня... меня уволили, — выдавила я, не глядя на него.

Наступила тишина. Такая гнетущая, что мне захотелось убежать. Но я знала, что это бесполезно.

— Что?! — выдохнул он, и я тут же услышала, как он сделал шаг ко мне. — Уволили? Ты смеёшься надо мной?

— Это не моя вина! — быстро сказала я, оборачиваясь к нему. — Там была... сложная ситуация. Клиенты вели себя неподобающе, а директор... он решил, что проще уволить меня.

— Сложная ситуация? — переспросил он, сжав кулаки. — Сложная ситуация?! Да мне плевать, какие там у тебя ситуации! Ты должна была работать! У тебя был шанс получить эти деньги, а ты просто всё испортила!

— Я не могла это контролировать, — прошептала я, отступая на шаг назад, когда он подошёл ближе.

— Не могла контролировать? Да что ты вообще можешь? — его голос становился всё громче, а я чувствовала, как внутри всё сжимается от страха. — Ты хоть понимаешь, что теперь будет? Думаешь, мне интересно разбираться с твоими проблемами?

— Я найду способ, — выдавила я, не в силах поднять взгляд. — Мне нужно просто больше времени, я обещаю, я всё исправлю. Пожалуйста, дай мне шанс...

Но Генри не хотел слышать мои слова. Он перебил меня, и в следующий момент я ощутила сильный удар по щеке. Я соскользнула с ног и упала на пол. Он схватил меня за волосы, и я вскрикнула от боли, пытаясь вырваться, но его рука была как железная хватка.

— Я дал тебе достаточно времени! — кричал он, его глаза пылали яростью. — Ты не понимаешь, что с тобой будет, если ты не отдашь мне деньги?! Ты хочешь, чтобы меня выгнали из квартиры, да?! Ты этого хочешь?!

Он снова ударил меня, и я еле удержалась от того, чтобы не заплакать. В ушах звенело, а мир вокруг становился туманным. Я пыталась держаться, не показывать свою слабость, но было слишком больно.

Я закрыла лицо руками, не зная, что делать, как остановить этот кошмар.

Вдруг я услышала голос Адама. Он выбежал в коридор и заплакал, умоляя Генри не делать этого.

— Пожалуйста, не трогай её! — кричал он, хватая Генри за руку, его голос дрожал от страха. — Она же моя сестра, не бей её!

Генри взглянул на Адама с яростью в глазах, и, не раздумывая, оттолкнул его в сторону, отправив его назад в комнату.

— Ты что, ещё и учить меня будешь?! — его голос звучал угрожающе, — Я тебе сказал, чтобы ты не мешал!

Он закрыл дверь перед его носом, не позволив ему вмешиваться, и снова повернулся ко мне. Мои слёзы катились по щекам, и я ощущала всю беспомощность ситуации.

Он продолжал бить, пинать, кричать на меня, но я уже ничего не слышала, в глазах потемнело, я ничего кроме боли не чувствовала. Глаза закрылись, в ушах звенело, я почувствовала как отключаюсь.

Глаза открылись тяжело, словно я пыталась прорваться через толстый слой тумана. Мир вокруг был размытым, звуки глухими и отдалёнными. Я моргнула несколько раз, пытаясь сосредоточиться, и постепенно разглядела белый потолок. Свет лампы резал глаза, а в нос бил запах антисептика. Я сразу поняла, где нахожусь. Больница.

Моё тело было словно чужим. Каждое движение отзывалось тупой болью, а дыхание давалось с трудом. Руки и ноги ныли, а на лице ощущался лёгкий зуд, словно кожа стянулась от синяков. Я осторожно подняла ладонь к губе, но тут же одёрнула её — боль пронизала всё тело, как электрический разряд.

Я попыталась сесть, но боль в ребрах заставила меня замереть. Боже, всё тело словно горело изнутри. Голова кружилась, а мысли путались. Что случилось? Генри. Вспышки воспоминаний заставили меня сжаться. Его лицо, перекошенное от гнева. Крики. Боль.

Я снова упала на подушку, чувствуя, как из глаз начинают катиться слёзы. Боль физическая была ничего по сравнению с тем, что я чувствовала внутри. Беспомощность. Унизительность. Этот ужас, который я испытала, вернулся волной, захлестнув меня.

Где Адам? Моя первая осознанная мысль прорвалась сквозь пелену страха. Сердце сжалось. Он ведь всё видел. Боже, что с ним? Он в порядке? Я хотела встать, найти его, убедиться, что с ним всё хорошо, но моё тело предательски отказывалось двигаться.

В этот момент дверь тихо приоткрылась, и я услышала чей-то осторожный шаг. Моё сердце забилось быстрее.

Это была Эмма. Её взгляд встретился с моим, и я увидела, как её глаза расширились от облегчения.

— Кайла! — прошептала она и, забыв о сдержанности, почти побежала ко мне.

Она опустилась на стул рядом с кроватью и схватила мою руку. Я заметила, как её глаза блестят, но она явно старалась держать себя в руках.

— Ты проснулась... Слава богу, ты проснулась, — произнесла она дрожащим голосом, вытирая лицо рукой. — Я так переживала!

Я смотрела на неё, не зная, что сказать.

— Как ты себя чувствуешь? Всё ли хорошо? Где-то болит? Нужно что-то? — она выпалила всё это на одном дыхании, почти не дожидаясь ответа.

Я немного повернула голову к ней, и боль в шее напомнила о себе.

— Воды, — только и смогла выдавить я.

Эмма тут же вскочила, налила воды в пластиковый стакан из кувшина на тумбочке и аккуратно поднесла его к моим губам. Я сделала пару маленьких глотков, чувствуя, как прохладная жидкость смывает сухость из горла.

Как только я закончила пить воду. Эмма убрала стакан и села рядом на стул.

— Эмма, как...

— Адам позвонил мне, — сказала она, её голос дрожал. — Он был в панике, сказал, что Генри... что Генри тебя бьет. Я не могла поверить. Я так испугалась, Кайла. Ты не представляешь, как я переживала.

Я закрыла глаза, и слёзы катились по моим щекам. Внутри было так тяжело, что я едва могла дышать. В голове все мысли смешивались в один беспорядок, но одна звучала яснее всего: *Адам не должен был это видеть, он просто ребёнок...*

Эмма, заметив мое состояние, аккуратно положила руку на мою, пытаясь дать хотя бы немного утешения.

— Когда я пришла, Генри уже не было дома, — продолжила Эмма, её голос звучал мягко, но с нотками тревоги. — Он, наверное, убежал. А Адам был рядом с тобой. Ты была без сознания... Он пытался тебе помочь, звонил мне.

— Где Адам? Он в порядке? — в голосе чувствовалась тревога. Я не могла перестать думать о нем, о том, как он переживал.

Эмма, заметив мою обеспокоенность, ответила спокойно:

— Он у нас, с моими родителями. Не переживай, они позаботятся о нем. Всё хорошо.

Я немного расслабилась, но чувство вины не отпускало. Он всё видел, переживал... я не должна была допустить, чтобы он оказался в таком положении.

Я пыталась привести свои мысли в порядок, но они всё равно путались в голове. А кто привез меня в больницу? Неужели Эмме пришлось таскать меня?

Задумавшись, я тихо спросила:

— А кто привез меня в больницу? Ты вызвала скорую ?

Эмма не сразу ответила. Её взгляд стал немного настороженным, как будто она пыталась подобрать правильные слова, но я ждала, не осуждая.

Как только она собралась ответить, в дверь палаты тихо постучали, и она открылась.

Внутрь вошёл мужчина средних лет в белом халате. Он выглядел представительно, с короткими темными волосами, на которых местами уже проглядывала седина. У него были спокойные карие глаза и доброжелательная улыбка, которая, казалось, должна была расположить к себе даже самых настороженных пациентов.

— Добрый день, — начал он, подходя ближе к кровати. Его голос звучал уверенно, но без излишней строгости. — Я ваш лечащий врач, Кевин Андерсон.

Я кивнула, не сводя с него взгляда. В его манерах чувствовалась профессиональная уверенность, которая немного ослабила моё напряжение, хотя полностью расслабиться я всё равно не могла.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, опустив взгляд на планшет с записями.

— Нормально, — ответила я слабо, хотя знала, что выгляжу далекой от этого "нормально".

Доктор присел на край кровати, отложил планшет и взглянул на меня:

— Давайте я вас осмотрю. Нужно убедиться, что ничего серьёзного не пропустили. Если что-то почувствуете, скажите.

Я кивнула, чувствуя, как напрягаюсь, когда он начал осмотр. Его пальцы осторожно надавливали на места, где синяки, проверяя, нет ли болей в рёбрах или внутреннего повреждения.

— Здесь больно? — спросил он, слегка надавив на бок.

— Да... немного, — призналась я, скривившись.

Он перешёл к рукам, осматривая ушибы и царапины. В какой-то момент поднял взгляд и добавил:

— Вы должны знать, что синяки могут болеть несколько дней. Постельный режим крайне важен. И, если появится головокружение или тошнота, обязательно сообщите мне или медсестре.

— Когда я могу уйти? — спросила я, не выдержав. В голове крутилась мысль о том, что мне надо вернуться к Адаму.

Он поднялся, встал ровно и строго посмотрел на меня.

— До завтрашнего дня вы точно останетесь здесь. Мы должны убедиться, что ваше состояние стабильно. А после... посмотрим.

Я стиснула зубы, чтобы не возразить. Оставаться здесь дольше казалось невыносимым, но спорить с врачом я не собиралась.

Врач пробыл в палате ещё несколько минут, задавал вопросы, что-то уточнял, записывал в свой планшет. Его присутствие хоть немного отвлекало от мыслей, которые буквально разрывали мою голову. После того как он вышел, палата погрузилась в тишину. Я слышала, как за дверью затихают его шаги, а потом наступила какая-то гнетущая пауза.

Эмма сидела рядом, опустив взгляд на свои руки. Я знала, что ей тяжело смотреть на меня в таком состоянии, но она не уходила, не отводила глаз.

И тут её голос разрезал эту тишину.

— Кайла... что случилось? Почему он так поступил? — спросила она, и в её голосе была смесь боли и осторожности. — И... это же не впервые, верно?

Её вопрос ударил меня сильнее, чем я ожидала. Моё сердце пропустило удар, и я отвернулась, глядя в окно. Слёзы опять подступили, но я заставила себя глубоко вдохнуть, стараясь успокоиться.

Что я могла сказать?

Признаться в том, что Генри — это моя вечная проблема? Что всё дело в деньгах, которых у меня никогда не было достаточно? Что я живу в постоянном страхе перед ним? Но как? Эмма не заслуживает услышать это сейчас. Я и сама не готова рассказать.

Я сглотнула и тихо сказала:

— Эмма, я... я не могу сейчас, — мой голос звучал тише, чем я ожидала. — Это не так просто. Я всё тебе расскажу, обещаю. Но сейчас... сейчас я просто не могу.

Она лишь кивнула, как будто понимала, что я действительно не в силах. Но я видела, как её руки сжались в кулаки, как в её глазах появилась смесь беспомощности и ярости. Она хотела мне помочь, но не знала, как.

— Хорошо, Кайла. Но ты должна знать... я рядом. Всегда. И если тебе нужно будет поговорить — просто скажи.

Я кивнула, но ничего не ответила. Она не настаивала, и я была ей за это благодарна.

Снова взглянула на нее, с трудом прогоняя все мысли о том, что произошло. Что-то внутри меня подсказывало, что она всё ещё что-то недоговаривает.

— Эмма, — я наконец решилась. — Кто всё-таки привез меня в больницу?

Она сразу замолчала, будто собираясь с мыслями, а потом осторожно посмотрела на меня.

— Сегодня, когда я была на работе с мамой, в кафе зашёл мужчина...

— Мужчина? — я нахмурилась. — Какой мужчина?

Эмма не сразу ответила, будто выбирала слова.

— Лука Кальвейра, — наконец произнесла она, наблюдая за моей реакцией.

Я застыла.

— Что? — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

Эмма кивнула и быстро заговорила дальше:

— Да, я тоже была в шоке. Он подошёл ко мне и начал расспрашивать о тебе.

— Обо мне? — я с трудом верила своим ушам. — Зачем?

— Он сказал, что хотел бы с тобой поговорить, — объяснила Эмма. — Чтобы я связалась с тобой. Он однажды видел нас вместе там и подумал что мы подруги. Поэтому он пришел.

Видел?

Я медленно опустилась на подушку, глядя в потолок.

Лука Кальвейра... Зачем он искал меня? О чём он хотел поговорить? Мы просто случайно пересеклись, а теперь он что, преследует меня? Эти мысли крутились у меня в голове, и я никак не могла их остановить.

Я попыталась найти логику в его действиях, но ничего не складывалось. *Почему он так... настойчиво проявлял себя в моей жизни?*

Но мои размышления прервал голос Эммы.

— После этого, — продолжила она, нервно сжимая свои руки, — мне позвонил Адам. Он кричал в трубку, плакал... Боже, Кайла, я так испугалась. Я вообще не понимала, что произошло, но сразу же начала собираться к вам.

Она замолчала на мгновение, а я почувствовала, как по спине пробежал холод.

— А Лука? — спросила я, пытаясь переключиться на её рассказ.

— Он увидел, как я тороплюсь и выгляжу растерянной. Спросил, что случилось. Я, честно говоря, даже не думала, просто выпалила, что мне нужно срочно к тебе.

Эмма закусила губу и бросила на меня извиняющийся взгляд.

— Он предложил меня подвезти, а я... я согласилась. Мне нужно было как можно быстрее попасть к вам, Кайла.

— Он... поднялся? — я с трудом задала этот вопрос, уже предчувствуя ответ.

Эмма кивнула:

— Да. Он поднялся со мной. Когда мы вошли в квартиру, там... был Адам. А тебя... тебя нашли уже без сознания. Лука помог тебя донести до машины, а потом отвёз в больницу.

Мои пальцы сжались на одеяле. Слишком много всего. Слишком быстро. Лука был там? Он видел всё это? Почему я снова чувствовала, что моя жизнь — это сплошной хаос, а я — едва удерживаюсь на ногах?

Вдруг раздался телефонный звонок. Эмма тут же достала телефон из кармана, мельком взглянула на экран и быстро ответила:

— Адам?

Её голос сразу изменился, став мягким и успокаивающим. Моё сердце замерло на мгновение, а потом начало биться быстрее.

— Да-да, всё хорошо, — продолжала Эмма, кивая как будто сама себе. — Твоя сестра рядом. Она в порядке. Хочешь поговорить с ней?

Эмма повернулась ко мне и протянула телефон. Я тут же взяла его, стараясь не показать, как сильно дрожат мои руки.

— Адам, — сказала я, приложив телефон к уху. Голос был хриплым и тихим, но я старалась говорить уверенно.

— Кайла! — воскликнул он, и я

почувствовала, как слёзы подкатывают к глазам. — Ты... ты в порядке? Как ты?

— Я в порядке, малыш, — ответила я, стараясь звучать бодро. — Как ты там? Всё хорошо?

— Да, всё нормально. Просто... просто хотел узнать, как ты. Ты точно в порядке?

Я закрыла глаза, чувствуя, как его забота согревает меня даже через телефон.

— Да, правда. Немного устала, но со мной всё будет хорошо.

— А когда ты вернёшься? — спросил он с надеждой.

Эти его слова заставили меня замереть на мгновение. Я знала, что он считает часы, ждёт меня дома.

— Сегодня ночью я точно буду здесь, Адам, — ответила я мягко. — А завтра врач скажет, когда я смогу вернуться.

— Хорошо. Но ты точно больше не пострадаешь, да?

Я почувствовала, как боль от его слов прошила меня насквозь.

— Нет, малыш. Не переживай за это. Всё будет хорошо. Я обещаю.

— Хорошо, — тихо ответил он. — Просто вернись, Кайла, ладно?

— Я вернусь, малыш. Обязательно вернусь, — пообещала я, и сердце защемило от того, что не могу быть с ним сейчас.

— Ладно... пока Кайла, — сказал он после небольшой паузы.

— Пока, малыш, — прошептала я, чувствуя, как по щекам катятся слёзы.

Мы попрощались, и я вернула телефон Эмме. Я отвернулась, чтобы скрыть от неё слёзы, но в груди разливалась тяжесть. Адам был слишком маленьким, чтобы видеть и знать всё это. И всё же он держался так, будто пытался стать сильнее ради меня.

Эмма провела со мной ещё несколько часов. Она старалась отвлечь меня разговорами о своей семье, о планах на день рождения мамы, но я не могла сосредоточиться. Внутри всё было пусто и тяжело.

— Может, я останусь на ночь? — предложила она, видя моё состояние.

— Не надо, Эм, — я слабо улыбнулась, чувствуя вину за то, что заставила её так волноваться. — Иди домой, отдохни. Ты и так весь день со мной.

Она помялась, но всё же согласилась, взяла свою сумку и, бросив на меня последний обеспокоенный взгляд, вышла.

Ночь тянулась бесконечно. Мне было трудно заснуть. Как только я закрывала глаза, воспоминания накатывали волной: крики Генри, его удары, лицо Адама, полное страха. Я пыталась отогнать эти мысли, но они возвращались снова и снова.

Когда за окном начало светать, я, наконец, провалилась в какой-то тревожный полусон, но вскоре проснулась от сухости в горле. Я с трудом встала с кровати, ощутив слабость в теле, и направилась к столику, где стоял стакан воды.

Я только успела сделать несколько глотков, как раздался стук в дверь.

Я замерла, удивлённая этим звуком. Сердце тут же забилось быстрее. Кто это мог быть так рано?

— Войдите, — сказала я, голос мой прозвучал тихо, но в полной тишине палаты он прозвучал достаточно ясно.

Дверь приоткрылась, и в палату вошёл высокий мужчина. На нём было длинное чёрное пальто, идеально сидевшее на его широких плечах. Его тёмно-каштановые волосы слегка растрепал ветер, а ореховые глаза внимательно скользнули по комнате, прежде чем остановиться на мне. Его лицо оставалось спокойным, но во взгляде читалась настороженность, будто он изучал каждую деталь.

Лука Кальвейра…

ГЛАВА 5

Удары разума

Лука

Темнота вокруг словно давила, но сквозь неё пробивался мягкий свет. Её руки мягко обнимали меня, пальцы нежно перебирали мои волосы, как она делала всегда, когда я был маленьким и тревожным. Её прикосновения были самыми тёплыми, самыми надёжными в моей жизни.

— Ты мой маленький воин, — сказала она, чуть улыбаясь. Её голос был как мелодия, которую я никогда не хотел забыть. Я прижимался к её коленям, чувствуя её запах — смесь лаванды и чего-то сладкого, неуловимого. Это был запах дома.

— Мама, а ты всегда будешь со мной? — спросил я, подняв голову, чтобы увидеть её лицо. Её глаза, светлые, лучистые, смотрели на меня с такой нежностью, что я чувствовал себя в безопасности, будто весь мир не мог причинить нам вреда.

— Всегда, милый, — она провела рукой по моей щеке, её улыбка была такой спокойной, будто ничего плохого никогда не могло случиться.

Я улыбнулся в ответ, и она рассмеялась, лёгким и тихим смехом, от которого становилось ещё теплее.

Но этот момент начал рушиться. Сначала — незначительный шум, который я почти проигнорировал. Потом звук, который заставил меня вздрогнуть, пронзительный и оглушающий, будто что-то разбилось. Грохот выстрела разорвал тишину.

Её глаза расширились. Улыбка исчезла. Она медленно выпрямилась, её руки дрогнули, словно она хотела меня обнять, но не смогла. Я не понимал, что происходит. Я смотрел на неё, в детской наивности ожидая, что она сейчас успокоит меня, скажет, что всё хорошо.

Но вместо этого её тело слегка качнулось, как сломанный цветок на ветру. Я увидел, как что-то тёмное и липкое начинает расползаться по её платью, и мой мир рухнул.

— Мама? — мой голос дрожал.

Она ничего не ответила. Её ноги подогнулись, и она опустилась на колени. Я видел её губы, они шевелились, но я не мог расслышать её слов. Глаза начали затуманиваться, как будто всё вокруг становилось медленным и нереальным.

Я бросился к ней, обхватил её за плечи. Её тело было ещё тёплым, но каким-то неестественно тяжёлым.

— Мама, что случилось? Что с тобой? — я тряс её, пытался разбудить, вернуть ту улыбку, которая была здесь секунду назад.

Её голова склонилась на бок, а в уголке её губ появилось что-то красное. Кровь. Я замер, но потом всё-таки снова закричал:

— Нет! Нет, пожалуйста, не уходи! — моё сердце билось как сумасшедшее.

Я пытался остановить кровь, прижимал руки к её груди, но она лишь стекала по моим пальцам, липкая и горячая. Слёзы начали катиться по моим щекам, смешиваясь с её кровью.

— Ты же обещала! — закричал я, обнимая её. — Ты сказала, что всегда будешь со мной!

Её глаза смотрели куда-то в пустоту. Она уже не слышала меня. Её руки, которые раньше так нежно меня обнимали, теперь лежали неподвижно. Я звал её снова и снова, пока весь мир не начал рассыпаться вокруг меня.

Мои крики разрастались, эхом отдаваясь во всём, что было вокруг. Но никто не приходил. Я был один. Один с её кровью, её холодеющим телом и этим невыносимым чувством потери.

Я резко открыл глаза. Сердце билось так громко, что казалось, его стук разносится по всей комнате. В груди жгло, а в горле стоял ком, от которого трудно было дышать. Я провёл рукой по лицу, стирая капли пота, и огляделся. Тусклый утренний свет пробивался сквозь плотные шторы, окрашивая комнату серыми оттенками. На часах было семь тридцать, но время казалось бессмысленным.

Кошмар. Опять этот чертов кошмар.

Я откинулся на подушку, смотря в потолок, пытаясь успокоить дыхание. Но воспоминания уже захватили меня, душили своей реальностью. Я чувствовал её запах, слышал её голос, видел, как её глаза угасают. Снова и снова. Это не просто сон. Это — воспоминание, которое раз за разом ломает меня.

Прошло столько времени... Больше десяти лет, но боль не становилась тише. Она просто затаилась где-то глубоко внутри, как зверь, который выжидает момента, чтобы напомнить о себе. Ударить сильнее.

Я тогда был ребёнком. Маленьким мальчиком, который ничего не мог изменить. Беспомощным. Этот шок, это ощущение, что весь твой мир рушится у тебя на глазах, — оно преследует меня до сих пор. Иногда я думаю: а если бы я что-то сделал? Что-то сказал? Но ведь я ничего не мог. Ничего.

Эта беспомощность — она въелась в меня, как яд. От неё невозможно избавиться. Она всегда со мной, в каждом шаге, в каждом решении. Я научился прятать её за спокойной маской, за своими делами, за властью, но внутри... внутри всё по-прежнему. Я тот же мальчик, который держал её за руки и смотрел, как жизнь уходит из её тела.

Я резко сел, не выдержав этих мыслей. Нет, хватит. Нужно выдохнуть. Оставить это. Я это повторяю себе каждый раз, но почему-то оно продолжает возвращаться.

Сбросив с себя одеяло, я встал с кровати и направился в ванную. Лёгкий холод плитки под босыми ногами заставил меня почувствовать реальность.

Включив воду, я смотрел, как поток бежит по керамике раковины. Я упёрся руками в края и уставился на своё отражение в зеркале.

Лицо выглядело напряжённым, будто все мои мысли и воспоминания проступали сквозь кожу. Я закрыл глаза, сделал глубокий вдох, пытаясь унять остатки ночных кошмаров.

Выходя из душа, я обмотал вокруг себя полотенце и прошёл в спальню. Ощущение прохладной воды на коже немного вернуло меня к реальности, но мысли о вчерашнем дне, как назойливые тени, не отпускали.

Я вспомнил, как сломал тому ублюдку запястье. И не жалею. Ни капли. Наоборот, если бы была возможность, я бы сделал это ещё раз и сильнее. Этот мерзкий взгляд, грязные руки, которыми он посмел дотронуться до неё... Внутри снова закипела злость, пальцы машинально сжались в кулаки.

Майкл. Именно он вчера позвал меня в новый бар. Сказал, что нужно отвлечься, что место приличное, с хорошей атмосферой. Я согласился, не ожидая, что этот вечер закончится так. Когда я вошёл, всё показалось обычным — шум, музыка, запах алкоголя. Но через минуту я заметил её.

Ту самую девушку.

Она стояла с подносом, стараясь нести себя спокойно, но её глаза выдавали всё. Усталость, напряжение, внутреннее сопротивление. Её шаги были быстрыми, но я заметил, как она замедлилась, увидев тот столик, в котором сидели те ублюдки. Я сразу понял — ей тяжело. Не физически, а морально.

«Медсестра... что она здесь делает?»— мысль не покидала меня весь вечер. Почему она работает в таком месте? Это место не для неё. Её не должны окружать эти пьяные ублюдки, пошлые взгляды и грязные шутки.

И всё же она выполняла свою работу. Шла к тому столику, подавала напитки, игнорируя ухмылки и смешки за спиной. Я видел её лицо. Видел, как ей было трудно. Она старалась, но было ясно, что каждый шаг давался ей с трудом.

Но это был не самый худший момент. Когда я увидел, как один из этих подонков осмелился протянуть руку и коснуться её бедра... Нет, тогда я не мог просто сидеть. Этот жест, его мерзкая ухмылка — всё во мне взорвалось.

Я поднялся и уже через секунду заломал его руку, со всей силой выкручивая запястье. Его крик эхом разлетелся по бару. Но меня это не остановило. Его боль не казалась мне достаточной расплатой за то, что он посмел тронуть девушку таким образом.

Я помню, как она стояла в стороне, шокированная, не зная, что сказать или сделать. Но мне было всё равно. Я сделал то, что должен был. Этот мерзавец получил по заслугам, и я не испытывал ни капли сожаления.

Я резко развернулся и вышел из бара.

А потом я услышал его голос.

Её директор, кажется, кричал на неё. Даже через шум я уловил фразу:

— Ты уволена!

Уволена? Прекрасно. Простите, за что? За то, что к ней приставались? За то, что она оказалась жертвой, а не виновником?

Я остановился на мгновение возле двери, раздумывая, стоит ли вернуться и вмешаться. Но нет, это не моё дело. Если её директор настолько туп, чтобы уволить сотрудницу за то, что она стала мишенью, то это даже лучше. Значит, ей не место там. Не безопасно работать в месте, где начальство не может обеспечить нормальных условий.

В машине я сидел несколько минут, обдумывая произошедшее. *Почему я так зациклился на этой девушке? Почему вмешался?* Ведь я даже не знаю её.

Когда она вышла из бара, её плечи были опущены, походка нервная, неуверенная. Она была в плачевном состоянии. Её трясущиеся руки, влажные от слёз глаза... И, чёрт, мне это не понравилось.

Но... в то же время что-то во мне зацепило этот образ. Неужели, эта работа была для неё так важна? Или, может, она действительно отчаянно нуждается в деньгах?

Моя челюсть напряглась. Это не моё дело, я повторял это себе снова и снова. Но вместо того чтобы завести машину и уехать, я продолжал смотреть, как она отходит от бара, как кутается в куртку, словно пытаясь спрятаться от всего мира.

Почему она меня волнует? Почему её слёзы заставляют меня задумываться?

Бред. Чистый бред.

Я всё-таки довёз её до дома. Оставить её одну на той остановке в такой поздний час было бы неправильно, особенно учитывая её состояние. Она выглядела сломленной, но при этом всё равно пыталась держать себя в руках, как будто боялась показать слабость.

Птичка... Эта девушка с глазами, в которых отражались и страх, и огонь, и усталость.

Она обвиняла меня в том, что её уволили. Говорила, что могла бы справиться сама. Может быть, она и права. Может быть, она бы действительно проигнорировала тех ублюдков, заставила бы себя не реагировать, не показывать страха. Но это не значит, что я должен был оставаться в стороне.

Даже если она ненавидит меня за это сейчас, я всё равно не жалею.

Как она может думать, что такое отношение можно терпеть? Никто не имеет права так нагло к ней прикасаться. Никто.

Когда мы подъехали к её дому, она быстро вышла, пробормотав что-то вроде "спасибо", и уже собиралась захлопнуть дверь, но вдруг остановилась.

— Кайла... — неожиданно сказала она, не глядя на меня. — Меня зовут Кайла.

Я поднял взгляд, чуть удивлённый её словами. Имя. Она всё-таки сказала своё имя. Короткое, но звучное, и в то же время мягкое, как сама она. Красивое имя. Ей подходит.

Она не стала дожидаться моего ответа. Просто быстро повернулась и направилась к двери, оставив меня одного. Я проследил за тем, как она вошла в подъезд, и только тогда, когда её силуэт скрылся за дверью, нажал на газ.

Её имя вертелось у меня в голове всю дорогу обратно.

Кайла...

Я хмыкнул, возвращаясь в свои мысли, и попытался отбросить её образ. Это была просто встреча, просто случайность.

И всё же, откинувшись на спинку водительского кресла, я снова и снова повторял про себя:

Кайла.

Телефон внезапно зазвонил, прервав мои воспоминания. Я посмотрел на экран, это был Рамиро.

— Привет, Лука, — сказал он, не теряя времени. — Поступило предложение о бое.

— С кем? — я сразу насторожился. Знал, что в последнюю неделю вариантов не так много.

— Тренер Джони Сильва звонил. Он предложил бой с его бойцом, Андреасом Моралесом, сегодня вечером, если ты согласен. Но есть один момент — сейчас ситуация с новостями нестабильная, я не уверен, стоит ли соглашаться, учитывая, что могут быть вопросы, — ответил Рамиро.

Я немного помедлил. Андреас Моралес был хорош — техничный, быстрый, но у меня был шанс. Я знал, что если подготовлюсь правильно, то победа моя.

— Согласен, — сказал я решительно, не раздумывая.

Рамиро немного замолчал, наверное, пытаясь понять, что я чувствую.

— Ты уверен? — наконец спросил он. — Потому что, если ты согласен, тебе нужно будет отвечать на вопросы. Особенно, если начнут расспрашивать про прошлый бой. Это будет проблемой, если не будешь готов.

— Я знаю, что сказать, — ответил я уверенно. — Если что буду честен, но по существу. Всё, что касается этого, я объясню, не будут больше вопросов.

Рамиро, как всегда, напомнил мне о другом.

— Ну и еще. Ты до сих пор не нашел себе партнершу для фиктивной женитьбы. Ты должен решить этот вопрос побыстрее, Лука. Нельзя так тянуть.

Я вздохнул. Эта тема меня не радовала, но я знал, что Рамиро прав.

— Да, знаю. Найду кого-то, не переживай. Это временно, я с этим справлюсь. Сейчас главное — бой.

Да, я понимал, что этот вопрос висит в воздухе. Время не ждет, и мне действительно нужно было как-то решить этот вопрос.

— Кстати, насчет Маркеса. Нужно найти доказательства, чтобы его отстранили. Он не может так легко уйти от ответственности за то, что сделал. Мы не можем просто оставить всё как есть.

— Мы работаем над этим, — ответил Рамиро. — У нас уже есть пара зацепок, но нужно больше доказательств, чтобы его окончательно прижать. Одного подозрения недостаточно. Я подключил пару людей, чтобы проверить его окружение и финансовые потоки. Если удастся доказать, что он нанял того человека, ему это не сойдет с рук.

Я кивнул, сжимая телефон в руке.

— Время у нас есть, но мне нужно, чтобы это двигалось быстрее. Каждый день эти слухи только набирают обороты.

Рамиро хмыкнул, но я услышал в его голосе нотки раздражения.

— Пусть говорят. Эти слухи ничего не значат. Правда выйдет наружу. Главное, чтобы ты держался и не обращал на это внимания. Мы всё сделаем.

— Знаю, но мне это не нравится, — признался я. — Этот ублюдок Маркес просто сидит и наблюдает, как меня втягивают в грязь, и ничего не боится. Он думает, что всё сойдет ему с рук.

— И это его ошибка, — отозвался Рамиро. — Уверен, мы найдем что-то, что его уронит. Люди, которых он нанял, обязательно где-то прокололись. Мы найдем эту цепочку. Главное, чтобы ты оставался спокойным и не лез туда, куда не надо. Тебе нужно сосредоточиться на бою с Моралесом.

Я вздохнул, понимая, что он прав, но внутри всё еще кипело.

— Хорошо, сейчас сосредоточься на подготовке. Я буду держать тебя в курсе, если появятся новости. И помни: сейчас главное — выйти на ринг и показать, кто ты есть. Всё остальное — позже.

— Ладно. Спасибо, Рамиро, — ответил я.

Я отключил телефон и несколько минут просто смотрел в потолок. Думал о том, как всё это зашло так далеко. Маркес испугался честного боя и решил ударить меня в спину. Теперь он смеет распускать слухи? Это всё нужно прекратить.

Но Рамиро прав. Моё место — на ринге. И если я хочу показать, кто здесь настоящий боец, я должен быть готов. Остальное — их работа. А моё дело — драться.

Я только отключил телефон и успел немного расслабиться, как раздался звонок в дверь. Я прищурился. Никого не ждал, но всё же пошёл открывать.

Когда дверь распахнулась, передо мной стоял Майкл. Неудивительно.

— Ну и куда ты вчера пропал? — начал он сразу, даже не поздоровавшись.

Я фыркнул, пропуская его внутрь.

— Я тоже рад тебя видеть, Майкл, — саркастично бросил я, закрывая за ним дверь.

— Не увиливай, Лука, — сказал он, оборачиваясь ко мне и пристально глядя. — Мы сидим в баре, болтаем, всё нормально, вдруг ты исчезаешь. Сначала думал, просто вышел, а потом понимаю — тебя нет.

И даже не предупредил меня! Я чуть не расплакался.

Я хмыкнул, качая головой.

— Ты точно преувеличиваешь.

— Ничего я не преувеличиваю, — с драматической обидой протянул он, но тут же подмигнул. — Если уж ты решил сбежать с девушкой, мог бы хотя бы поделиться деталями.

Я тяжело вздохнул, проходя к дивану.

— Слушай, Майкл, ты никогда не меняешься, — ответил я, но не смог удержаться от улыбки.

Но на этот раз он вдруг стал серьезнее. Его взгляд чуть сузился, и в голосе уже не было привычного веселья.

— Ладно, ладно, — протянул он. — А если серьёзно, куда ты всё-таки делся? Не отмазывайся.

Я вздохнул, понимая, что Майкл всё равно не успокоится.

— Пришлось спасать одну девушку, — сказал я коротко.

— Спасать? — Майкл приподнял брови. — От кого, если не секрет?

— Там был один ублюдок, который уже открыто к ней приставал. Девушка явно было не по себе, а тот становился всё наглее. Я вмешался, разобрался с ним и довёз её до дома.

Майкл удивлённо ахнул и откинулся на спинку дивана.

— Ах ты ж мой герой! Прямо рыцарь в сияющих доспехах. И как ты с ним справился?

Я пожал плечами, словно это было нечто обыденное.

— Сломал ему запястье.

На секунду Майкл замолчал, а потом громко расхохотался.

— Сломал запястье? Ну, ты даёшь, Лука.

Я усмехнулся, но быстро посерьёзнел.

— Только не всё так просто, как кажется.

— Что ты имеешь в виду? — Майкл тут же выпрямился, заметив перемену в моём тоне.

Я глубоко вздохнул, облокотившись на спинку дивана.

— Эта девушка там работала. И, как только я вмешался и разрулил ситуацию, всё вышло боком. Ее начальник уволил ее.

— Уволил? За что? — Майкл нахмурился, его улыбка мгновенно исчезла.

— Он решил, что это она устроила всю эту шумиху. Что якобы специально привлекла внимание, а потом всё это превратилось в скандал. Хотя на самом деле к ней приставал один из клиентов, — пояснил я, сдерживая раздражение. — Я просто вмешался, когда это уже перешло все границы.

— Вот же идиот, — пробормотал Майкл, качая головой. — Значит, вместо того чтобы разобраться, он просто взял и выгнал её?

— Именно. Она была расстроена. Сказала, что я всё испортил, и что, если бы я не вмешался, она бы как-то выкрутилась сама.

Майкл выглядел ошарашенным, и несколько секунд просто молчал, обдумывая услышанное.

— Лука, ты сделал то, что должен был сделать. Ты же не мог просто сидеть и смотреть, как этот ублюдок её достаёт, — сказал он наконец, уверенно глядя мне в глаза.

— Я знаю, но всё равно чувствую себя виноватым, — признался я. — Из-за меня она потеряла работу.

Майкл хмыкнул и откинулся на спинку дивана.

— Послушай, её уволил начальник, который даже не удосужился выяснить правду. Это его вина, а не твоя. Ты поступил правильно, Лука. Просто иногда люди не сразу это понимают.

Я вздохнул, размышляя над его словами.

— Может, ты и прав, — наконец согласился я.

— Конечно, прав, — Майкл подмигнул. — Ты спас её от реальной опасности. А работа? Работа найдётся. Особенно, если ты ей как-то поможешь.

Я поднял бровь, удивлённо глядя на него.

— Это что, совет?

— А то! — Майкл усмехнулся. — Она же на тебя разозлилась, так? Вот и покажи, что ты не только сломал запястье ублюдку, но и готов пойти дальше.

Я закатил глаза, но внутри понял, что Майкл в чём-то прав. Его слова прозвучали как нечто очевидное, что я сам, наверное, старался избегать в своих мыслях.

Скорее всего, девушка действительно нуждалась в деньгах. Если она потеряла работу из-за этой ситуации, то ей нужно было как-то справляться с последствиями. Я, конечно, не знал, какие у неё были планы, но помощь в таком случае могла бы быть полезной. Я мысленно начал прокручивать все варианты. Может, предложить ей какую-то работу, если она не против?

Вряд ли она согласится на что-то простое, но, возможно, можно как-то помочь ей в этом деле.

Майкл был прав в том, что я не мог просто так оставить её. Если она разозлилась и ушла, это не значит, что я должен отказаться от своей роли в этой истории. Но как подойти? Не знаю, как она воспримет моё предложение. Может, встретиться с ней и поговорить? Это могло бы помочь, даже если она всё ещё была недовольна тем, что я вмешался.

— Ты что-то задумался, — заметил Майкл, нарушив мои мысли.

Я выдохнул, встряхнув головой.

— Да, ты прав, — сказал я, ощущая, как мысли начинают складываться. — Мне нужно найти способ ей помочь. Даже если она сама этого не просит.

Майкл ухмыльнулся.

— Вот и правильно. Ты, похоже, сам понял, что должен сделать. Удачи, герой.

Мы с Майклом сидели в гостиной, уже два часа болтали обо всём на свете, но мысли о девушке не отпускали меня. В какой-то момент Майкл заметил, что я явно задумался, и спросил, что у меня на уме. Я вздохнул и, словно бы оправдываясь, сказал:

— Сегодня вечером бой, — добавил я, чтобы отвлечь его, хотя понимал, что Майкл вряд ли так легко отстанет от меня.

Он мгновенно подскочил, заулыбался и даже приподнял брови.

— Серьёзно? С кем? Тебя опять на ринг зовут? Не ожидал после новостей.

— Я тоже. Предложили, и я согласился. Видимо, нужно теперь всё сделать, чтобы не упасть в грязь лицом.

Майкл, как всегда, шутливо покачал головой.

— Я приду. Очень хочу увидеть, как ты на ринге сделаешь его. И чтобы эти новости про тебя исчезли. Ты покажешь, что никто не может с тобой тягаться. Ты реально лучший, Лука, пора, чтобы все это поняли.

Я откинул голову назад, слушая его слова, и на мгновение почувствовал прилив силы. Майкл, как всегда, умел найти нужные слова.

Мы ещё немного поговорили на разные темы, после чего Майкл встал, попрощался и ушел. Оставшись один, я всё же не мог успокоиться. Мои мысли вернулись к девушке и тому, что с ней произошло. Если честно, я так и не знал, как поступить. Но Майкл был прав — мне нужно было действовать.

Где я мог бы найти Кайлу? Я знал, что её дом — это не лучший вариант для встречи, но вот кафе, где я ее увидел... может, там её и найду. А может, её подругу, с которой она была.

Я быстро переоделся, накинул пальто и вышел из дома. Мысли о предстоящем бою начали отступать на второй план, потому что я понимал, что не могу просто так оставить эту ситуацию без внимания.

Когда я сел в машину, я почувствовал, как напряжение немного спадает. Я был готов к тому, чтобы, возможно, встретить её или хотя бы узнать, как она. Кафе было недалеко, и я решил, что не буду торопиться, чтобы лишний раз не думать о том, что меня ждет вечером.

Подъехав, я припарковался и на секунду задержался, глядя на кафе. Решив, что это единственный способ разобраться, я вышел из машины и направился внутрь, не зная точно, чего ожидать.

Я вошёл в кафе, и меня сразу окутала атмосфера уюта и тепла. Пространство было небольшим, но очень приятным: на окнах висели лёгкие занавески, из-за которых сквозь стекло проникал мягкий дневной свет. Деревянные столы были покрыты аккуратными скатертями в клетку, а на каждом стояли маленькие вазочки с цветами. В воздухе витал аромат свежесваренного кофе и ванильных пирогов, создавая ощущение спокойствия.

Народу было немного. Несколько человек сидели за столиками, кто-то листал меню, кто-то тихо разговаривал. Где-то в углу слышался звук кофемашины, а негромкая джазовая музыка добавляла кафе ещё больше очарования.

По левую сторону располагалась касса, за которой стояла девушка. Она что-то обсуждала с коллегой, и я понял, что она выглядит знакомо. Это она была тогда вместе с Кайлой. Возможно, это была её подруга.

Я направился к кассе, ощущая, как внимание вокруг словно сфокусировалось на мне. Девушка заметила, что я подхожу, и слегка удивлённо подняла взгляд.

— Привет, — поздоровался я, чувствуя лёгкое напряжение.

Девушка подняла на меня глаза, и на её лице отразилось лёгкое удивление.

— Привет... — ответила она, будто пытаясь вспомнить, кто я.

— Ты ведь подруга Кайлы? — спросил я, немного наклонившись к кассе.

Девушка моргнула, явно растерявшись от моего вопроса.

— Да... — протянула она, словно не была уверена, что ей стоит это подтверждать.

— Хорошо, — я выдохнул, стараясь, чтобы голос звучал мягче. — Ты не могла бы с ней связаться, пожалуйста? Если тебе конечно не трудно.

Она нахмурилась, её взгляд стал более настороженным.

— А зачем? — осторожно спросила она, скрестив руки на груди.

Я задумался на секунду, подбирая слова.

— Я просто хотел поговорить с ней. Произошел один случай, из-за меня, и я хочу...

Не успел я закончить, как раздался звонок её телефона. Она быстро достала его из кармана фартука и взглянула на экран.

— Извини, — сказала она, прежде чем ответить.

Я стоял молча, наблюдая за тем, как она поднесла телефон к уху.

— Алло? Да... что? — её голос мгновенно изменился. Он стал резким и напряжённым.

Её лицо побледнело, руки слегка задрожали, и она начала торопливо снимать фартук, одновременно пытаясь выслушать собеседника.

— Ладно, я скоро буду! — сказала она резко, отключив звонок и сунув телефон обратно в карман.

Она торопливо схватила свою сумку, явно не замечая меня.

— Эй, всё в порядке? — спросил я, обеспокоенный её реакцией.

Девушка повернулась ко мне, глаза наполнились тревогой.

— Нет, не совсем, — бросила она на ходу. — Мне нужно срочно идти.

— Подожди, что случилось? — я сделал шаг к ней, пытаясь остановить.

Она мельком посмотрела на меня, всё ещё явно взволнованная.

— Прости, мне нужно бежать, — сказала она наспех. — Кайла... она.. мне нужно к ней.

Я сразу напрягся. Пульс ускорился.

— Где она? Давай я тебя отвезу.

Девушка замерла на секунду, но потом, видимо, поняв, что спорить сейчас не время, кивнула.

Мы быстро добрались до моей машины, и девушка назвала адрес. Это был тот же адрес, что назвала и Кайла. Машина сорвалась с места, и я сразу прибавил скорости, ощущая, как тревога усиливается с каждым километром.

Я бросил на неё взгляд. Она сидела рядом, сжавшись в кресле, словно пыталась справиться с тем, что её переполняло. Её руки дрожали, она вытирала слёзы, которые, несмотря на все её попытки сдержаться, всё равно текли по щекам. Я не стал ничего спрашивать. Сейчас не время. Единственное, что я мог сделать, — это ехать как можно быстрее.

Мы промчались по узким улицам города. В голове роились вопросы. Что случилось? Насколько серьёзная ситуация? Но я отгонял эти мысли, стараясь сосредоточиться на дороге.

Когда мы прибыли, девушка молча выскочила из машины, даже не дождавшись, пока она остановится полностью. Я вылез следом, захлопнул дверь и поспешил за ней. Она не оборачивалась, шагала быстро и целеустремлённо, будто знала, что нужно делать, хотя её движения всё ещё выдавали нервозность.

Мы подошли к старому десятиэтажному дому. Стены облупились, краска на дверях давно выцвела, а лестница, ведущая внутрь, скрипела под ногами. В подъезде пахло сыростью, слышались тихие шаги и отдалённые голоса соседей. Лестничный пролёт был тёмным, освещённым лишь тусклой лампочкой на каждом этаже.

Девушка поднялась на второй этаж, я шёл за ней, стараясь не отставать. Под ногами скрипели деревянные ступени, а перила, ободранные до металла, казались ненадёжными.

На втором этаже она замедлила шаги и остановилась у одной из дверей. Она была приоткрыта, что сразу насторожило меня. Девушка сразу пошла к двери и толкнула её. Она тут же распахнулась, и мы вошли внутрь.

— Адам! Адам! — громко позвала она, её голос звучал тревожно и надрывно.

Квартира была небольшой и мрачной. Углы потемнели от времени, мебель выглядела старой и изношенной. Из кухни донёсся какой-то шорох, и мы направились туда. Девушка шагнула первой, я последовал за ней.

Как только мы вошли на кухню, я застыл.

На полу лежала Кайла. Её лицо было бледным, под глазом расплылся огромный синяк, губы потрескались, и из них текла кровь. На её одежде были пятна, похожие на кровь. Грудь едва поднималась — она дышала, но была без сознания.

Моё сердце сжалось, но сразу же вслед за этим пришла ярость. Кто мог сделать это? Почему? На что вообще нужно быть способным, чтобы так поступить с ней?

Я стоял, глядя на неё, и всё внутри кипело. Она выглядела так хрупко, так невинно как человек, который никогда никому не сделал ничего плохого. Её состояние было таким ужасным, что я с трудом мог смотреть на это. Каждая царапина, каждый след побоев словно впечатывался в моё сознание, вызывая одновременно жалость и гнев.

Я почувствовал, как мои кулаки сжались сами собой. Челюсть напряглась, дыхание стало тяжёлым. Кто бы ни был ответственен за это, он заплатит. Я был готов всё оставить, только чтобы найти этого ублюдка.

— Кайла... — пробормотала ее подруга, присев рядом с ней.

Моё сердце всё ещё билось тяжело, а мысли кружились в голове, не давая покоя. Я смотрел на Кайлу, но вдруг заметил движение в углу кухни. Там стоял мальчик, растерянно глядя на нас. Он был худеньким, с тёмными глазами, полными страха. На вид ему было лет семь-восемь.

Я замер на месте. Кто это? Ее брат?

Девушка сразу заметила его, и её лицо изменилось, хотя тревога не покидала её. Она подошла к мальчику, осторожно наклонившись и обняв его.

— Всё будет хорошо, — сказала она тихим голосом, пытаясь успокоить его. — Не переживай, всё будет хорошо. Я здесь, с тобой.

Мальчик не сразу поверил её словам, но, казалось, хотя бы немного успокоился от её присутствия. Он прижался к ней, как если бы искал защиты от всего, что происходило вокруг.

Я не стал терять ни секунды. Быстро подошёл к Кайле и нащупал пульс на её запястье. Он был слабым, но всё же был. Это уже было хоть каким-то облегчением. Но время терять нельзя было — ей срочно нужно было в больницу.

— Едем в больницу, — сказал я, обращаясь к её подруге.

Я осторожно взял Кайлу на руки, и в тот момент, когда её тело оказалось в моих руках, сердце будто застыло. Она была такой хрупкой, такой беззащитной. В этом моменте, когда я её держал, весь мир вокруг исчез. Только её лицо, бледное от боли и страха, и её дыхание, которое было таким слабым, что я мог почувствовать его на своей коже, оставались реальными.

Её запах коснулся меня неожиданно, как лёгкий ветерок. Это был мягкий аромат с нотками ванили и чего-то цветочного, словно только что распустившийся жасмин. Он был одновременно нежным и притягательным, пробуждающим ощущение покоя, несмотря на всю тревожность момента. Этот запах так не вязался с её состоянием — с её бледностью и слабостью, — что меня это почти сбило с толку. Он был словно отголосок той Кайлы, которой она была прежде, сильной и уверенной.

Она выглядела так уязвимо, как будто могла сломаться от любого резкого движения, и я, даже не осознавая этого, двигался с невероятной осторожностью, боясь причинить ей хоть

малейшую боль. Она была в моих руках, но мне казалось, что я не должен был её держать, что я могу что-то сделать не так и её состояние ухудшится. Я всё время наблюдал за её лицом, следил за каждым её дыханием. Это чувство было странным — тревога, смесь заботы и чего-то, что я не мог понять.

Я направился к машине, чувствуя, как её тело реагирует на каждое движение. Я пытался быть мягким, аккуратным, но не мог избавиться от ощущения, что я просто не имею права держать её так близко. И всё же, несмотря на это, я не мог остановиться.

Я был человеком, который привык сдерживать свои эмоции, который никогда не позволял себе терять контроль, но сейчас, глядя на неё, ощущая её лёгкое дыхание, в груди что-то ёкнуло. Я не мог понять, что именно это было. Всё, что я знал — я не хотел её терять, не хотел, чтобы ей было плохо.

Когда я уже подходил к машине, я осторожно уложил её на заднее сиденье, стараясь, чтобы ни в коем случае не причинить ей боли. Я посмотрел на её лицо ещё раз, и в сердце стало пусто и холодно. Тот кто сделал это с ней, кто бы он ни был, должен был заплатить. Но сейчас я должен был сосредоточиться на другом — на том, чтобы её спасти.

Ее подруга с мальчиком сели рядом, а я сел за руль. Не теряя ни секунды, я завел машину и быстро выехал на улицу, стараясь избегать пробок. Мои мысли были беспорядочными, но я старался сосредоточиться на дороге. Мальчик всё время смотрел на Кайлу, его руки сжимали её руку, а подруга что-то тихо говорила, чтобы успокоить его.

Через 15-20 минут, которые казались целой вечностью, мы наконец подъехали к больнице. Я остановил машину у входа, быстро выскочил и открыл заднюю дверь. Подруга с мальчиком сразу же выскочили, и мы с ними поспешили к дверям.

Медсестра, заметив нас, сразу же подбежала, и я едва успел сообщить, что нужна неотложная помощь. Она кивнула, почти не спрашивая подробностей, и уже через мгновение к нам подбежали врачи с носилками.

Я аккуратно передал Кайлу на носилки, следя за тем, чтобы она не пострадала ещё больше. Она была такой лёгкой в моих руках, как будто не весила ничего, и всё это время меня преследовала та же тяжесть в груди. Я чувствовал, как уходит весь контроль, и не знал, что будет дальше. Всё это время я сдерживал гнев и беспокойство, но теперь не знал, как буду с этим справляться.

Ее подруга с мальчиком последовали за нами, не отрывая взгляд от Кайлы. Мы вошли в больницу, где нас сразу встретили врачи. Я не мог оторвать взгляда от неё, следил за тем, как её уносят, и всё внутри меня сжималось.

Часы в больничном коридоре тикали медленно, словно нарочно испытывая моё терпение. Мы с её подругой ждали уже, наверное, часа два. Когда мы приехали, она сразу позвонила кому-то и попросила забрать ребёнка, чтобы он не находился здесь в таком напряжении. Теперь мы сидели вдвоём, каждый погружённый в свои мысли.

Я время от времени поднимался и начинал ходить взад-вперёд, чувствуя, как внутри накапливается беспокойство. Девушка молчала, её взгляд был прикован к дверям, за которыми находилась Кайла.

Наконец, дверь открылась, и из неё вышел врач. Мы оба мгновенно замерли, ожидая его слов.

— С ней всё будет хорошо, — начал врач. — У неё сильные ушибы лица и ребра и несколько глубоких порезов, но ничего опасного для жизни. Однако организм у неё слабый, ей потребуется время на восстановление.

Слова врача немного сняли напряжение, и я почувствовал, как плечи чуть расслабились.

— Когда я могу её увидеть? — спросила ее подруга.

— Она пока отдыхает. Думаю, минут через тридцать вы сможете войти, — ответил он и ушёл.

Я вздохнул, ощутив облегчение.

В этот момент мой телефон зазвонил. Я вытащил его из кармана и увидел имя Рамиро.

— Да? — ответил я.

— Лука, нам нужно готовиться к бою, — начал он без лишних слов. — Время идёт, а ты пропадаешь.

Я бросил взгляд в сторону комнаты, где лежала Кайла.

— Я скоро буду, — сказал я ровным голосом.

— Не затягивай, — коротко бросил он и повесил трубку.

Я убрал телефон в карман и посмотрел на её подругу. Мне нужно было уходить, но я знал, что она не оставит Кайлу. Это немного успокаивало, хотя я всё равно не мог полностью избавиться от чувства тревоги.

Я подошёл ближе, немного смягчив голос.

— Если что-то понадобится, позвони мне, — сказал я, немного смягчая голос. — Дай мне свой телефон, я запишу свой номер.

Она посмотрела на меня с лёгким колебанием, но потом всё же протянула мне свой телефон.

Когда я записывал номер, меня осенило: я даже не знаю её имени. Я поднял взгляд и спросил:

— Как тебя зовут?

— Эмма, — ответила она после короткой паузы.

Я кивнул, вернув ей телефон.

— Приятно познакомиться, Эмма. Я Лука... хотя ты, наверное, уже знаешь.

Она слегка улыбнулась, впервые за всё это время.

— Знаю. Спасибо, Лука. За то, что привёз нас сюда. Не знаю, что бы мы делали без тебя.

Её благодарность прозвучала искренне, и я лишь коротко кивнул, не найдя, что ещё сказать.

— Береги её, — добавил я напоследок, прежде чем развернуться и уйти.

Я вышел из больницы, тяжело выдохнув. Воздух снаружи был прохладным, и он слегка остудил мои мысли, но не настолько, чтобы прогнать всё, что я только что увидел. Я направился к своей машине, чувствуя, как гнев внутри меня снова нарастает. Какой жалкий трус мог поднять руку на девушку, которая едва могла себя защитить?

Я сел за руль и на мгновение замер, сжимая руль чуть сильнее, чем следовало. Запустив двигатель, я взглянул на экран телефона, где Рамиро уже отправил мне адрес. Я выехал на пустую дорогу, машин почти не было. Ехал быстро, но мысли снова возвращались назад.

Бой. Это то, что мне сейчас нужно.

Адреналин, злость, физическая разрядка — всё это должно помочь выбросить из головы образ её побитого лица и крови, стекающей по губе. Я сжал руль, чувствуя, как по венам прокатывается привычное напряжение перед боем.

Но что-то внутри всё равно было не так. *Кайла*. Почему она не выходит из головы? Я злился на себя за то, что снова думаю о ней, но не мог остановиться.

*Почему?*Почему я так зациклился на этой девушке? Я ведь едва её знаю. Всего несколько случайных встреч, никаких общих историй, ничего, что могло бы объяснить это. Но стоило мне закрыть глаза, и я видел её лицо: испуганное, побитое, но при этом упрямое, будто она боролась до последнего.

Это не было жалостью. Нет. Что-то другое. Что-то, от чего у меня внутри сжималось сердце, а разум бунтовал. Я пытался убедить себя, что это просто злость на того, кто мог так с ней поступить. Но это было больше, чем злость.

Ты не знаешь её.

Повторял я себе снова и снова, пока ехал. Но эта мысль только раздражала. Почему мне было так важно, чтобы она была в безопасности? Почему я чувствовал, будто должен что-то сделать для неё?

Ответов не было. Только эти бесконечные вопросы и её образ, застрявший у меня в голове. Я свернул на нужную улицу, приближаясь к месту, где меня должен был встретить Рамиро. Бой уже скоро, и я знал, что это единственное, что поможет мне избавиться от всех этих мыслей.

Я бил по груше, каждый удар отдавался в плечах, но я не обращал внимания. Уже как тридцать минут я готовился к бою, чувствуя, как мои мышцы постепенно входят в нужный ритм. Зал был наполнен напряжённой тишиной, только звук удара перчаток о резину груш и мой тяжёлый дыхательный ритм нарушали её.

Майкл сидел у стены, наблюдая за мной с ухмылкой. Конечно, он не мог удержаться от комментариев.

— Ты что, с ней на смерть, что ли? — сказал он, когда я нанес очередной удар, заставив грушу едва не оторваться от цепи. — Бедная груша, наверное, уже пожалела, что попала в твои руки.

Я бросил на него короткий взгляд, но не ответил. Майкл всегда был таким — шутник, который старался разрядить атмосферу. Он видел, что я напряжён, и не мог это игнорировать.

— Слушай, а что ты такой напряжённый? — добавил он, прислонившись к стене. — Это просто бой, как всегда. Ты же обычно таким не бываешь.

Я на секунду остановился, провёл рукой по лицу, чтобы вытереть пот, и коротко ответил:

— Просто хочу закончить это дело как можно быстрее.

Майкл прищурился, но не стал дальше лезть. Он только ухмыльнулся.

— Ладно, твой стиль, как всегда: меньше слов, больше дела. Только не взорвись там.

Дверь зала распахнулась, и в помещение уверенным шагом вошёл Элайджа. Он окинул взглядом меня, Майкла и грушу, которая всё ещё покачивалась от моего последнего удара.

— Зал уже полон, — сообщил он, глянув на часы на запястье. — Всё почти готово. Осталось 10 минут.

— Вовремя, как всегда, — усмехнулся Майкл, разрывая тишину. — Лука тут уже такую подготовку устроил, что грушу, наверное, надо будет менять.

Элайджа скрестил руки на груди, прислонившись к стене.

— Надеюсь, ты ещё не истощил себя перед боем, — заметил он с лёгким упрёком. — Соперник — серьёзный парень.

Я бросил полотенце на скамейку и посмотрел на Элайджу.

— Это не первый мой бой, — отрезал я.

— Никто и не сомневается, — ответил он спокойно. — Но важно выйти туда с ясной головой.

— Голова у него ясная, — вставил Майкл, усмехаясь. — Просто он весь день злится на кого-то, вот и использует грушу как замену.

— Майкл, — бросил я, устало посмотрев на него.

— Ладно, ладно, я всё понял, — Майкл поднял руки, словно сдаваясь. — Просто скажи потом, если эта груша потребует замены.

Элайджа слегка улыбнулся, но его тон остался серьёзным.

— Ты знаешь, кто будет в зале? Там несколько крупных спонсоров и журналисты. Если хочешь что-то сказать, лучше заранее подумай.

Я кивнул, натягивая перчатки.

— У меня нет времени думать о лишнем, Элайджа. Я выйду на ринг и сделаю то, что должен.

— Вот и отлично, — сказал он, отталкиваясь от стены. — Тогда не задерживайся. Нам нужно начинать вовремя.

Он развернулся, готовый уйти, но Майкл снова вставил свои пять копеек.

— Элайджа, а ты не думал сам выйти на ринг? Мне кажется, тебя все эти годы недооценивают.

— Ты бы и сам мог попробовать, — бросил Элайджа через плечо, усмехнувшись. — Но сначала убеди Рамиро взять тебя в команду.

Майкл лишь рассмеялся, а я, покачав головой, поднялся и взял своё полотенце.

— Ладно, пора, — сказал я, двигаясь к двери.

— Наконец-то, — Майкл вскочил со скамейки. — А то я уже думал, что бой будет между тобой и грушей.

Я лишь покачал головой, шагнув следом за Элайджей.

Я вышел из тренировочного зала, чувствуя, как напряжение сменяется абсолютной сосредоточенностью. Каждый шаг к рингу приближал меня к тому, ради чего я здесь.

Шум толпы за стенами становился всё громче. Адреналин уже прокачивался по венам, мышцы были готовы. Бой — это то место, где я чувствую себя живым, где нет ничего лишнего: только я, соперник и цель.

Мои мысли блуждали, пока я шёл по коридору. Кайла мелькнула перед глазами. Я стиснул зубы. Эти образы разжигали внутри ещё больше ярости, ещё больше решимости. На ринге я мог всё отпустить. Там была моя свобода, там всё становилось проще.

Сейчас я был готов драться. Не только драться, но и победить. Я должен. Это не просто бой, это возможность доказать всем, что я всё ещё лучший.

Как только я подошёл к последнему коридору перед выходом на арену, я заметил Рамиро. Он стоял, опершись на стену, и разговаривал с кем-то из организаторов. Его спокойный вид контрастировал с шумом и хаосом вокруг. Но, как только он увидел меня, сразу сменил позу и кивнул, подавая знак.

— Готов? — спросил он, когда я подошёл.

— Как никогда, — коротко ответил я.

Рамиро слегка улыбнулся, но глаза оставались серьёзными.

— Это твой момент, Лука. Ты знаешь, что делать. Покажи всем, почему ты на вершине.

Я посмотрел на него, не скрывая решимости.

— Они это запомнят, — твёрдо сказал я.

Рамиро кивнул, и я направился к проходу, ведущему на ринг. Толпа ревела за стенами. Я знал, что они все ждали этого момента. Моего выхода. Моей победы. Все взгляды были прикованы ко мне, но я не позволял себе теряться. Я был здесь, на этом ринге, потому что был готов.

Как только я шагнул на арену, мой взгляд встретился с глазами Андреаса Морелеса. Он стоял в другом углу ринга, смотря на меня с таким же хладнокровием, с каким я смотрел на него.

Андреас был на голову выше меня. Его мускулистое тело и уверенная поза говорили о многолетних тренировках и победах. У него был суровый взгляд, немного вызовущий, и я видел, что он тоже не сомневается в своей силе. Но это не пугало меня. Я знал, что могу

победить его. Он был сильным, но не непобедимым. Я не раз сталкивался с такими, как он. И я знал, что каждый может упасть.

Мы стояли друг против друга, и напряжение в воздухе было осязаемым. Каждый из нас ждал сигнала, зная, что всё решится здесь и сейчас.

Когда нас начали готовить к бою, я сосредоточился. Забывал о толпе, о Морелесе, о всех этих глазах, которые наблюдали за нами. Я знал, что нужно просто делать своё дело. На ринге я становился тем, кем должен быть — человеком, не знающим поражений.

Толпа стихла, и комментатор, будто знал, что нужно каждому из нас, произнес последние слова, которые разнеслись эхом по залу:

— Итак, бой начинается! Внимание!

Я глубоко вдохнул и сосредоточился. Всё, что я знал, это то, что я должен оставаться собой. На ринге я был один, и вся моя жизнь сводилась к этому моменту.

Моралес стоял напротив, готовый к атаке. Его глаза искрились решимостью, но я видел, как он тоже присматривался. Я знал, что он готов, но я тоже был готов. И именно это ощущение готовности сейчас было для меня самым важным.

Гудки сигнала, и бой начался.

Я сделал первый шаг вперёд. Моралес тоже не замедлил, он выскочил в центр ринга с быстрым, уверенным движением. Его мускулы напряжены, взгляд холодный и решительный. Я понимал, что он не собирается сдавать позиции.

Я подставил защиту, следя за его движениями. Он был быстрым, слишком быстрым для такого громоздкого тела, но я знал, что его силы в какой-то момент иссякнут, если я буду терпеливым. Моралес сделал первый выпад — прямой удар в голову, я успел отразить его блоком, почувствовав, как рука от удара немного затряслась, но я не дал этому меня остановить.

Он снова пошёл в атаку, пытаясь подловить меня на контратаке. Но я уже предугадывал его шаги, знал, как он действует. Я успел увернуться, пропустив лишь несколько боковых ударов, и тут же ответил быстрым джебом в лицо. Я почувствовал, как его голова откинулась назад, а сам Моралес немного замедлился. Это было моё время. Два удара — мощных и точных — я не оставил ему шансов на мгновенное восстановление. Видел, как его лицо искажает боль, но он не сдался.

Бой продолжался, и я уже почти ощущал вкус победы. Моралес был явно уставшим, его удары становились все менее точными. Я чувствовал, как каждый мой удар приносил мне всё больше уверенности. Я уже почти был готов нанести решающий удар, как вдруг — резкий и сильный удар в живот. Я не успел полностью его блокировать, и его кулак врезался в мою диафрагму. Мои легкие сжались, и я на мгновение потерял дыхание.

Он воспользовался моментом, и мне пришлось отступить на шаг. Но это не было концом. Я не мог позволить себе сдаться, даже если моё тело горело от боли. Я сжал челюсть и заставил себя продолжать. Я был близок к победе, не мог позволить этому ублюдку перехватить инициативу.

Моралес сделал ещё один мощный выпад, но я успел увернуться. В этот момент я почувствовал, как внутреннее напряжение взлетает до предела. Он был близок к падению, но сильный удар в живот снова сбил меня с толку. Я почувствовал, как воздух вырывается из лёгких, и на мгновение перед глазами потемнело. Но, не давая себе сдаться, я продолжал бороться, борясь с болью и усталостью.

И тогда, когда я почувствовал, что уже на грани, перед глазами снова возникла картина Кайлы — её побитое тело, её страдания, и я понял, что должен сделать. Это было как удар в моё сознание, мощный и болезненный. Я больше не мог медлить. Я должен был победить. Я вспомнил, как её лицо было искажено болью, и с каждым ударом я чувствовал, как ненависть и решимость наполняют меня. Боль в животе отошла на второй план. Я видел только её.

Моралес попытался снова атаковать, но я был уже в другом состоянии. Мои удары становятся всё более быстрыми, жестокими, точными. Я чувствую, как мои кулаки сжимаются в молоты. Он больше не может остановить меня. В какой-то момент я провёл по его бокам несколько ударов, он пошатнулся, а потом — ещё один мощный удар в челюсть. Он ослабел и упал на колено. Это было всё, что мне нужно было.

Толпа замирает, как будто весь зал замер в ожидании. Я стою перед ним, готовый завершить этот бой. Он ещё пытается подняться, но я уже знаю, что в этот раз его сила не выдержит. Я добиваю его последним ударом. Моралес падает, и рефери сразу начинает отсчёт.

— Один... два... три... — его голос эхом отдаётся в зале. И вот, когда счёт достиг числа "десяти", я понял, что победил.

Я стою, тяжело дыша, чувствуя, как боль в теле начинает накатывать, но победа ощущалась лучше любого обезболивающего. Я смотрю на побежденного Моралеса, его лицо слабо искажено болью.

— Победитель — Лука Кальвейра! — объявил рефери, и зал взорвался аплодисментами.

Ко мне подошёл Рамиро, с широкой улыбкой на лице, как всегда уверенный в своём бойце.

— Я знал, что ты выиграешь, — сказал он, хлопнув меня по плечу. — Отличная работа, Лука.

Вскоре подошли Майкл и Элайджа.

— Отлично, брат, ты сделал это, — сказал Майкл, его улыбка была яркой.

— Всё, как и ожидалось, — добавил Элайджа.

Я благодарно кивнул, ощущая, как тяжёлые шаги постепенно отходят от меня. Но когда я уже собирался покинуть ринг, меня остановили журналисты.

— Лука! — крикнул один из них, протягивая микрофон. — Поздравляем с победой! Но не можем не спросить... про прошлый бой. Вы ведь должны были встретиться с Маркесом, но по каким-то причинам не смогли выйти на ринг. Что случилось? Почему вы отказались?

Я почувствовал, как напряжение охватывает меня с головы до ног. Рамиро немного наклонился вперёд, его глаза сузились, и я мог почувствовать, как он готов вмешаться, если ситуация выйдет из-под контроля. Он был рядом, но сейчас я был на этой арене, в центре внимания, и мне предстояло самому выбрать, как ответить.

Я знал, что говорить правду — о том, что Маркеса хотел моей смерти — было бы слишком опасно. Это могло привлечь лишнее внимание, а я не был готов раскрывать такие карты. Я взглянул на Рамиро, он кивнул мне, давая понять, что мне нужно придумать что-то другое. Всё, что я мог сделать, это придумать правдоподобное объяснение.

Я сделал глубокий вдох и, стараясь звучать уверенно, сказал:

— Это было связано с семейными обстоятельствами. Были личные проблемы, которые требовали моего внимания, и я не мог выйти на бой. Но теперь я здесь, и готов двигаться дальше, сосредоточиться на настоящем.

Журналисты сразу оживились, и как только мои слова были произнесены, мне засыпали вопросами.

— Семейные обстоятельства? Это что-то серьёзное?

— Лука, можно узнать, что именно произошло? Это касается вашей личной жизни?

— Множество фанатов интересуются, почему вы не раскрываете подробности... Мы все ждали этого боя, и теперь этот новый этап в вашей жизни вызывает столько вопросов. Можете немного рассказать?

Я почувствовал, как напряжение нарастает, когда один из журналистов снова поднял микрофон и задал вопрос:

— Лука, может быть, у вас появилась спутница? Это, похоже, важный момент в вашей жизни... Мы все заметили изменения в вас, и многие фанаты задаются вопросом, кто же эта загадочная девушка?

Мой взгляд немного затуманился, и я сразу почувствовал, как внутреннее напряжение усиливается. Я знал, что этот вопрос не будет таким простым, как предыдущие. Я хотел бы оставить часть своей жизни в тени, но отвечать на такие вопросы было неизбежно. Я не знал, как именно сформулировать ответ, поэтому немного замешкался. Несколько секунд казались вечностью, но я всё-таки решил ответить.

— Да... — сказал я, наконец, после паузы. — У меня действительно появилась спутница. Это что-то важное для меня.

В зале повисла тишина, а потом раздались вопросы из толпы:

— Кто она? Мы знаем, что вы всегда держали свою личную жизнь в тайне, но теперь что-то изменилось?

— Это что-то серьёзное? Намекаете на свадьбу?

Мои мысли в тот момент были совсем не о том, чтобы обсуждать детали моей жизни. Я не собирался рассказывать всему миру, кто она, и как именно сложились наши отношения, но я знал, что отвечать уклончиво было бы ещё хуже. Я не спешил с ответом, потому что знал, что нужно быть осторожным в каждом слове.

— Пока не готов обсуждать все подробности, — сказал я, сдержанно улыбаясь. — Но да, это важно для меня. Всё в своё время.

Я сделал ещё один шаг назад, пытаясь уходить от журналистов, и тут же охрана вмешалась. Они быстро обступили меня, создавая барьер между мной и надоедливыми журналистами. Я поблагодарил их взглядом и, наконец, смог пройти в раздевалку.

Когда я вошёл в комнату, чтобы переодеться, дверь снова открылась, и вошёл Рамиро. Его лицо сохраняло спокойное выражение, но в глазах всё равно была заметна искра удовлетворения.

— Всё прошло отлично, — сказал он, не обратив внимания на мои мысли о том, что ещё предстоит. — Ты ответил на вопросы как профессионал. Они поверили в твою историю.

Я кивнул, сбрасывая с себя спортивный костюм и бросая взгляд в зеркало. Кажется, мне удалось немного выйти из ситуации с минимальными последствиями.

— Всё отлично, — повторил Рамиро, но я сразу понял, что он всё-таки что-то хотел сказать.

— Я в душ, — произнёс я, направляясь к двери душевой. Но как только я коснулся ручки, Рамиро остановил меня.

— Лука, если уж всё так сложно, я мог бы поговорить с Эвелин... — начал он, с очевидной задумчивостью на лице.

Я резко обернулся, перебив его:

— Всё под контролем, Рамиро. Я уже нашёл её. Девушку для фиктивной помолвки. Не переживай, всё решится.

Я сказал это твёрдо, с уверенностью, хотя внутри немного терзался. Но не хотелось обсуждать это с ним сейчас. Я повернулся к двери душевой, открыл её и зашёл внутрь, не сказав больше ни слова. Рамиро молча следил за мной, и как только я закрыл дверь, он вышел.

Я стоял под струей горячей воды, позволяя ей скользить по коже и немного успокаивать напряжение, которое все еще оставалось в теле после боя. В голове, однако, было не до расслабления. Мысли о помолвке не покидали меня.

Помолвка... фиктивная, конечно, но всё равно серьёзное обязательство. Я сказал, что нашёл девушку для этого, но в глубине души чувствовал, что на самом деле это не совсем так.

Не удивительно, что Рамиро предложил Эвелин. Мы с ней встречались какое-то время, и, возможно, в его глазах она казалась хорошим вариантом для таких вещей. Но в моей голове

не было уверенности. Мы расстались по обоюдному решению, оставшись при этом хорошими друзьями. С Эвелин мы познакомились ещё в подростковом возрасте, и отношения, которые возникли между нами, скорее были удобными, чем наполненными любовью. Я уважаю её как человека, но не думаю, что фиктивная помолвка с ней была бы хорошей идеей.

Я быстро завершил душ, вытираясь и одеваясь, я посмотрел в зеркало. Мои глаза на мгновение задержались на шраме, который оставался на боку, место которое Кайла зашивала мне несколько дней назад. Я не мог забыть, как она заботилась о моей ране, как её руки, полные волнения, аккуратно держали швы.

В голову пришла мысль, которая не давала мне покоя всё это время. Всё равно, я думал об этом ещё днём, когда видел её в таком состоянии. Она была так хрупка и потеряна, но теперь я понимал, что в этом была ещё одна сторона — она нуждалась в помощи, и мне хотелось её поддержать.

Я бы мог предложить ей фиктивную помолвку. Это было бы хорошее решение для обеих сторон. Я мог бы помочь ей финансово, она могла бы получить безопасность, которую она явно искала. Это не было бы чем-то обязывающим, и всё же... она бы могла получить поддержку, особенно если ей тяжело.

Её гордость, — вот, что заставляло меня сомневаться. Она не из тех, кто будет просить о помощи или принимать что-то, что ей не кажется достойным. Но мысль о том, что я могу предложить ей это, не оставляла меня. Я понимал, что предложить ей фиктивную помолвку — это не простое дело, даже если бы это было выгодно для нас обоих. Но мысль о том, что я мог бы помочь, не покидала меня. Да, она может отказаться, но, может, и согласится.

Я посмотрел на свой телефон, чтобы проверить время, было полдесятого. Вдруг заметил, что есть непрочитанное сообщение. Это было от Эммы.

Эмма: *Кайла проснулась, с ней всё хорошо, можешь не переживать;)*

Я почувствовал облегчение, и на мгновение, даже не осознавая этого, улыбнулся. Я был рад, что с ней всё в порядке. Набрал быстрый ответ.

Я: *Очень хорошо! Её же не выписали?*

Не прошло и минуты, как пришёл ответ.

Эмма:*Нет, она в больнице ещё. Скорее всего до завтра.*

Я: *Хорошо, спасибо)*

Я убрал телефон и почувствовал, как напряжение немного спало. Теперь я знал, что всё обошлось, и с Кайлой всё в порядке.

Потом я собрался, оделся и, взглянув на часы, понял, что уже поздно. В больницу отправлюсь завтра утром. Нужно будет поговорить с Кайлой, узнать, как она себя чувствует, и, возможно, обсудить кое-что важное.

Собрав мысли, я вышел из комнаты, решив, что сегодня мне больше не стоит задерживаться.

ГЛАВА 6

Тень сомнения

Кайла

В голове сразу закрутилось множество мыслей. Я всё ещё не могла понять, зачем он пришёл, да ещё так рано. Моё тело напряглось, словно инстинктивно готовясь к чему-то. Лука стоял в дверях, его взгляд не покидал меня, и я почувствовала, как напряжение растёт с каждым его шагом, приближающимся ко мне.

— Привет, — произнёс он, коротко и без излишних эмоций.

— Привет... — ответила я, не в силах скрыть своё недоумение.

Всё это было так неожиданно. Зачем он пришёл? Эмма говорила, что это он привёз меня в больницу. Но что ему нужно теперь? Неужели он действительно пришёл проведать меня? Может быть, он увидел меня в том состоянии и почувствовал ответственность?

Тишина повисла в комнате, тяжёлая, почти осязаемая. Я могла услышать, как в голове продолжают звучать эти вопросы, но ответа не было. Он не торопился говорить, его взгляд по-прежнему не отрывался от меня, и я не могла понять, что он на самом деле чувствует или думает. Я не могла удержаться и спросила:

— Что ты тут делаешь?

Он слегка пошевелился, сделав несколько шагов вперёд, приблизившись ко мне. Он двигался с такой лёгкостью, что я не сразу поняла, как быстро он оказался рядом. Когда он встал передо мной, я почувствовала резкий, почти невесомый запах, который сразу привлёк моё внимание. Это было что-то тёплое и уютное, но в то же время необычное и тяжёлое.

Имбирь? Ваниль? Корица? Нет... Нет, это не было что-то сладкое. В его аромате ощущалась древесная свежесть. *Кедровое дерево?* Да, именно это! В его запахе ощущалась лёгкая свежесть, словно он только что прошёл через лес и принес с собой этот природный аромат. Что это были за духи?

Я пыталась вернуть мысли в порядок, но запах как будто проник в мои мысли, заставив меня на мгновение забыть о том, что я хотела спросить.

Лука стоял прямо передо мной, и теперь его взгляд стал немного мягче, но я всё ещё не могла понять, что он здесь делает.

— Я пришёл, чтобы увидеть, как ты. Всё ли с тобой в порядке, — его слова звучали искренне, и в них не было ни скрытых намерений, ни пустых формальностей. Он действительно интересовался, как я себя чувствую. — И поговорить с тобой, если ты не против.

Тихо вздохнув, он снова посмотрел на меня, пытаясь поймать мой взгляд, будто надеялся, что я сама скажу что-то. Я не могла понять, что он имеет в виду под этим разговором. О чём он хочет поговорить? Это ведь не могло быть просто беспокойством о моём состоянии. Я не верила, что его забота была такой искренней.

— О чем ты хочешь поговорить?

Лука не сразу ответил, словно подбирая слова. Он стоял прямо напротив меня, но его взгляд был куда-то дальше, как будто он искал в моей реакции что-то важное.

— Кто это сделал с тобой? — его голос был низким, почти напряжённым, и в нём ощущалась настороженность. — Ты... живёшь с этим человеком?

Моё сердце пропустило удар. Эти вопросы пробили мою защиту, и я не смогла скрыть отвращения, которое возникло в ответ на его слова. Почему он спрашивает об этом? Почему

вообще ему это нужно знать? Я не знала, как ответить, и вообще не хотела отвечать. Почему я должна раскрывать какие-то детали своей жизни этому человеку, с которым нас почти ничего не связывает?

Мои мысли начали крутиться быстрее, и я почувствовала, как нарастает напряжение внутри меня. Я не обязана объяснять ему, кто что со мной сделал.

— Почему ты спрашиваешь? — я произнесла это почти шёпотом, пытаясь выдавить из себя хоть какое-то спокойствие. — Это не твоё дело.

Я ощутила, как мои пальцы напряглись, а дыхание стало более тяжёлым. Почему его это интересует? Мы едва знакомы, а он начинает лезть в такие личные вещи. Внезапно я почувствовала, как меня начинает переполнять гнев. Я не готова открывать себя кому попало, даже если он пришёл сюда с каким-то «хорошими» намерениями. Это слишком личное.

Он внимательно смотрел на меня, словно пытаясь разобраться в том, что скрывалось за моим молчанием. В его взгляде больше не было того лёгкого интереса, который был раньше. Теперь он выглядел серьезно, даже немного настороженно.

— Ты не понимаешь, это опасно, — наконец сказал он, его голос был тихим, но в нём звучала настойчивость. — Если ты вернёшься туда...

— Вернусь я туда или нет, — перебила я его, резко подняв голову. Мои слова прозвучали твёрже, чем я ожидала. — Это не твоё дело. Я сама разберусь со своей жизнью. Ты не можешь... ты не имеешь права лезть туда.

Он нахмурился, и я заметила, как его челюсть напряглась. Похоже, мои слова задели его, но я не собиралась отступать. Я уже слишком много пережила, чтобы позволить кому-то диктовать, что мне делать. Даже если его намерения кажутся благими, это не меняет сути.

— Хорошо, — наконец сказал Лука, отводя взгляд. — Не будем говорить про вчерашнее. Ты мне всё равно ничего не расскажешь.

Я почувствовала укол вины, но тут же подавила его. У меня не было обязательств перед ним и он был ничем мне не обязан, так почему я должна была оправдываться перед ним?

Однако перед тем, как я успела что-то ответить, осознание обрушилось на меня. Всё это время я стояла перед ним в медицинской сорочке. Простая, бесформенная, из тонкой ткани, она была свободной и доходила лишь до середины бёдер. Я почувствовала себя ужасно уязвимой.

Мои руки непроизвольно опустились вниз, пытаясь прикрыть себя, но это не спасало положения. Я отвела взгляд, надеясь, что он не обратит внимания на моё состояние. Лука слегка нахмурился, уловив перемену в моём поведении.

— Что-то не так? — спросил он, его голос стал мягче, но это только злило меня больше.

— Всё нормально, — сухо ответила я, не глядя на него, чувствуя, как по телу растекается неприятное тепло смущения.

Переодеться было не во что, а старая одежда была испачкана и порвана. Сегодня Эмма должна была принести мне что-то из своих вещей, но её пока не было.

В комнате повисла напряжённая тишина. Я почувствовала, что он продолжает смотреть на меня, но, к счастью, он не сделал попыток приблизиться или задать лишних вопросов. Вместо этого он отступил на шаг и сунул руки в карманы своего пальто.

— Я пришёл сюда не только из-за того, что беспокоился о тебе, — наконец сказал он, его голос прозвучал низко, но уверенно.

Я нахмурилась, чувствуя, как сердце пропустило удар.

— У меня есть к тебе предложение, — продолжил он.

Предложение? Это слово эхом прозвучало в моей голове. Что он может предложить мне? И зачем?

Он выглядел так, словно боролся сам с собой, раздумывая, стоит ли продолжать. Его взгляд слегка потеплел, но всё ещё оставался настороженным. Он наконец заговорил, выпрямляясь, будто собрался с духом.

— Что за предложение? — осторожно спросила я.

Он на мгновение задержал дыхание, потом тяжело выдохнул и потёр рукой шею, словно это могло помочь ему собраться с мыслями.

— Думаю, ты уже видела новости обо мне, — начал он, его голос был спокойным, — То, что пишут, про отказ от боя, про трусость...

Он замолчал, будто подбирая слова, а затем добавил:

— В тот день... в тот день, когда тебя вызвали, на меня напали.

Я застыла, не зная, что сказать. Эта информация меня ошеломила, но только на миг. Он тогда упоминал, что не собирается отказываться от боя, несмотря на свое состояние. Но явидела. Видела эту свежую, глубокую рану. И тогда сразу поняла, что что-то случилось.

— Я тогда знала, что на тебя напали, — сказала я тихо, не сводя с него глаз. — По ране было понятно. Ты не мог получить её случайно.

Лука вздохнул, его лицо слегка помрачнело, но он продолжил.

— Ты права. Это было не случайно.

Он отвёл взгляд, будто собирался с мыслями, затем снова посмотрел прямо на меня.

— Это было спланировано, — наконец сказал он. — Мы пока не можем это доказать, но всё, что произошло, было продумано заранее. Они хотели сломать меня. Устроить скандал, ударить по репутации. И, как ты уже видела, это сработало.

Он замолчал, и я заметила, как его пальцы слегка сжались в кулак. Его голос оставался ровным, но я видела, что эта ситуация его изматывает.

— Сейчас самое важное — избавиться от этих новостей, — продолжил Лука, и его взгляд стал сосредоточенным.

Я нахмурилась, всё ещё не понимая, к чему он клонит. Значит, у него есть враги, которые намеренно пытаются разрушить его репутацию. Но зачем он рассказывает это мне?

— Значит, это всё было заранее спланировано, — повторила я, пытаясь уловить суть того, к чему он ведёт. — Но зачем ты рассказываешь мне это? Что ты хочешь этим сказать?

— Пока что есть один путь, — вдруг сказал он, и я заметила, как он слегка напрягся. Казалось, что ему самому трудно озвучить то, что он собирался сказать.

— Какой путь? — спросила я, чувствуя, как внутри что-то переворачивается от предчувствия.

Лука встретился со мной взглядом. Его лицо было серьёзным, но в его глазах читалась тень неуверенности.

— Фиктивная помолвка, — произнёс он.

Мои глаза расширились, и я невольно шагнула назад.

— Что? — выдохнула я, совершенно сбитая с толку.

— Слушай, я понимаю, как это звучит, — быстро добавил он, подняв руки, словно пытаясь успокоить меня. — Но это единственный способ отвлечь внимание от всех этих слухов. Если у меня будет... образ нормальной жизни, стабильности, это поможет восстановить репутацию.

Сердце забилось быстрее, но разум отказывался принимать услышанное. Неужели...

— Ты хочешь, чтобы я притворилась твоей невестой? — спросила я, глядя на него с явным недоверием.

Он кивнул, и его лицо стало твёрдым, словно он уже принял решение.

— Да, именно это. Я хочу, чтобы этим человеком была ты.

*Он что с ума сошёл?*Это безумие.

Моё тело буквально замерло. Я смотрела на него, ожидая, что он сейчас засмеётся или скажет, что это шутка. Но его лицо оставалось серьёзным, и я поняла — он говорил это совершенно серьёзно.

— Ты же шутишь? — пробормотала я, но даже сама знала, что ответа ждать не стоило.

Лука сделал шаг вперёд, и в его глазах появилось что-то близкое к отчаянию.

— Я понимаю, как это звучит, — сказал он, его голос стал тише, но не менее настойчивым. — Но я уверен, что ты подходишь для этого. Я помогу тебе, Кайла. Тебе же нужны деньги?

Я замерла, услышав его слова. Мои мысли спутались, и я не могла понять, к чему он ведёт.

— Тот день, когда тебя уволили из-за меня... — продолжил Лука, не сводя с меня глаз. — Я видел, как ты расстроилась. Ты ведь нуждаешься в деньгах, верно? Я дам тебе сколько угодно.

Моё сердце сжалось от его слов. Всё происходящее казалось каким-то кошмаром. Как он может говорить такое? Покупать меня? Он действительно думает, что это нормально?

Я молчала, просто смотрела на него, не в силах сразу что-то ответить. Шок перекрывал все мои мысли.

Лука, похоже, понял, что я растеряна, и, сделав ещё один шаг ближе, продолжил:

— Послушай. Это всё будет фиктивно. Никаких обязательств. Просто формальность. Тебе даже ничего особо делать не придётся. Просто жить у меня. Ты будешь жить, как жила до этого, работать, делать, что захочешь. Но... — Он замолчал на мгновение, его голос стал серьёзнее, почти строгим. — Ты не вернёшься туда. В ту квартиру. Не вернёшься же?

Я почувствовала, как моё сердце забилось быстрее, как будто оно пыталось вырваться из груди. Его слова звучали как вызов всему, что я знала и чему привыкла. Да, я не хотела возвращаться туда. Да, я не хотела видеть Генри, не хотела снова жить в том месте, где всё было связано с болью и страхом. И, да, мне нужны были деньги, мне нужно было вытащить себя и брата из той жизни, из-под этой тирании.

Но... я не могла. Я не могла просто так стать частью какого-то абсурдного плана, чтобы скрыть его проблемы и спасти свою собственную. *Но если это выход...*если это единственный способ уберечь себя и не вернуться туда, где меня ждал этот кошмар... неужели я должна согласиться?

Я почувствовала, как мне становится тяжело дышать. Слишком много вопросов, слишком мало ответов. Лука стоял передо мной, его взгляд не сводился с моего лица. Он не знал, что я чувствую, он не знал, насколько тяжело мне принять решение. Он не знал, как я устала от борьбы.

— Ты не обязана отвечать мне сразу, — сказал он, его голос стал немного мягче, — Подумай. Я правда хочу помочь тебе, Кайла. Твоё состояние... когда я увидел тебя там... да, я не должен был вмешиваться, я знаю, но я не могу просто закрыть на это глаза. Тот, кто так поступил с тобой...

Я больше не хотела ничего слушать. Мои мысли путались, и я не могла сосредоточиться на его словах. Да, я понимала, как я выгляжу сейчас перед ним: слабая, избитая, с синяками, с ранами, которые ещё не зажили. Я выглядела жалко, и, возможно, именно этим он пытался вызвать во мне чувство благодарности или даже обязательства. Но почему? Почему он так хочет помочь мне? Неужели нет других девушек, которые с радостью притворились бы его невестой, чтобы получить его помощь и всё остальное, что с этим связано?

В голове всё перемешалось. Мы ведь даже не знаем друг друга. Как я могу довериться ему? Пусть он кажется искренним, пусть он действительно хочет помочь... но почему *именно я?*В голове роились сомнения, и ни одно из них не находило ответа.

— Я... не могу согласиться на такое, — наконец сказала я, отводя взгляд. Мой голос прозвучал тихо, но твёрдо.

На лице Луки отразилось что-то похожее на понимание. Он будто знал, что я так отвечу, и всё же в его глазах мелькнуло разочарование. Однако он не сказал ни слова. Только вздохнул и чуть отступил назад.

Вдруг раздался стук в дверь. Лука обернулся, а я почувствовала лёгкое облегчение от того, что эта тяжёлая пауза прервалась. Дверь медленно открылась, и на пороге появилась Эмма. А рядом с ней... Адам.

— Адам? — мой голос дрогнул от удивления, но тут же я почувствовала, как на губах появляется улыбка.

— Кайла! — радостно закричал он, бросаясь ко мне.

Я подалась вперёд, и он крепко обнял меня. Я почувствовала, как тепло его маленьких рук обволакивает меня, и впервые за долгое время мне стало легче.

— Привет, малыш, — сказала я, улыбаясь, хотя слёзы вдруг защипали глаза. — Ты как? Всё в порядке?

— Да, всё хорошо, — радостно проговорил Адам, глядя на меня снизу вверх. Его глаза блестели, а на щеках появился румянец. — Я так за тебя переживал, но Эмма сказала, что с тобой всё хорошо.

Я мельком посмотрела на Эмму, которая стояла рядом с дверью, чуть смущённо улыбаясь. Она подняла пакет с одеждой.

— Прости, что задержалась, — сказала она.

— Спасибо, — кивнула я ей, чувствуя, как облегчение медленно окутывает меня.

На мгновение я забыла о Луке, но его тихий голос напомнил о том, что он всё ещё здесь.

— Это твой брат? — спросил он, глядя на нас.

Я чуть напряглась, но не отводила взгляда.

— Да. Это Адам, — коротко ответила я.

— А кто это? — спросил Адам, слегка нахмурившись, глядя на Луку. Его голос звучал осторожно, но я знала, что он всегда был внимателен к деталям и людям вокруг меня.

На мгновение в комнате повисла тишина. Я не знала, что ответить. Лука выглядел так, будто и не собирался ничего объяснять. Его взгляд был спокойным, но пронизывающим, как будто он ждал, что скажу я.

— Это... — начала я, но вдруг заговорила Эмма, будто пытаясь сгладить напряжение.

— Это наш друг из университета, — сказала она с лёгкой улыбкой. — Лука пришёл навестить Кайлу, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке.

Я бросила на Эмму быстрый взгляд, удивлённая тем, как легко она это сказала. Лука ничего не ответил, лишь коротко кивнул, подтверждая её слова.

Адам продолжал смотреть на него, изучая его так, как только он умел. Уверена, если бы Адам был старше, этот взгляд заставил бы любого взрослого почувствовать себя неловко.

— Друг из университета? — протянул он, будто раздумывая, стоит ли верить этим словам.

— Да, — быстро подтвердила я, пытаясь выглядеть уверенно. — Просто друг, Адам.

Он посмотрел на меня, а потом снова на Луку, но, похоже, решил не задавать больше вопросов.

— Ладно, — сказал он, чуть пожав плечами. — Спасибо, что пришёл.

Лука кивнул, но я заметила, что угол его губ чуть дёрнулся вверх, словно он был удивлён или, возможно, даже забавлялся ситуацией.

— У тебя хороший брат, — тихо сказал он, обращаясь ко мне.

— Знаю, — ответила я, прижимая Адама чуть ближе к себе.

Эмма осторожно протянула мне пакет с одеждой.

— Ты, наверное, хочешь переодеться? — спросила она.

— Да, спасибо, — ответила я, стараясь скрыть усталость в голосе.

Я направилась к маленькой ванной комнате, которая находилась в палате. Быстро переоделась в чистую одежду, которую принесла Эмма. Это было простое, но удобное трикотажное платье и толстовка. Одежда казалась непривычно уютной после больничной сорочки, и это вызвало странное чувство облегчения.

Когда я подошла к зеркалу, чтобы поправить волосы, я почувствовала, как что-то сжалось в груди. Мой взгляд упал на свое отражение. Я выглядела ужасно. На щеке был огромный синяк, почти сливаясь с кожей, губа припухла, на руках и ногах виднелись многочисленные синяки и ссадины, но хорошо, что одежда сейчас скрывала это. Мое лицо было бледным, а глаза тусклыми, как будто вся энергия ушла вместе с болью. Мне хотелось заплакать, но я сдержалась, просто морщась от вида себя в зеркале.

— Нужно будет все это намазать... — пробормотала я, осознавая, как мне будет трудно скрывать эти синяки, когда я снова выйду в мир. Это выглядело ужасно, и я не знала, как мне теперь с этим справляться.

Когда я вышла из ванны, Луки уже не было. Адам сидел на стуле, болтая ногой в воздухе, а Эмма стояла у окна, задумчиво глядя на улицу.

— Он ушёл? — спросила я, осматривая комнату.

Эмма обернулась и пожала плечами.

— Ему позвонили, — сказала она. — Он вышел, но сказал, что если понадобится помощь, мы можем его позвать.

Я не ответила, только кивнула. Возможно, так даже лучше. Его предложение всё ещё звучало у меня в голове, и я не знала, как реагировать.

Через пару минут дверь снова приоткрылась, и в палату вошёл врач. Тот же врач, который осматривал меня вчера. Он что-то записывал в своей папке, прежде чем поднять на меня глаза.

— Ну что, Кайла, как вы себя чувствуете сегодня? — произнёс он спокойно, подойдя ближе.

Я чуть выпрямилась и села на край кровати.

— Лучше, спасибо, — ответила я, наблюдая, как он снова начинает осмотр.

Его движения были уверенными и профессиональными.

— Хорошо, всё идёт на поправку, — наконец сказал он, чуть хмуря брови. — Но ваш организм всё ещё ослаблен. Вам необходимо больше отдыхать и не забывать о полноценном питании. Если будете себя изнурять, восстановление займёт гораздо больше времени.

Я кивнула.

— Я поняла.

Он ещё раз посмотрел в свою папку, сделал пометку и добавил:

— Постарайтесь не перенапрягаться. Лучше всего — побольше отдыхать, избегать лишних нагрузок. Я выпишу вам больничный, пусть немного побудете дома.

Я кивнула, уже предвкушая, как буду объяснять это всем. На самом деле, я прекрасно понимала, что мне нужно будет время, чтобы оправиться. Но мысль о том, чтобы остаться в этом состоянии, казалась мне невыносимой.

— Вы можете идти домой, но, Кайла, если вдруг почувствуете слабость или боль, немедленно обращайтесь за помощью. И, пожалуйста, постарайтесь избегать стрессов.

— Хорошо, — сказала я, пытаясь собрать мысли в кучу. — Спасибо, доктор.

Он кивнул, затем направился к двери.

— Если что-то беспокоит — не стесняйтесь обращаться.

Он вышел, а я осталась сидеть на краю кровати, переваривая всё, что он сказал.

Как только я встала, почувствовала, как голова закружилась, а ноги будто потеряли опору. Я пошатнулась, схватившись за край кровати, чтобы не упасть. Перед глазами всё потемнело, и на мгновение я подумала, что сейчас просто свалюсь обратно.

— Кайла! — Эмма моментально подбежала ко мне.

Адам тоже вскочил с места, обеспокоенно глядя на меня.

— Всё в порядке, — с трудом проговорила я, но было тяжело даже стоять. — Немного голова закружилась.

Эмма внимательно посмотрела на меня, и я заметила, как её лицо стало немного более серьёзным.

— Ты уверена, что сможешь ходить? Может, лучше ещё полежать?

— Всё нормально, — на этот раз я сказала уверенно, несмотря на слабость, которая всё ещё ощущалась в теле.

— Ты точно в порядке, сестра? — спросил Адам, его взгляд был полон заботы.

— Да, правда. Всё хорошо, — сказала я и попыталась сделать несколько шагов. На этот раз голова не кружилась так сильно. Я глубоко вздохнула, почувствовав, как силы начинают постепенно возвращаться.

Мы начали собираться, а после покинули палату. Эмма предложила вызвать такси, и я согласилась, не возражая.

— Сейчас мы доедем домой, и ты отдохнёшь. — Эмма вновь посмотрела на меня, слабо улыбнувшись. — Такси через пару минут будет.

На улице нас встретил прохладный ветер, который заставил меня вздрогнуть. Но это был не единственный повод для моего напряжения. Лука стоял у своей машины, чуть наклонившись к дверце, словно ждал нас. Его взгляд сразу нашёл меня, и он сделал шаг вперёд.

Я остановилась, чувствуя, как моё сердце ускоряет ритм. *Почему он всё ещё здесь?*

— Лука? Ты все ещё тут? — Эмма первой нарушила тишину, растерянно глядя на него.

Я молчала, не зная, как реагировать. Он явно ждал нас.

— Вы уже уходите? Я могу подвезти вас, — спокойно сказал он, его голос был низким и уверенным.

— Мы уже вызвали такси, тебе не обязательно... — быстро ответила Эмма, бросив взгляд на меня.

— Мне не трудно, — перебил ее он. — Можешь отменить заказ. Я подвезу вас.

Эмма колебалась, её взгляд метался между мной и Лукой, словно пытаясь понять, что делать. Я видела, как она собирается что-то сказать, но в итоге вздохнула и достала телефон.

— Ладно, — сказала она, вынимая телефон из сумки и отменяя заказ. — Всё равно так будет быстрее.

Я не могла понять, почему Эмма не отказалась от его предложения. Почему она так доверяет ему? Ведь я сама едва могу понять его мотивы, его просьбы кажутся мне всё более странными. Она наверно думает, что он просто заботится обо мне, но разве это так? Почему он не ушёл после того, как я отказалась быть его фиктивной невестой? Это не укладывалось в голове. Неужели для него это было не просто предложением помочь, а чем-то гораздо более важным? Чего он на самом деле хочет? Все эти вопросы оставались без ответов.

Когда мы подошли к машине, Адам, словно увидев игрушку, которая ему так нравится, сразу заполнил пространство вокруг своей восторженной реакцией. Его глаза широко распахнулись, и на лице появилось изумление, которое можно было бы принять за детскую радость.

— Вау! Вот это тачка! — воскликнул он, подбегая к автомобилю и рассматривая её с любопытством. Он прыгал вокруг машины, тыкая пальцем в разные детали. — Какая крутая!

Лука, похоже, был доволен реакцией Адама. Он улыбнулся, и это было одно из немногих искренних выражений на его лице за всё это время. Возможно, ему было приятно, что его машина производит такое впечатление на ребёнка. Впрочем, я не могла отделаться от чувства, что эта доброжелательность скрывает что-то более сложное. Он всё равно оставался загадкой для меня, и его поведение всё больше заставляло меня сомневаться в его намерениях.

Я села на заднее сиденье с Адамом, стараясь не чувствовать себя слишком неловко. Эмма, очевидно, чтобы нам было не тесно, села вперёд. Внутри машины было уютно, но это

всё равно не помогало избавиться от ощущения, что я нахожусь в какой-то чуждой реальности, где я не совсем понимаю, что происходит и зачем всё это.

Когда Эмма назвала адрес своего дома, машина тронулась. Мы ехали в тишине какое-то время, и я пыталась избавиться от гнетущего чувства, но, похоже, оно не отпускало.

Вдруг я почувствовала, как к моей щеке прикоснулись пальчики. Я повернулась и встретилась с глазами Адама. Он осторожно касался моего синяка на щеке, его взгляд был полон беспокойства. Я ощущала, как эмоции начинают сжимать грудь.

— Больно? — тихо спросил он.

Я почувствовала, как глаза застилает вуаль слёз, но быстро сдержалась.

— Нет, всё хорошо, — слабо улыбнулась я. — Это пройдет.

Адам чуть подался ко мне и, слегка прислонившись к моему плечу, тихо сказал:

— Сестра... — тихо начал он, — я не хочу вернуться к дяде Генри... можно мы останемся у Эммы?

Сердце сжалось,и я поняла, как сильно он переживает. Но я не хотела сейчас обсуждать это, особенно с Лукой рядом. Понимая, что это не лучший момент для таких разговоров, я слегка погладила его по голове и тихо ответила:

— Мы поговорим об этом позже, малыш, — ответила я, стараясь говорить как можно мягче. — Всё будет хорошо.

Когда я посмотрела в зеркало заднего вида, мои глаза встретились с его взглядом. Лука сидел за рулём, но его глаза, цвета тёмного меда, были направлены прямо на меня. В этот момент время как будто замедлилось. Я почувствовала, как внутри меня что-то ёкнуло, как будто между нами возникла невидимая связь.

Его взгляд был странно интенсивным, как если бы он пытался понять меня, проникнуть в мои мысли. Это был не просто взгляд — это был вопрос, который он, возможно, не осмеливался задать вслух. Я же пыталась скрыть свои эмоции, но что-то внутри меня сопротивлялось. Я не хотела, чтобы он мог увидеть, как я расстраиваюсь, как мои мысли смешиваются в беспорядке.

Моё сердце забилось быстрее, но я не отводила взгляда. Этот момент был слишком важным, чтобы я могла просто игнорировать его. Он продолжал смотреть, не отрываясь, но ничего не говорил. Его молчание было одновременно напряжённым и глубоким, как будто его слова уже не имели значения, потому что этот взгляд говорил всё.

О чем он подумал?

Я постаралась не показывать, как его взгляд влияет на меня, и сдержанно вернула взгляд в окно, пытаясь сконцентрироваться на чём-то другом.

Через несколько минут мы подъехали к дому Эммы. Машина остановилась, и я поспешила открыть дверь, но остановилась на мгновение, стараясь не быть слишком спешной. Эмма поблагодарила Луку за то, что подвёз нас, а я, чувствуя, как внутри меня нарастает неприятное напряжение, тоже решила поблагодарить его. Не хотелось, чтобы всё это осталось без внимания. Но, одновременно, я надеялась, что это будет последний раз, когда мы встречаемся, и что, возможно, я больше не увижу его.

Как только мы вышли из машины, я почувствовала, что Лука тоже вышел следом за нами. Я попыталась ускорить шаг, но он остановил меня, чуть наклонившись в мою сторону.

— Кайла, — его голос был тихим, но я почувствовала, как его слова пробирают меня. — Подожди.

Я замерла, не оборачиваясь, но внутри меня всё сжалось. Адам с Эммой уже направлялись к дому, не заметив, что я задержалась.

Оказавшись на пороге, я не могла уйти, не услышав, что он хочет сказать.

— Что ещё? — я попыталась скрыть свою усталость и раздражение, но не смогла.

Лука остановился прямо передо мной, его взгляд был твёрдым и внимательным.

— Просто... — он слегка наклонил голову, а его лицо на мгновение стало мягче. — Будь осторожна. Я не хочу, чтобы ты попала в неприятности.

Я ничего не ответила. Слишком многое произошло за последние дни, слишком много вопросов осталось без ответа. Я не понимала, зачем ему всё это, и точно не была готова становиться частью его сложной игры.

Слегка кивнула ему в ответ и пробормотала короткое «пока», прежде чем развернуться и пойти к дому. Шаги казались тяжёлыми, но я старалась держать голову высоко. Когда я вошла внутрь, первое, что я заметила, — это тишина. Казалось, даже стены дышат спокойствием, которого мне так не хватало.

Эмма появилась за моей спиной, закрывая дверь.

— Родителей нет, — сообщила она, снимая куртку. — Они уехали в гости к бабушке. Придут поздно. Давай я накрою тебе стол, поешь.

— Эмма, правда, не нужно, — сказала я, опускаясь на диван и чувствуя, как усталость накрывает с головой.

— Нет-нет, — перебила она, качая головой. — Тебе нужно поесть. Ты ведь слышала, что сказал врач. Организм ослаблен.

Я вздохнула, понимая, что спорить с ней бесполезно.

— Хорошо, только что-нибудь лёгкое, ладно? — сдалась я, зная, что она всё равно сделает по-своему.

Эмма кивнула и, не теряя времени, направилась на кухню. Я осталась сидеть на диване, чувствуя, как всё происходящее давит на меня. В голове крутились мысли о Луке, его странном предложении и нашем коротком разговоре у машины. Всё это казалось мне запутанным, словно какой-то странный сон, из которого я не могла проснуться.

Через пару минут из кухни донёсся стук посуды и тихое бурчание Эммы: она, как всегда, что-то бормотала себе под нос, когда готовила. Этот звук показался мне странно успокаивающим. Адам был в комнате, я слышала, как он тихонько что-то напевает.

Я обвела взглядом комнату. Дом Эммы всегда был таким... тёплым. Здесь не было кричащего богатства, но всё выглядело уютно и с любовью. Я вспомнила слова Адама в машине — он не хотел возвращаться к Генри. И я не могла его за это винить. *Но могла ли я остаться здесь? На долгое время?*Нет, конечно. Я должна была выбраться из этого сама, переехать вместе с Адамом. Но что если Генри не оставит нас в покое? Он не даст этому случиться так легко.

Эмма вернулась с подносом, на котором стояла тарелка с супом и хлеб.

— Вот, — она поставила поднос на журнальный столик передо мной. — Ешь. Это тебе сейчас нужно.

— Спасибо, Эм, — тихо сказала я, беря ложку и пробуя суп. Он был горячим, сытным, и с каждым глотком я чувствовала, как напряжение чуть отступает.

— Что он хотел? — внезапно спросила Эмма, садясь рядом. Её тон был осторожным, но я знала, что она давно хотела это спросить.

Я глубоко вздохнула, пытаясь собраться с мыслями, прежде чем ответить. Эмма ждала, её взгляд был полон беспокойства, но я не могла скрыть то, что меня тревожило. Всё, что было связано с Лукой, казалось мне каким-то абсурдным, но я знала, что не могу просто молчать.

— Он... — начала я, с трудом подбирая слова. — Он предложил мне стать его фиктивной невестой.

Эмма чуть не поперхнулась чаем, её глаза расширились от удивления. Она замерла на мгновение, пытаясь переварить то, что я только что сказала. И я понимала её реакцию — сама, когда услышала это, не могла поверить.

— Что? — вырвалось у неё, и она закашлялась, явно не ожидая такой новости. — Это... Это что вообще за предложение? Он тебя едва ли знает.

— Вот именно, — сказала я, стараясь удержать спокойствие. — Почему я? Я не понимаю. Есть столько девушек, которые с удовольствием бы согласились. Он мог бы найти кого-то другого.

Эмма всё ещё смотрела на меня, явно пытаясь осознать услышанное.

— Подожди, но зачем ему это вообще? — спросила она, — Какой смысл в этой фиктивной помолвке?

Я пожала плечами, хоть и знала ответ.

— Он сказал, что это поможет ему справиться с ложными слухами о нём. Якобы в последнее время вокруг него слишком много слухов, грязных сплетен, которые мешают его бизнесу. И если у него будет «невеста», это поможет отвлечь внимание.

Она нахмурилась, недоверчиво скрестив руки.

— И он просто решил, что ты подходишь для этой роли?

Кивнув ей, я ответила:

— Именно.

Она задумалась, а потом тихо произнесла:

— Может, он влюбился?

Я вскинула брови, не зная, как реагировать. *Влюбился?* Нет. Мы едва знакомы. *Но всё равно, почему он так сильно настаивал?*

— Он сказал, что поможет финансово. Меня уволили, и он как будто чувствует вину за это... — я не могла не заметить, как мои слова прозвучали, будто я оправдываю его, хотя на самом деле я не знала, что думать.

Эмма внимательно слушала меня, и, кажется, начала немного понимать. Но когда она спросила:

— А ты согласилась? — её голос звучал так, словно она ожидала какого-то другого ответа.

Я качнула головой, сразу же отвечая:

— Конечно, нет. Сказала, что не могу на такое согласиться. Я не могу доверять ему настолько. И потом, я не хочу, чтобы он думал, что я что-то ему обязана.

После паузы, я добавила:

— Это ведь не только помощь, — продолжила я, глядя на уже пустую тарелку. — Там множество обязательств, которые я не готова на себя брать.

Я почувствовала, как внутри меня что-то ломается. Я не могла позволить себе зависеть от кого-то, особенно от такого человека, как Лука.

— Но... что, если это единственный выход? — продолжила я, не уверенная в своём собственном решении.

Эмма протянула руку и мягко накрыла мою своей. Поднявшись взгляд, я почувствовала, как её тепло проникает через кожу.

— Кайла, — тихо начала она. — Ты можешь оставаться здесь столько, сколько потребуется. Пожалуйста, не думай, что ты одна, что тебе некуда идти. Я всегда готова помочь.

Но я уже покачала головой, перебивая её.

— Эмма, нет. Это не правильно. Я не хочу быть обузой для вас.

Она упрямо сжала губы.

— Неправильно? — она чуть повысила голос, но её тон оставался мягким. — После того, как я увидела тебя в том состоянии... Как я могу позволить тебе вернуться туда? А Адам? Кайла, вам там не безопасно. Ты это знаешь.

— Эмма, не надо... — начала я, но голос предал меня.

— Кайла... как долго это всё продолжается?

Я закрыла глаза на несколько секунд, пытаясь подавить воспоминания.

— С того дня, как он взял нас под опеку, — сказала я наконец, чувствуя, как каждое слово отдаётся болью.

Эмма закусила губу, и на её лице появилась боль. Я видела, как она пытается сдержаться, чтобы не разразиться словами или слезами.

— Он никогда нас не любил, — начала я, голос дрожал, но я пыталась говорить спокойно. — Всегда был к нам холоден. Он ругал нас за малейший шум, за любые попытки хоть как-то веселиться. Мы жили в постоянном страхе. Когда мне исполнилось шестнадцать, он заставил меня работать, сам же стал пить и всё реже работать. Он перестал заботиться о нас, и всё было только на мне.

Я замолчала, стараясь взять себя в руки, но слова вырывались сами.

— Работу было трудно найти, — продолжила я, чувствуя, как слова выходят с усилием. — Я раздавала листочки, искала хоть что-то, чтобы приносить деньги. Иногда помогала в маленьком продуктовом магазине недалеко от дома. Там был добрый дедушка, он знал меня ещё с детства, потому что я всегда покупала у него продукты. Он позволял мне помочь по выходным, когда было много покупателей. Конечно, я не могла рассчитывать на стабильный заработок, но хотя бы что-то.

— Но через два года этот дедушка умер, и магазин пришлось закрыть, — продолжила я, сжимаю кулаки, пытаясь удержать слёзы. — Я не знала, что делать. Мне пришлось искать ещё одну работу, но было слишком трудно. Школа, уроки, экзамены, Адам... Я не могла работать полный день.

Опустила голову, чувствуя, как обрушивается на меня вся тяжесть тех лет.

— И сейчас, когда я не смогла отдать ему очередную сумму, стало ещё хуже...

Эмма молчала. Я видела, как она сжала кулаки, её глаза полные ярости и боли. Она всё поняла. Не успела ничего добавить, как она взяла меня за руку.

— Ты не должна была этого терпеть, Кайла, — её голос был полон решимости. — Ты и Адам не обязаны быть частью этого. Я поговорю с родителями. Мы не позволим ему больше обидеть вас.

— Не нужно, Эмма, — я покачала головой, убирая руку. — Ты не должна втягивать своих родителей. Это мои проблемы, и я сама должна найти выход.

— Кайла, ты серьёзно? — Эмма посмотрела на меня так, будто я сошла с ума. — Ты пытаешься справиться с этим одна уже много лет. И чем это закончилось? Генри продолжает разрушать вашу жизнь, а ты в итоге лежала в больнице!

Я отвела взгляд, чувствуя, как слова Эммы пробивают меня насквозь. Но я не могла позволить себе зависеть от неё или её семьи. Это неправильно.

— Я справлюсь, — сказала я тихо, не глядя на неё. — Я найду стабильную работу, если нужно, перейду на заочное обучение и сниму квартиру. Мы с Адамом выберемся. Просто нужно время.

— Кайла... может, тебе стоит всё-таки согласиться на предложение Луки, — осторожно начала Эмма, её взгляд был серьёзным, но в то же время обеспокоенным. — Может, это и есть твой выход. Он не похож на плохого человека. Я видела, как он волновался о тебе. Его взгляд... он действительно был искренним.

Я замерла, почувствовав, как внутри меня поднимается волна смятения.

— Я не говорю, что это идеальный вариант, но... он все-таки мужчина, — продолжила она, будто убеждая не только меня, но и саму себя. — Он сможет тебя защитить. Особенно если Генри захочет снова что-то сделать.

Слова Эммы эхом разнеслись в моей голове. Я вспомнила выражение лица Луки в тот момент, когда он смотрел на меня у больницы. Оно было... тёплым, но в то же время решительным. *Но могла ли я действительно доверять ему?*

Молчание затянулось, мой взгляд оставался прикован к чашке с чаем, стоящей на столе. Слова застряли в горле. *Что мне ответить?*Я сама не знала, что чувствую. Всё было слишком запутанным.

— Кайла? — осторожно позвала Эмма, видя моё состояние.

— Я... не знаю, — наконец выдавила я. — Это слишком... сложное решение.

Эмма взглянула на меня с пониманием, но я чувствовала, как её глаза полны надежды. Возможно, она действительно думала, что это было бы для меня спасением. Но я всё ещё не могла понять, что на самом деле кроется за этим предложением, и боялась делать шаг вперёд, не разобравшись, что меня ждёт.

Я почувствовала, как усталость накатывает на меня. Хотелось просто остаться наедине с собой, забыться хотя бы на мгновение. Мне нужно было немного времени, чтобы разобраться с собой, переварить всё, что происходило.

— Эмма, ты не против, если я пойду немного отдохну? Заодно проверю, как там Адам.

Эмма кивнула, её взгляд был полон беспокойства, но она ничего не сказала. Я знала, что она хочет помочь, что она переживает, но я не могла думать о решениях прямо сейчас. Мне нужно было просто побыть в тишине, уйти от всего этого.

Я направилась в комнату для гостей, где останавливалась в прошлый раз. Заметив, что Адама там нет, решила поискать его и вскоре увидела в саду. Он сидел на стульчике, увлечённо играя с планшетом. Погода была приятной, и я не стала его беспокоить, позволив наслаждаться моментом.

Тихо вернулась в комнату и закрыла за собой дверь. Усталость буквально давила на плечи. Прислонившись к двери, я попытаясь сделать хоть один глубокий вдох, чтобы собрать мысли. Но в голове всё было таким же хаотичным.

Комната была небольшой, но уютной, с мягкими пастельными тонами и светлым покрывалом на кровати. Здесь я чувствовала себя в безопасности. Хотелось просто лечь и забыть обо всём хотя бы на несколько часов.

Сквозь приоткрытую дверь слышались отдалённые звуки Эммы, которая возилась на кухне. Адам был в саду. И в какой-то момент я поняла, что именно здесь и сейчас у меня есть момент передышки.

Как долго я смогу оставаться в этой безопасности, прежде чем всё снова рухнет?

Я прошла к кровати и опустилась на край. Мысли снова начали возвращаться к нашему разговору с Эммой. Её слова всё ещё звучали в голове:

— Может, это и есть твой выход.

Это не выход, напомнила я себе. Это просто очередная ловушка. *Но что, если я ошибаюсь?*

Вздохнув, я опустила голову на колени и закрыла глаза. Мне хотелось почувствовать себя хотя бы немного сильнее. Хотелось верить, что я найду выход, даже если пока его не вижу.

Устав размышлять, я легла на кровать и натянула плед до самого подбородка. Сердце билось ровно, но мысли всё ещё метались, пока я не позволила усталости взять верх.

Холодно.

Тихо.

Темно.

Вокруг была абсолютная тишина, нарушаемая только слабым шелестом листьев. Я открыла глаза и обнаружила, что лежу посреди леса. Небо над головой было затянуто тём-

ными, тяжёлыми облаками, сквозь которые едва пробивался лунный свет. Деревья вокруг казались безликими силуэтами, вытянувшимися вверх, как тени, желающие схватить меня.

На мне было лёгкое белое платье. Его ткань холодила кожу, словно впитала в себя всю прохладу этого места. Я замёрзла и чувствовала себя чужой в этом пространстве.

Где я? Как сюда попала?

Сердце забилось быстрее. Я сделала несколько шагов вперёд, и каждый шорох под ногами казался громким и пугающим. Листья хрустели, ветер завывал где-то вдали.

Внезапно я услышала голос:

— Сестра!

Я замерла.

— Адам? — прошептала я, не веря своим ушам.

— Сестра! — голос снова прозвучал, на этот раз громче.

Это был он. Я сорвалась с места и побежала на звук.

— Адам! Где ты? Отзовись!

Земля была мягкой, ноги утопали в сырой почве. Ветки деревьев хватались за меня, цепляли платье, хлестали по рукам, но я не останавливалась.

— Адам! — выкрикнула я снова, но ответа не было. Только тишина.

Я остановилась, оглядываясь в поисках хоть какого-то знака. Ничего. Только бескрайний лес вокруг. Сердце сжималось от страха и беспомощности.

И тут я услышала шаги.

Тяжёлые и уверенные, они приближались из-за моей спины.

Я обернулась. Никого.

Шаги становились всё громче, почти рядом.

— Кто здесь?— закричала я, мой голос дрожал от страха.

Вдруг, я почувствовала, как кто-то стоит за моей спиной. Мурашки пробежали по коже, и сердце забилось сильнее. Не было ни звуков, ни движения, но я ясно почувствовала присутствие кого-то рядом. Слишком близко. И я замерла, даже не решаясь повернуться.

Этот запах...

Древесная свежесть... Где-то я уже ощущала его раньше. Но где ?

После я почувствовала дыхание возле уха. Тёплое, будто оно проникло прямо в меня, заполнив каждый уголок. Моё тело напряглось, я застыла, не в силах пошевелиться.

— Ты потерялась, маленькая Кайла? —услышала я голос.

Я замерла.

Этот голос...

Он был знакомым, но настолько хриплым и тёмным, что я едва могла его признать.

Это был Лука.

Он был слишком близко. Я чувствовала его руку, скользящую по моей щеке. Это прикосновение было одновременно нежным и властным. Мой страх усилился.

— То, что ты ищешь, — это я. Твое спасение — это я, — проговорил он снова, его голос был хриплым, почти властным, словно он знал меня больше, чем я сама себя.

Моё тело сопротивлялось, но я не могла не обернуться. Я должна была понять, что происходит. Почему я чувствую его так близко, и что за странное ощущение охватывает меня?

Не выдержав, я резко обернулась. В мгновение ока, перед глазами вспыхнула яркая вспышка света. Я попыталась понять, что происходит, но тут же, когда я открыла глаза, всё вокруг резко изменилось.

Я оказалась на обрыве.

Высоко, очень высоко. Внизу было только чёрное море, которое бурно накатывало на скалы. Огромные волны, как чудовища, захлёстывали берег, и мне казалось, что я вот-вот

паду в этот бездонный разрыв. Мой взгляд скакал по краю, и я почувствовала, как сердце сжалось в груди.

— Боже... — выдохнула я, охваченная паникой, вглядываясь в безбрежное море.

Я быстро осмотрела окружающее пространство. Вокруг не было никого. Никаких звуков, кроме грохота волн. Никаких следов людей.

И вдруг я услышала шаги. Мой пульс учащённо забился, и я инстинктивно повернулась, но передо мной стоял кто-то, кого я так долго избегала.

— Нет... — выдохнула я, чувствуя, как меня охватывает ужас.

Генри.

Он стоял передо мной, его лицо было искажено злой усмешкой, а глаза блестели холодным огнём.

— Ты думала, сможешь убежать? — его голос был сухим и холодным, как лед. — Ты всегда думала, что найдёшь выход, что сможешь сбежать от меня. Но ты ошиблась.

Он сделал шаг вперёд, и я отступила назад, но обрыв оказался слишком близко.

— Ты не научилась слушаться, Кайла. Все твои попытки сбежать — это пустая трата времени, — продолжил он, усмехнувшись. — Ты забыла, кто тебя держит. Ты забыла, кто контролирует твою жизнь.

Я пыталась отступить, но мои ноги не слушались меня. Он сделал шаг вперед, и его присутствие словно сжало пространство вокруг меня.

— Ты должна была быть послушной, Кайла. Должна была следовать моим правилам, а не убегать от них, — его слова были как иглы, пронизывающие мою душу. — Но ты не послушалась, и теперь ты поплатишься за это.

— Нет... — прошептала я, пытаясь ухватиться за что-то, но было поздно.

Он резко приблизился ко мне, и в следующее мгновение почувствовала, как его рука толкнула меня с края. Я не успела ничего сделать, просто оказалась в воздухе, и перед глазами мелькнули только темные воды.

Я падала. Ветер свистел в ушах. Звуки стихали. Всё затмилось.

Вода. Холодная, беспощадная. Она захлестнула меня, и я почувствовала, как меня тянет вниз. Моё тело сопротивлялось, но силы уходили, и я больше не могла бороться.

Тишина... Я погружалась всё глубже. В голове не было мыслей, только пустота. Никто не придёт. Я знала это.

Я тонула.

Тонула, погружаясь всё глубже в холодные воды. Паника охватила меня, но сил бороться уже не было. Вода тянула меня, поглощая. В этот момент, когда я уже почти сдалась, я заметила что-то — силуэт. Он медленно приближался ко мне, темный и неясный. Я не могла понять, кто это, но я знала — это не был просто образ в моем воображении.

Силуэт стал ближе, и я почувствовала руку, которая протянулась ко мне. Без раздумий, инстинктивно, я протянула свою руку в ответ, хватаясь за чужую с последней надеждой. Кто-то схватил меня за руку и потянул вверх. Вода бешено хлестала меня, но чужая рука была сильной.

Мы всплыли. Я еле дышала, мой рот жадно впитывал воздух, но взгляд все равно был затуманен. Когда я открыла глаза, передо мной были глаза. Медовые. Они смотрели на меня с неподдельной тревогой, и я интуитивно поняла — эти глаза не были чужими.

Мгновение. Секунда. И затем темнота. Я снова провалилась в беспамятство.

Резко очнулась, вся в поту, с трудом переводя дыхание. В комнате было темно, только слабый свет луны пробивался через окно. Посмотрела в сторону кровати — Адам спал, свернувшись клубочком, и его дыхание было ровным и спокойным. Я немного наклонилась, чтобы поправить одеяло, которое немного сбилось с его плеча, и аккуратно накрыла его.

Это был сон. *Скорее кошмар...*Я провела рукой по лицу, пытаясь избавиться от ощущения, что всё ещё нахожусь в том ужасном месте.

Встав с кровати, я подошла к тумбочке рядом с кроватью. Там стоял кувшин с водой. Видимо, Эмма оставила его для меня. Я наливала воду в стакан, надеясь, что она хотя бы немного успокоит меня. С каждым глотком я пыталась выдохнуть и прогнать тревогу, но ничего не помогало.

Сделав последний глоток, я подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу окна, чувствуя, как его прохлада немного успокаивает меня. Лунный свет заливал сад, освещая темные силуэты деревьев, и я бессмысленно наблюдала за ночной тишиной. Но внутри меня не было покоя.

В голове всё вертелись обрывки того ночного кошмара. Я пыталась отогнать эти мысли, но они не отпускали. Что если этот кошмар был предупреждением? Что если я была ближе к реальной опасности, чем я думала?

Это всё твой страх, Кайла. Это был просто кошмар, — повторяла я себе.

*Лука...*я не видела его полностью, но это точно был он. Его слова, его запах, его голос... они эхом звучали в моей голове.

*"Твое спасение — это я..."*Я не могла выбросить эти слова из головы. Почему я до сих пор чувствую его присутствие, даже когда его рядом нет?

Голова раскалывалась от боли. Мне нужно было успокоиться, найти какой-то ответ, но я не могла. Всё вокруг было запутано, как паутина, и чем больше я пыталась разобраться, тем больше я чувствовала, как теряю себя. Мои руки дрожали, и я снова обхватила себя, пытаясь успокоиться.

Боже, что мне делать? Как выбраться из всего этого?

Я вздохнула, пытаясь успокоиться. Вдох, выдох. Легче не становилось. Мысли всё равно путались в голове, не давая покоя. Снова посмотрела в окно, на ночное небо, на этот холодный свет луны, который не мог мне дать ответы. Мне не хотелось думать о том, что завтра мне нужно будет решить, что делать дальше.

Закрыв глаза, я попыталась сосредоточиться, отпустить все тревоги хотя бы на несколько секунд. Неужели это мой выход? Неужели моё спасение — это Лука? Может, я так отчаянно ищу какой-то спасительный мост, что готова хвататься за любой шанс? Он был так настойчив, так уверенно предлагал свою помощь. Но могу ли я ему доверять? И самое главное — могу ли я позволить себе поверить, что это спасение?

Когда я открыла глаза, взгляд остановился на Адаме. Он спокойно спал, мирно устроившись на кровати. Мое сердце сжалось. Он не заслуживал того, чтобы снова жить в страхе. Мы не можем вернуться к Генри, не можем снова оказаться в его руках. Нет. Я должна сделать что-то, чтобы защитить его, чтобы он был в безопасности.

Прижавшись руку к груди, ощутила, как внутри меня что-то меняется. Ради Адама. Я должна была сделать это ради него. Что бы ни случилось, я не позволю, чтобы он снова оказался в этом аду. И если для того, чтобы обеспечить ему безопасность, мне нужно будет принять помощь Луки, значит, так тому и быть.

Я почувствовала, как в голове всё сложилось в единую картину. Это было не лёгкое решение, но оно стало ясным. Больше не могла оттягивать неизбежное. Нужно было действовать, и я уже сделала свой выбор.

С этим решением я подошла и села на край кровати, чувствуя, как в груди появляется уверенность. Посмотрев на мирно спящего Адама, я улыбнулась. Всё будет иначе. Мы выберемся.

На следующий день я проснулась раньше, чем обычно. Утро было тихим и спокойным. Я готовила Адама в школу, стараясь сосредоточиться на простых делах, чтобы хоть как-то отвлечься. Мы позавтракали, я даже пыталась улыбаться, чтобы не показывать, что в голове крутится слишком много мыслей.

Родителей Эммы я так и не видела, скорее всего, они так и не вернулись домой вчера. Синяки, как и планировала, я скрыла консилером — мне не хотелось, чтобы возникали лишние вопросы. Адама сегодня заберёт Эмма, она настояла, что я должна быть дома и отдыхать. Сама же после пойдет в университет, там она сообщит, что я на больничном.

Мы стояли в коридоре, когда я снова предложила забрать Адама.

— Эмма, может, всё-таки я заберу его?

Эмма, не колеблясь, ответила отказом:

— Нет, тебе не нужно переживать. Мне не трудно, правда.

Она передала мне ключи от дома сказав, что у неё есть ещё запасные, на случай, если мне вдруг нужно будет куда-то выйти.

— Родители будут только вечером. До этого времени я буду дома, так что ты не переживай.

Я кивнула и поблагодарила её.

Адам стоял у двери, готовый уйти в школу.

— Увидимся, сестра! — сказал он, улыбаясь и обнимая меня.

Мы обменялись быстрым, но тёплым объятием, прежде чем он вышел, и как только дверь за ними закрылась, я почувствовала, как напряжение снова нарастает. Я нервничала. Закрыв глаза, я попыталась успокоиться, но сердце билось слишком быстро.

Сделав глубокий вдох, я подошла к своей куртке, которая висела на вешалке. Вытащив телефон, я почувствовала облегчение. Слава богу, Эмма захватила его с моей курткой в тот день.

Открыв экран, я увидела, что у меня было много пропущенных звонков. Все они были от Генри.

Меня передёрнуло от одной только мысли, услышать его голос или увидеть его. Нет. Я не хотела, я не была готова к этому. Сердце колотилось, как будто оно готово вырваться наружу. Я знала, что если я отвечу, то всё это снова начнётся. Его манипуляции, его давление, его холодная власть.

Мои пальцы замерли на экране, и я снова посмотрела на окно. Я не могла больше оставаться в этом замкнутом круге. Нужно было действовать.

Я зашла в чат с Эммой, и увидела сообщение, которое она должна была мне отправить. Там был номер Луки. Оказывается, он дал ей его, чтобы она сообщила ему обо мне, когда я была в больнице. Не стала спрашивать, почему она вообще согласилась на это, но было видно, что она доверяет ему, и этого было достаточно.

Проснувшись сегодня утром, я сразу сообщила Эмме о своём решении. Она немного удивилась, как и ожидалось, когда я рассказала ей о своём решении, но, несмотря на удивление, она поддержала меня. Понимала, что я не могу продолжать так жить.

Собравшись с силами, я начала набирать его номер. Сердце билось быстро, а руки слегка дрожали. Каждый набор цифр ощущался как шаг в неизвестность, как последний мост, который я переступаю, и за которым нет пути назад.

Когда я закончила вводить номер, секунды тянулись как целая вечность. Колебания внутри меня были настолько сильными, что казались почти осязаемыми, но я знала, что не могу больше откладывать этот шаг. Я нажала на кнопку «вызов» и приложила телефон к уху, ожидая, что он ответит. Это был момент, когда я могла изменить всё, и я почувствовала, как сердце бьётся всё быстрее.

Гудки. Долгие гудки.

Тонкая пауза, а затем его голос. Я собрала всю свою решимость, и, не отдавая себе отчёта, тихо спросила:

— Твое предложение ещё в силе?

ГЛАВА 7

Новый дом

Кайла

Я с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.